

В. ЖАЛАКЯВИЧУС

повесть
КЕНТАВРЫ

Женщины лежали обнявшись на узкой деревянной кровати и плакали. Трое карабинеров ходили вокруг сложенного из камней дома, курили и подмигивали друг другу, а лейтенант выжидающе поглядывал на небо.

Сперва послышался звук, щемящий, будто в каменистой земле кладбища отбойный молоток грызает яму на двоих, а то и на четверых, а потом из-за крыши показался вертолет. Сделав полукруг, он сел в облако красной пыли над пустырем. Когда опустились, будто обмякли, винты, из дверцы выскочили двое мужчин.

Орландо П., директор национальной службы расследования, поздоровался с лейтенантом карабинеров за руку, представил своего помощника: «Андрес» — и спросил:

— Где женщины?

Подшли к домику. Лейтенант доложил:

— Женщину и дочь ее пятнадцатилетнюю изнасиловали дважды. За ночь. То есть дочь дважды. Во второй раз мать не трогали. А беднягу Хуана убили.

Вошли в комнату, и лейтенант, усердствуя, крикнул:

— Встать! Хватит, наплакались!

Ему пришлось силой разнимать женщин, которые, кажется, спросились в отчаянном объятии. Мать еле держалась на ногах и, глядя перед собой невидящими глазами, повторяла:

— Ничего не знаю... Не знаю.

Орландо подал ей глиняную кружку с водой. Она взяла кружку

и не знала, что делать с ней дальше. Может быть, ждала приказа или окрика.

— Я друг Президента, — сказал Орландо, — я ваш друг. Пей. Я пришел, чтобы помочь вам и защитить.

Она выпила и заговорила сама, без просьб и понуканий:

— Их было шесть человек... пять. Или шесть. Не знаю. Они спросили: «Где твой Хуан?» Сказала: «Не знаю. Хуан поехал на работу». Я не знала...

Женщина вдруг застонала-закричала:

— Ах!

Она увидела — вспомнила шестерых мужчин с натянутыми на лицо чулками вместо масок. Один из них нашел в разрезе ее платья грудь и, держа ее в ладони, показывал друзьям. «Ах! Где Хуан?!»

— Не знаю, — повторила женщина. — Их было пять... нет, больше...

Она вспоминала, чтоб рассказать, и заново переживала вчерашнюю ночь... «Погом они распяли на кухонном столе дочь». Она вспоминала, чтоб рассказать, но не могла, и только в ее воспаленных блуждающих глазах восстанавливалась ускользающая из сознания недавняя реальность.

Орландо подумал, что это похоже на пытку, и снова налил ей воды.

— Муж ее, Хуан, владелец грузовика, — говорил лейтенант, — грузовичка. Когда начался саботаж на транспорте, когда началась забастовка владельцев машин, он не послушался и продолжал работать у лейтенанта. Он возил продукты. Хлеб, сахар. Они ему угрожали раза три, но он делал по-своему.

— Где он? — спросил Орландо.

— У лейтенанта.

Женщина схватила Орландо за руку.

— Хуан? — спросила она. — Он приехал поздно. Позже обычного... Лучше бы он вовсе не приехал... Они ждали его. Мучили нас сколько могли, потом ушли. Сказали, придут завтра, но вскоре вернулись. Я только вымыла Анну, и они снова вошли. Ах!

— Молчите, — сказал Орландо.

— Они снова начали нас мучить...

— Ты сказала, что во второй раз только дочь твою, — вспомнил лейтенант карабинеров.

— Почему говоришь неправду другу Президента? — взорвалась женщина. — Когда я стала кричать, что по доброй воле согласна, только бы они отпустили Анну, они схватили и меня. Я могу поклясться перед...

— Верю, — сказал Орландо.

— Они про Хуана и не спрашивали, — женщина держала Орландо за руку, — я думала, что они забыли про него, подумала, нет худа без добра, но Хуан сам пришел...

Она вдруг ударила Орландо кулаком в грудь.

— Ах!.. Они били его прутьями, потом утащили, увели, оставили нас и больше не вернулись...

— Так, может быть, он жив? — спросил Орландо. — Почему говоришь, что его убили?

— Кто говорит, что его убили? — вскричала женщина. — Разве и так мало бед?

Дочь Анна по-прежнему лежала на кровати и, кажется, дремала. Карабинеры поглядывали на ее раскинутые ноги. Между ногами была втиснута подушка.

— Разве и так мало бед?

Лейтенант сделал Орландо знак, они вышли во двор, а оттуда направились к водскачке. Там на бетонном полу лежал обезглавленный труп Хуана.

— Голову не нашли, — сказал карабинер, который утром пришел сюда первым.

— Может быть, они унесли ее с собой?

— На что она им сдалась? — возразил лейтенант и смущенно улыбнулся, глядя на Орландо. — Я не знал, как поступить. Отдашь ей мужа без головы — сойдет с ума.

Они вошли в какое-то учреждение. Здесь квартировал и пост карабинеров. На стене висел портрет Президента.

— Есть у вас связь со столицей? — спросил Орландо. — Попросите центр, потом дом Президента.

Пока карабинер в углу стучал по клавишам полевого телефона, Орландо завалился в кресло. Прикусил сигарету, стал искать спички. Вдруг подступила тошнота, и Орландо кинулся к окну. Раму заело, и он долго не мог ее открыть.

Вошел Андрес, волоча за собой дочь убитого. Андрес выждал, пока Орландо напился из-под крана, и сказал:

— Орландо, она что-то может сказать.

Но девушка молчала. Сейчас, при свете, были видны очертания ее девичьего тела, длинного смуглой шеи и синяки на обеих руках. Девушка молчала.

— Говори, — сказал Андрес.

— Что? — еле слышно спросила она.

— То же самое, что говорила мне... Ты узнала его?

Она кивнула.

— Да.

— Говори же, — Андрес заверещал.

Девушка молчала. Ее одолевал страх — вокруг было много мужчин. Протяжно зазвонил телефон, и Орландо взял трубку.

— Я просил дом Президента, сеньорита, — сказал он и почему-то подмигнул девушке, которая стояла перед ним на длинных худых ногах, упрямо прикусив губу.

— Президент отсутствует, — послышался высокий голос телефонистки и тотчас добавил: — Подождите одну минуту, одну минуту... Президент в парламенте. У телефона сеньора, жена Президента. Будете говорить?

— Да. Да, да! — Орландо машинально повернулся к портрету на стене. — Добрый день, это Орландо говорит!

— Здравствуйте. Он сейчас ТАМ. Воюет. С утра. Я только вернулась оттуда. — Голос ее казался низким, так как она говорила размеренно и отчетливо, играя гласными. — Что у вас, Орландо? Что-нибудь срочное?

В кабинете Президента тихо играла музыка. Жена Президента стояла у стола, красивая, элегантная, смотрела прямо перед собой и время от времени пальцами сжимала шею, казалось, массируя ее.

— Что-нибудь срочное?

— Да. Забастовщики убили владельца грузовика, который отказался саботировать... — послышался в трубке голос Орландо. — Мне не совсем удобно... вдаваться в подробности. Нужно выслать сюда телевидение и газетчиков. Вы могли бы помочь в этом? Дело, которым я теперь занимаюсь, можно использовать как удар по забастовщикам.

Женщина догронулась до шеи.

— Вы думаете, что сегодня еще может поразить кого-нибудь смерть одного человека? Нужен апокалипсис, чтобы расшевелить совесть буржуа и пробудить в них сострадание... Не слушайте меня... Но вокруг одна подлость и предательство... И слова! Слова о гуманизме, демократии, будущем, справедливости, законности, господи!.. Я постараюсь сделать что смогу... Вернетесь, заходите в любое время, здесь у нас не спят... и не едят. Только говорят... До встречи! Погодите, как называется это место? Вы сейчас где?

Положила трубку, отошла от стола. За столом оказался небольшого роста усатый человечек, один из помощников Президента.

— На чем нас прервали, Елисео? Да! Пишите. Революционный процесс будет крепнуть, расти и развиваться тем скорее и тем глубже, чем активнее будут участвовать в нем женщины...

В деревушке, в комнате карабинеров, девушка Анна сказала шелотом:

— Висенте.

— Что?

— Висенте.

— Его имя Висенте?

Она кивнула головой.

— Ты уверена, что это был Висенте? — вмешался лейтенант, и девушка дрогнула.

— Когда я была под ним... когда они пришли во второй раз. Я укусила его за нос. Чулок на его лице лопнул, и я его узнала — Висенте. Я сразу зажмурила глаза. Подумала, убью, если я их узнаю.

— Висенте — сын нотариуса Харпы, — сказал лейтенант. — У него шесть грузовиков-холодильников. У отца.

— Понизите, — буркнул Орlando.

В комнате остались девушка и связист. Орlando написал на бумажке номер телефона и подал связисту. Молчали в ожидании. Потом появилась муха, и девушка стала ее преследовать по всей комнате, размахивая шапкой карабинера, но муха победила, и девушка снова уселась на скамейку.

Приведи Висенте. Ему было не больше восемнадцати. На носу у него были кровоподтеки.

— Что скажешь? — спросил Орlando.

— Она меня заразила, — пожаловался Висенте, показывая на девушку. Он был еще пьян. — Клякись, все болит.

— Врешь! — сказал щуплый карабинер. Скулы выдавали его индейское происхождение. — Ты давно болен. Еще осенью все говорили, что ты подцепил!

— Уведите девушку к матери, — приказал Орlando. Потом он шагнул к парню, и тот забился в угол.

— Не бойся. Бить не буду. Ты болен. Пьян. Юн. По закону не имею права бить тебя. — Орlando сморщился. — Кто был с тобой сегодня ночью?

— Я никого не убивал! — закричал фальцетом Висенте.

— Тебя спрашивают, не кто убивал, а кто был с тобой сегодня ночью.

— Я не убивал.

— Может быть. Ты только насиловал мать и дочь и заразил их гадостью. — Орlando лишь сейчас об этом подумал. — И своих дружков награждал заодно, не так ли? Их нужно лечить. Кто был с тобой?

Зазвенел телефон.

— Ваш номер на проводе.

Орlando не сразу понял. Почувствовал дрожь в руках.

— Сейчас, сейчас. Анна-Мария?! Алло! Это я... Почему молчишь?

Там, в большом городе, в старом доме, в неудобной комнате с высоким потолком, на кровати сидела молодая женщина. Кроме брюк, на ней больше ничего не было надето. Держала трубку и смотрела в старинное зеркало в тяжелой раме. Шторы были задернуты, и в комнате стоял полумрак. Женщина молчала, и в трубке снова зазвучал голос:

— Анна-Мария?! Где ты?

— Я здесь, — сказала она. — Где ты?

— В пекле.

— Я тоже.

— Я звонил тебе весь день.

— Я работала.

— Я звонил тебе ночью.

— Я не слышала, значит. Где ты был ночью?

— Я? В пекле...

— Я тоже.

— Анна-Мария!

— Я здесь. Когда ты вернешься?

— Я? Скоро.

— ...

— Ты будешь здесь?.. Где ты сейчас?..

— Мне страшно, Орlando. — Казалось, она заплачет. — За мною ходят какие-то люди. Возвращайся.

Тем временем Висенте ударил ногой в пах карабинера с индейскими скулами. Потом он плюнул в лицо Андресу, и тот, вспомнив про болезнь Висенте, шарахнулся в сторону. Висенте выскочил на улицу.

— Я здесь, — говорила женщина. — Чертовски холодно... Нельзя быть одной... Я здесь... Алло! Я здесь...

Тот самый индеец, который помнил, что Висенте еще осенью «что-то подцепил», и которому сейчас за это досталось ногой в пах, выстрелил из автомата, и Висенте споткнулся.

В это время из пистолета выстрелил Андрес. Висенте упал на четвереньки, сник и зарылся лицом в серую, еще неживую, зимнюю траву. Орlando нагнулся над трупом, и в лицо ему ударило перегаром виноградной водки.

— Зачем стрелял? — спросил он карабинера.

— Вы крикнули: «Стреляй», и я выпалил, — не моргнув, ответил скуластый.

— Я не раскрыл рта, — Орlando щипнул себя за усы. — Ты убил его за то, что он тебя ударил ногой.

— Он мерзавец, этот сифилитик, — сказал карабинер.

— Да, — Орlando не спорил. — Вы оба хороши. Я доложу о тебе. Сдай оружие офицеру.

— Слушаюсь! — рявкнул карабинер и проводил его не добрым взглядом.

Вскоре на нескольких грузовиках появились забастовщики. Они уже знали о смерти Висенте, так как сразу бросились к трупу. Поднялся стон. «Висенте убили! Мальчика, ребенка убили!» Они взорвали «джип» карабинеров. Карабинер, тот, который пристрелил насильника, окруженный разъяренной толпой, объяснял:

— Он, этот, из столицы, скомандовал: «Стреляй», и я был обязан!.. Этот высокий...

— Андрес, к вертолету! — приказал Орlando. — Если они подожгут наш пузырь, мы тут зазимуем!

Андрес с двумя карабинерами поспешил на пустырь за домом Хуана. Началась перестрелка, и одного карабинера ранили в ногу. Орlando вернулся в карабинерскую.

— Вызывай солдат! — крикнул связисту, который готовил оружие к бою. — Не будем играть в Дикий Запад! Солдат вызывай!

Пока подъехал автобус с карабинерами, все-таки пришлось пострелять. В паузе между стрельбой Орlando спросил:

— У этого... у убитого... у Хуана, было оружие?

— Нет, — сказал лейтенант. — Мы отняли у него ружье после издания закона о разоружении населения.

Когда пуля забастовщиков разбила лампу над столом, Орlando усмехнулся.

— По-моему, — сказал он, — закон о разоружении применялся частично... Только к коммунистам...

— Да, да! — согласился лейтенант. — Но не думаю, что бедному Хуану ружье помогло бы... Их было пять человек...

— Вы правы, — Орlando устроился за шкафом под портретом Президента. — Вы правы... Пять или шесть.

Забастовщики как внезапно появились, так же и уехали, заметив приближение карабинерской части. Вместе с ними исчез труп Висенте. Когда подбежал Андрес и сообщил, что налетчики увезли труп насильника, Орlando сказал:

— Висенте всплывет. Они будут показывать бедного ребенка, убитого мальчика на каждом шагу.

Подшли к дому покойного Хуана. Женщины убирались. Дочь вынесла на забор одеяло и подушки. Мать шваброй отмывала порог.

— Андрес, ты останешься здесь. Завтра должны появиться

телевидение и пресса... Найди доктора для женщин, — говорил Орlando.

— Медики бастуют, шеф. Если только за большие деньги. К беднякам никто не пойдет. Да еще этот Висенте!

— С этим Висенте вам выпутываться, лейтенант, — сказал Орlando. — Ваш карабинер выстрелил, вы и придумывайте. Только не пишите «при попытке к бегству». Это всегда звучит фальшиво, даже если соответствует истине.

— При чем тут карабинер? — лейтенант выставил подбородок и удивленно поднял брови. — Вы скомандовали «Стреляй», он и выпалил.

Орlando не спорил. Переглянулся с Андресом и кивнул головой.

— Я вас понял, — сказал он. — Договоримся на том, что Висенте был насильник и мерзавец. Жаль только, мы потеряли нить к другим преступникам.

Загудели моторы вертолета. Пора было идти.

— А как с головой быть, лейтенант?

Лейтенант не понял.

— Голову Хуана найти бы. Завтра от женщин уже ничего не скроешь. Видите, они прибираются. Они ждут его.

Орlando скрылся в вихре красной пыли, кружившей под винтами вертолета.

Летели молча. Орlando безуспешно пытался уснуть. Пилот дернул его за плечо.

— Взгляните, шеф, на Панамерикан!

Внизу, до самого горизонта, змеей тянулась белая лента Панамерикан, пронизывающая всю страну и весь южный континент.

— Да.

Это «да» ничего хорошего и не значило, как и зрелище, открывшееся их взору. Поперек дороги, сколько видел глаз, стояли грузовики. Сотни и сотни автомашин со спущенными шинами, а какие и просто без колес торчали на дороге, как за-слоны, сквозь которые проехать можно было только на детском велосипеде... «Или на тавке», — подумал Орlando.

— Вот они, забастовщики!

Время от времени внизу вдоль дороги возникали шатры и навесы. Возле них дымились костры. Это были лагеря забастовщиков, охраняющих свои машины.

— Видны количественные изменения, — сказал пилот. — В сравнении с тем, что здесь было недели три тому назад, не так ли? Кто-то их здорово подкармливает, а?

Орlando молчал. Только когда у одного лагеря их встрети-

ли выстрелами и вертолет резко рванул в сторону во избежание неприятностей, Орlando сказал:

— Изменения и количественные и качественные. В тот раз нас встречали охотничьей дробью.

Съежился в кресле, поднял воротник и, готовясь спать, добавил:

— Если хотим найти отрубленную голову Хуана, так она вот здесь, внизу, под нами...

Орlando вел машину по вечернему городу. На перекрестках стояли «джипы» карабинеров и разгуливали патрули. Рядом с ним сидел Эваристо из бюро расследования, который встретил его на военном аэродроме. Эваристо говорил:

— Я переоделся люмпеном и протолкался в порту двое, почти трое суток. Военных моряков не выпускают на берег, кроме как в патрульную службу. Объясняют, что флот готовится к маневрам. Совместным маневрам с американцами.

Городской транспорт не работал из-за забастовки и нехватки бензина, улицы были полупустые, и машина быстро двигалась вниз, к центру. Эваристо говорил:

— Никакого контакта двое суток. Только прошлой ночью машинист катера, отвозившего масло для крейсера «Независимость», передал мне вот это.

ЭТО было клочком белой материи, возможно, оторванным от нижнего белья. На материи красными чернилами, а может быть, и кровью было написано: «Взяли не меньше 50 человек. Монтелья гоже. Говорят, его сожгли в кочегарке. 4 офицера и нас 6. Пытают без сна. Ищут людей Орlando. Никогда...»

Орlando правой рукой взял клочок, искривленный орфографическими ошибками, прочел, сказал:

— Монтелья нет, — и спросил: — Твое мнение?

— Во-первых, они очищаются от сторонников Президента... («Да».) Во-вторых, морская разведка ищет наших. («Да», — кивнул Орlando.) В-третьих... — Запнулся и замолчал.

— Что в-третьих?

— ...Они готовятся.

— К маневрам?

— К войне.

— Война уже идет, Эваристо.

— Это еще не война, шеф. Война — это когда пойдут тяжелые танки и крейсера.

— Ты не веришь военным?

— ...

— Я хочу сказать, — он остановил машину на углу Аугустинас, у старого дома, — хочу сказать, что пора определить наше отношение к военным... Что молчишь?

— Сейчас все будет решаться на флоте, — сказал Эваристо. — Если на удар, который они нам нанесли, мы не сумеем ответить тем же, флот, а за ним и армия выйдут из повиновения.

Это были только слова. Орlando терпеть не мог слов, и Эваристо увидел, как шеф сморщился.

— Это только слова, понимаю, — сказал Эваристо.

Орlando вошел в дом, поднялся на лифте, открыл ключом дверь квартиры.

Крикнул:

— Анна-Мари!

Зеркало на столе. Телефон. Рядом записка: «Я здесь». Никого не было. Орlando открыл дверь в ванную, потом заглянул под кровать. Дописал на том же клочке бумажки: «Я тоже здесь».

Позвонил на службу.

— Что нового?

— Срочного, шеф, ничего. Сводка за сутки у Эваристо. Он встретил вас?..

— Как курс доллара? — спросил Орlando. Это была его идея-фикс.

— Сегодня на черном рынке продавали по четыреста за штуку. Значит, курс продолжает падать... Шеф, тут мне передает дежурный, вас ждут у Президента к восьми часам.

Женские тряпки и безделушки, разбросанные по всей комнате, кричали об Анне-Марии. Перед тем как выйти, он понюхал из флакончика ее духи.

Вниз поспешил по лестнице и у самого выхода на улицу наткнулся на дуло автомата. Полез было в карман за документами, но солдат крикнул:

— ...уки... еррх!

Его вытолкнули на тротуар и поставили к стенке рядом с Эваристо.

— Могу я показать свои документы? — спросил Орlando младшего офицера, начальника патруля.

Солдаты тем временем обыскивали машину. Лейтенант сам достал документы Орlando. Чин директора национальной службы расследования офицера нисколько не смутил.

— Это ваша машина? — спросил лейтенант.

— Да.

— На этой машине вчера в районе Че Гевара доставлялось контрабандное оружие.

— Эта машина вчера стояла в гараже, — сказал Орландо. — Вчера я весь день провел в провинции. Значит, вы ошиблись или придумываете.

— Я выполняю свой долг. До встречи, — сказал лейтенант, отдавая оружие, и заглянул в глаза Орландо. Ненависть, презрение, угрозу, высокомерие — все вложил молодой аристократ в слова «до встречи». Козырнул и увел солдат. Орландо снова открыл и осмотрел багажник, потом заглянул под второе сиденье. Принюхался.

— Ищешь, не положили ли они бомбу? — усмехнулся Эваристо.

— Хочу понять, это провокация или на моей машине кто-нибудь и впрямь возил оружие? Ключи у тебя, но тебя здесь не было, — вслух рассуждал Орландо. — Ты был у океана, меня не было, у Анны-Марии своя машина...

— Я дал ключи от твоей машины человеку, имени которого не скажу, — вдруг заявил Эваристо, чтоб прекратить игру.

— Это я и хотел услышать. — Орландо опустил за руль. — Ты подвел меня под удар.

— Виноват, — сказал Эваристо.

— Где ЭТО? — спросил Орландо и прищелкнул пальцами. ЭТО — кровавая записка на белой материи — хранилась у Эваристо в левом верхнем кармане пиджака, где джентльмены, как известно, обычно носят платок. — Могу я это взять? — спросил Орландо и спрятал записку тоже в левый верхний карман своего пиджака.

-- Да! — вспомнил Эваристо. — Утром звонила Анна-Мария, сказала, будет ждать тебя, чтоб ты ехал прямо сюда.

-- Все в порядке, — сказал Орландо. — Она здесь. Привет тебе от нее.

Подъехали к президентскому дворцу, где, как обычно, каждое утро и каждый вечер группками собирались студенты. Они размахивали плакатами и под дирижирование какого-нибудь запевалы кричали: «Президент, мы тебя защитим!» или: «Президент, мы с тобой!» Сейчас они молчали, ожидая появления Президента.

Орландо и Эваристо прошли мимо караула карабинеров и застучали каблуками по лестнице серого мрамора. На верхней галерее, ведущей в кабинет Президента, выстроившись в длинный ряд, стояли бюсты всех бывших президентов. Они возвышались на постаментах в виде дорических колонн. Колонны разной величины, как и сами президенты когда-то, но все из

одинакового белого мрамора. Орландо каждый раз, проходя сквозь эту торжественную нелепость, ловил себя на том, что старается заглянуть им в глаза. Глаза без зрачков.

В приемной Президента ожидали несколько человек. За последние три года они стали частью интерьера этого дома. У самых дверей, ближе всех к тому, кого называли Отцом, стоял Аугусто, советник и друг Президента, по прозвищу Верный Пес, которое он оправдывал с лихвой. Орландо хотел пройти в кабинет, но Аугусто его остановил.

— Он разговаривает по телефону.

Орландо сделал вид, что удивился. Эти двери были всегда открыты для него не только из-за поста, который Орландо занимал, подчиняясь непосредственно Президенту, но и из-за личных отношений с Отцом.

— Он разговаривает с женой, — сказал Аугусто.

Из-за дверей доносились звуки Моцарта. Прогрываете поставили в кабинет год тому назад по настоянию Орландо, и диски крутились все время, пока Президент находился в кабинете.

Отец сидел спиной к письменному столу, заваленному бумагами и множеством цветных карандашей. Он говорил хриплым, простуженным голосом:

— После обеда я был на текстильной фабрике. Нет сырья, нет запасных частей. Вчера там произошла перестрелка с солдатами, которые хотели разоружить рабочую охрану...

В шести кварталах от дворца в гостиной принадлежащего Президенту дома сгинули его жена и мужчина в черном плаще. Потом она скажет, что это врач. Она спросила в трубку:

— Ты простудился, Чичо?

— Да, — сказал Президент. — Слегка... Потом я был в военном госпитале. Там лежат трое, они ранены вчера во время перестрелки... Два текстильщика и солдат. Солдат тоже из рабочих.

Он сидел, слегка опустив голову, и под глазами вырисовывались черные круги. Он сам был врач и знал, что это не просто усталость, а вторичные признаки больного сердца. Глаза не в пример прежним временам потеряли свою задорность и бегали по сторонам. Был он наедине с самим собою, но на лице застыла вымученная улыбка, словно взятая взаймы у другого лица. Президент был еще красив, но горбился против воли. Он знал, что силы не восстанавливаются.

— Через полчаса у меня Совет безопасности.

Она сказала:

— Чичо, ты отдохни эти полчаса. Это самое дельное, что ты можешь сделать. Отдохни.

— Обязательно. Обязательно.

Хрипота вдруг исчезла. Он спросил:

— Ты что-нибудь успела за день, милая?

— Нет, — искренне ответила она. — Сперва писала статью, потом бегала по школам. Чичо, в магазинах нет хлеба!

— Не так чтоб совсем не было, — нетвердо ответил Президент.

— Молока нет! — воскликнула она. — Того самого молока, с которого началась наша программа: каждому ребенку пол-литра молока! Нет его!

Он знал, чего нет и чего еще не станет в ближайшее время. Все почему-то говорили об этом именно ему.

Она прислушалась и вдруг спросила:

— Ты слушаешь Моцарта?

— Я? — Он испуганно оглянулся. — Да! То есть я его не слушаю, а только проигрываю. Это наш Орlando придумал. Считает, что так меньше возможностей подслушивать... Только у меня нет секретов... Говорю то, что думаю, и думаю то, что говорю...

— Чичо! — наконец решилась женщина. — Я здесь с доктором Карлосом... (Да, да! Привет ему!) Чичо, мы только что из больницы. С сестрой твоей, с Люсией, очень плохо.

— Конечно, — кивнул Президент и встал, хотел отойти от стола, но провод держал его.

— Доктор говорит, что жизнь ее угасает.

— У нее рак, и она может умереть в любой ближайший час, — сказал Президент твердым голосом. Так судья выносит приговор. — Я это знаю, и ты тоже.

— Говоришь как врач! — возмутилась женщина. — Она твоя сестра!

— Я и есть врач! — сказал Президент. — Мы обязаны, Ангелика, относиться с достоинством к факту своего исчезновения. Нельзя с таким трагизмом воспринимать самое что ни на есть естественное.

Оба помолчали. Она длинными пальцами дотронулась до своей шеи и, довольная тем, что он не видит ее, сказала:

— Отдыхай.

Потом зарыдала в объятиях маленького доктора Карлоса.

— Сеньора Ангелика, — пыхтя бормотал он, — я вам скажу... Это я начал чувствовать недавно... Знаете, часто хочется быть не доктором, а священником...

Орландо переминался с ноги на ногу, старался стоять ко всем спиной, курил, зажигая сигарету от сигареты. Подошел к окну и приподнял занавес. Студенты стояли, сидели на парапетах дворцовой площади, видимо, что-то пели. Вдруг один выскочил вперед и замахал портретом Президента. Все поднялись на ноги и стали дружно скандировать. Даже здесь, за толстыми стенами, слышно было: «Мы с то-бой... то-бой!..» Орландо сперва подумал, что они приняли его силуэт в окне за силуэт Президента. Потом, сообразив, опустил занавески, пошел на Аугусто.

— Он кончил разговаривать, — сказал, не останавливаясь, и толкнул двумя руками увесистые буковые двери.

Толстый ковер поглотил звуки шагов, Президент его не услышал. И Орландо стал свидетелем сцены: Президент стоял в темном проеме окна и приветственно махал рукой. За окном скандировали:

— Пре-зи-дент... За-щи-тим!

Проигрыватель терзал ту же пластинку с Моцартом. Пришлось изрядно подождать, пока Президент опустил штору и отвернулся от окна. Увидев Орландо, он дал волю охватившим его чувствам.

— Может быть, это сентиментально, может быть, это уже старческие симптомы, но я каждый раз волнуюсь, глядя на этих мальчишек и девчонок, — подошел мягким быстрым шагом. — Для меня эти лица... эти слова — как допинг.

Он искренне волновался. Заразительно волновался.

Поздоровался с Орландо за руку. Любил его и не скрывал это. Он умел любить, и его любили за это его умение.

— Ты уезжал? Ангелика говорила, ты звонил. Страшная история с той головой и сифилитиком. Она сделала, что ты просил. Есть какие-нибудь новости? Я читал сводку. Неутешительно. Ты пришел на совещание? Отлично...

— Я хочу поговорить с вами до начала совещания, — сказал Орландо.

Президент взглянул на огромные бронзовые часы в углу кабинета. Оставалось пятнадцать минут.

— Вы хотели отдохнуть? — смутился Орландо.

Он вдруг понял, не осознал, а физически ощутил, что его с Президентом разделяло добрых тридцать лет.

— Сестра моя, Люсия, умирает от рака. Мы с тобой оба медики, Орландо, и знаем, какая это мука, — сказал Президент и снова взглянул на часы. — Куда бежит время? Куда.

— Оно бежит от нас, — сказал Орландо.

— Если ты хотел сказать... Ты не прав, оно не против

нас... Нам нужно выстоять месяца три... Нарыв лопнет, увидишь. — Он остановился у проигрывателя и переставил иглу на начало пластинки. — Ты хотел сказать что-то неотложное?

— Да, Отец.

— Почему вдруг Отец? — Кажется, Президент встревожился.

— Вас так все зовут за глаза, — сказал Орlando. — Вы не знали? («Нет».) Захотелось сказать вам это.

— Спасибо, — Отец старался не растрогаться. — Я согласен слушать. Говори гадости, от тебя ведь другого не услышишь, — улыбнулся. Хотел улыбкой заразить Орlando, но тот опустил глаза.

— Компаньеро Президент, — Орlando отключил эмоции.

Кратко, телеграфным языком он повторил то, что узнал от Эваристо об арестах и резне на флоте.

— Немыслимо, — повторял Президент после каждого предложения. — Немыслимо.

Орlando не спорил.

Президент с дотошностью врача рассматривал кровавую записку.

— Многие заинтересованы поссорить нас с армией, — сказал он и в упор взглянул Орlando в глаза. — Такие есть даже в Совете министров... Ты не принадлежишь к их числу? («Нет».) Значит, ты на поводу у мелких фактов. («Да?».) Наш враг не наша армия, а олигархия, фашизм и еще кое-что по ту сторону границы, не так ли, а не армия. Будь логичен: если бы армия хотела меня сместить, у нее еще вчера было достаточно поводов для переворота. Одни наши экономические затруднения уже могут быть поводом, а? Что ты можешь возразить на это? Я хочу возложить на армию часть своей власти в провинциях и в решении хозяйственных вопросов. Возложить часть власти и часть ответственности. Нет другого выхода и нет другой силы для поддержания порядка.

— Должен ли я понять, что убийства наших людей на флоте останутся нерасследованными? — спросил Орlando. — Мы будем делать вид, что ничего не знаем?

— Мы действительно мало знаем, — сказал Президент. — Это впечатляет, — он вернул Орlando записку-тряпочку, — но это не документ и не живой свидетель.

— Да, — кивнул Орlando. — Скорее всего это уже мертвый свидетель.

— Не упражняйся, — сказал Отец. — Я тебе и твоему бюро запрещаю заниматься этим делом.

Вошел Верный Пес, Аугусто, держа в руках телефонограмму. «Союз врачей столицы объявил забастовку в знак солидарности с бастующими транспортниками».

— Немыслимо, — засмеялся Президент. — Правда, по поводу наших медиков у меня никогда не было иллюзий... Но врач, бастующий у койки умирающего, — это нонсенс, который...

Не окончив фразу, наклонился над пластинкой и застыл, поглощенный музыкой, которую вдруг услышал тем внутренним слухом, какой редко бывает у тех, для кого музыка лишь развлечение. Стоял, пораженный огромным потоком из множества голосов. Казалось, знакомых голосов. Моцарт.

— Тяжесть, которая ложится на наши плечи, усугубляется тем, что нас становится все меньше, — Президент говорил тихо, как будто для себя, и иные слова растворялись, таяли в музыке, — и больше нас не станет, а только меньше, и с этим мы должны мириться... Не знаешь, кто отвернется от тебя завтра... и закрадывается подозрение... бороться с оглядкой... труднее всего, но мы выбрали путь революции, и спрос с нас прежний, как в былое время... — Он замолчал, на губах появилась гримаса физической боли. Смочил языком губы и снова попробовал улыбнуться. — Мы употребляем слово «нация». Бред! Нет такого организма! Есть группы людей, которые стремятся к своей выгоде, но никто не думает и не печется о национальном благе. Нет нации! Есть разрозненные враждующие классы... Все помышляют о гражданской войне... Не важны ни жертвы, ни разрушения, лишь бы обеспечить свое благополучие... на чужих костях... Нет нации. Нет идеалов процветания и демократизма... Я начинаю испытывать страх, когда открываю рот, чтоб говорить. Слова потеряли свой первичный смысл. Ты говоришь и видишь, что обращаешься к глухим. Тебя не слышат... и не видят. Тебя нет... Деньги... Эгоизм... Врачи бастуют, чтоб бесплатно не лечить бедняка! Илк, может быть, только мы такая нация? Ум-м?.. Орlando! Не смей, — вдруг заговорил решительно и жестко. — Мы не должны трогать ни армию, ни флот. Мы должны с помощью армии выиграть битву с экономическим врагом. Я вам запрещаю заниматься расследованием на флоте. Не имеем права поддаваться провокации. Я кончил.

Поправил усы. Застегнул пиджак.

— А это изнасилование нужно максимально использовать во вред саботажу. Во вред владельцам грузовиков... Как ужасно это звучит, а-а? Но это так!..

Увидел, что Орlando его не слушает.

— Пора? — спросил у Аугусто, который, кроме всего прочего, был и его живыми часами.

— Да.

Через боковую дверь они вошли в зал, и министры — члены Совета национальной безопасности — встали. Покашливая в кулак, Президент подошел к первому ряду и, не выбирая места, сел. Под тяжестью тела кресло развалилось, и Орlando еле успел подхватить его под руку.

«Рухнул, — подумал Президент. — Упал. Развалился. Все синонимы неустойчивости и крушения». Подумал, успел подумать, что сейчас эти образы, должно быть, возникли у всех присутствующих. Разозлился и покраснел от обиды.

Проверив двумя руками прочность соседнего кресла, он расселся в нем с наигранным удобством и легкостью. Взглянул украдкой на третий ряд, где рядом сидели четыре генерала и адмирал, командующий флотом.

— Еще, слава богу, мы, социалисты, не суеверны, — сказал Президент вполголоса, но достаточно громко, чтобы его слышали. Дружный смехок частично вознаграждал его за неловкость. Потом, сидя спиной к большинству в зале, спросил: — Кто нам сегодня будет показывать кино? Министр внутренних дел?

Генерал Боа, длинный, в две жерди, тощий, с бородкой Рыцаря печального образа, сделав три шага, одолел расстояние от десятого ряда. Штатский костюм был ему широк и короток. Он махнул рукой киномеханику.

На лоскутном полотне экрана, разделенном несколькими швами, появилась аэросъемка дороги Панамерикан. Пробки из грузовиков. Лагеря бастующих. Генерал Боа говорил в полумраке:

— Бастуют двадцать пять тысяч владельцев грузовиков. Блокированы все центральные магистрали. Города оказались без продуктов питания и бензина...

Голос Орlando с места:

— Есть сведения, что к забастовке присоединятся и обе северные провинции. Это уже петля...

Свет зажегся.

— Я пролетал над дорогой сегодня. Нас обстреляли, — говорил Орlando. — История с изнасилованием и отсечением головы должна послужить законным предлогом для борьбы с забастовкой.

— Предложения? — спросил Президент.

— Орlando прав, эту историю необходимо использовать.

Нужно объявить забастовку незаконной, — сказал министр внутренних дел. — Незаконной и преступной. Это во-первых...

— Парламент не подтвердит нашего решения, — сказал Президент. — Моя надежда на армию, — взглянул на генералов. — Армия должна сказать свое слово в защиту порядка, в защиту национальных интересов. Это ее долг и право.

Генералы закивали головами. Это следовало понять не как согласие, а просто как знак, что они здесь и они слышали Президента. Однако он ждал ответа, и генерал ВВС сказал:

— Армия не полиция. Скажем, я могу разбомбить лагеря бастующих. Это не разрешит проблемы, так как в результате мы останемся вовсе без грузовиков.

— Почему обязательно разбомбить? — испугался Президент. — Я имел в виду совсем другое.

— Что другое? — спросил генерал ВВС. — Армия не полиция. Армия бомбит и стреляет!

Генерал выпрямился в кресле, глаза его засверкали, он, может быть, представил себе взрывающиеся бомбы, услышал ласкающий ухо гул пикирующих самолетов.

— Нет! Нет! — Президент поднял руку. — Только не это. — Он презрительно сморщился и склонил голову. — В этот трудный час я, избранный по закону Президент, повторяю вам еще раз: я намерен войти в историю как политик с чистыми руками...

Президент подвигал вверх руки. Белые чистые руки врача. Снова взглянул на генералов и на адмирала. Улыбнулся, несколько заискивающе улыбнулся и закашлялся.

— Сегодня, когда затронуты интересы всей нации, — продолжал Президент, — когда под угрозой будущее нации, — увидел улыбку Орlando, — спрашиваю наших генералов: может ли правительство рассчитывать на верность и на помощь армии? Об этом я вас хочу спросить именно сегодня.

Генералы закивали. Генерал ВВС поднял правую руку. Это было похоже на клятву. За ним последовали остальные. Адмирал поднял руку последним. Сказал:

— Хочу заметить, каждая партия — социалистов, христиан-демократов, коммунистов — представляет только какое-нибудь одно сословие. Армия и флот представляют всю нацию.

— Наверное, — сказал Президент. — Значит, армии поручаем нормализацию транспорта. Договорились?

— Армия не полиция, — напомнил вновь генерал ВВС, — армия стреляет.

— Хватит политики, вернемся к кино, — пошутил Президент.

В былое время шутки были его коньком. Он усталился на экран и стал ждать, пока погаснет свет.

На экране показались люди, они толпились, ходили вокруг взорванных, поверженных столбов высоковольтных электролиний. Затем пошли кадры пожара на нефтепромыслах. Эти места всем были известны, и никто их не комментировал. В темноте зала изредка вспыхивали зажигалки, и в луч от кинопроектора врывались клубы табачного дыма.

Президент закрыл глаза. В тайниках лихорадящего мозга навязчиво возникали звуки Моцарта. Услышал голос генерала Боа:

— Эскалация террора и запугивание достигли угрожающих размеров. За последние четыре дня в стране совершено 347 актов террора и диверсий...

Открыл глаза. На экране быстро мелькали кадры с изображением убитых и изуродованных тел.

— ...Убит функционер социалистической молодежи Р. Убиты взрывом бомбы два профсоюзных руководителя южной провинции...

Как только зажегся свет, командующий вооруженными силами генерал Каталон крикнул:

— Хаос! Настоящий хаос в стране.

Тихо, как из-под покрывала, прозвучали слова Президента:

— Буржуазия готова на любые преступления во имя восстановления своих привилегий... Что предлагаете?

— Разоружить все гражданское население, — заявил генерал ВВС. — Оружие должно остаться только у армии.

— И социалистов разоружить тоже? — спросил Президент. — Тех, которые за порядок, за нас с вами, тех тоже разоружать?

— Всех, — генерал опять торжественно поднял руку, которую все уже видели пять минут тому назад. — Всех. Если вы верите армии. Если не хотим гражданской войны.

— Верю, — сказал Президент. — Армия Республики всегда была защитницей Конституции... И сегодня вы это здесь подтвердили. Союз с армией — это залог нашего национального будущего...

Никто не спорил. Орlando незаметно выскользнул за дверь и из кабинета Президента позвонил Анне-Марии. Ее не было в их квартирке. Не было в Доме песни, где она иногда проводила целые вечера и ночи, слушая песни, которые раньше называли песнями протеста, а теперь песнями «в поддержку». Там у нее было много друзей, и иногда она водила туда Орlando.

— Нет, она сегодня сюда не заходила, — сказал мужской голос.

В это время раздался звонок второго телефона, и Орlando поднял трубку. Звонила жена Президента, компаньера Ангелика.

— Это вы, Орlando? Как он? Он отдохнул? Нет? Ужасно. Вчера ночью ему было плохо. Что будет, Орlando? Вы замечаете, он потерял чувство юмора? Куда делись его шутки? Вы голодны, Орlando? Приходите, выпьем кофе; я хочу сказать вам кое-что и кое-что услышать от вас. Он еще там надолго? Приезжайте, я жду.

— Обязательно.

Мужской голос из Дома песни спросил:

— Если Анна-Мария появится, что ей передать?

— Пусть позвонит в дом Президента.

— Компаньеро! — крикнул парень. — Вы увидите его? Как он? Правда, что он болен?

— Это слухи, — сказал Орlando. — Он здоровее прежнего. Что у вас сегодня ночью?

— Вечер Кореаки. Если у вас найдется время...

— Обязательно.

В приемной Эваристо болтал с секретаршей.

— Юлия, сделайте Отцу чай с лимоном, — сказал Орlando секретарше. — Он кашляет непрерывно.

— Тогда всем нужно подносить, — она развела руками. — Таков наказ — или всем, или никому. А на всех у меня нет ни лимона, ни сахара.

— Несите ему одному. Под мою ответственность. Остальные не кашляют... пока.

В машине ехали молча. Эваристо ждал, чтоб Орlando сам заговорил.

— Отец запретил заниматься делом на флоте, — услышал он наконец. — Он назвал это провокацией с целью посорить армию с правительством...

— Так...

— Что «так»?.. — Орlando замолк, испугавшись, что может сорваться и излить накипевшее подчиненному. Затанулся сигаретой и спокойно, чужим голосом спросил: — Эваристо, ты веришь мне?

— Я работаю с тобой, — он подчеркнул фамильярно «с тобой».

— Покажи, пожалуйста, насколько веришь.

Эваристо не знал, как это показать, и Орlando, отпустив руль, двумя руками изобразил так, как обычно рыбаки показывают свою удачу на лове. Эваристо засмеялся и показал «большую рыбу». Орlando понял.

— Большая рыба. Спасибо. Так слушай меня, вопреки воле и приказу Президента я не намерен оставить это дело на флоте.

— Так...

— Перестань такать, — сморщился Орlando. — Он попытался разыграть на Совете спектакль с генералами, но меня это не убедило. Никого не убедило. Я бы верил только министру обороны. Но он один погоду не сделает, — невесело улыбнулся. — Отец поставил меня в тупик вопросом: почему армия, если она враждебно настроена, не совершила переворота еще вчера? Логично. Ничего не скажешь. Так вот, чтоб получить ответ на его вопрос, и я займусь нашим флотским делом. Логично?

Эваристо был в невыгодном положении — он слышал слова, но ход мыслей Орlando от него был скрыт. Орlando это понимал.

— Ты пойдешь со мной на это? — спросил он. — Можешь потерять все. Голззу — это как минимум.

— Я там был только что, — сказал Эваристо осторожно. — Знаю кое-кого. Я мог бы тебе быть полезным. Ты ведь это имеешь в виду? («Да».) Я готов.

— Спасибо. Кого еще посоветуешь?

— Фигерса.

— Согласен. Пока ему ничего не объясняй. Скажи, выезжаем завтра утром. Утром вернется Андреc. Он останется вместо меня.

Машина остановилась у президентского особняка. С балкона свисал трехцветный флаг. Вдоль изгороди ходили карабинеры. Орlando вышел из машины, размял свои длинные ноги, взглянул на светящиеся окна второго этажа.

— Забирай машину, — сказал, — Если понадобится, я позвоню в бюро.

К машине шагнул караульный карабинец, но, видимо, узнал Орlando в лицо и отошел в сторону.

Жена Президента поставила на стол хлеб, колбасу, зелень.

— Пир, — сказал Орlando.

— Пир, — согласилась она и, как бы извиняясь, добавила: — Это нам присылают друзья из провинции.

Она села напротив Орландо и стала читать книгу, не мешая ему есть вдоволь. У нее всегда в руках была какая-нибудь книга. Это было позой, привычкой и необходимостью одновременно. Она, как истая латиноамериканка, разделяла государственные заботы своего мужа. Жены генералов, скажем, считали своей обязанностью давать советы в военных делах, жены агрономов — в деле агрокультуры. Жена Президента считала своим долгом разделять то бремя власти, которое нес ее супруг. Это здесь считалось в порядке вещей. Когда Орландо положил вилку и нож, она подняла свою красивую голову от книги и спросила:

— Бы в НЕМ разочаровались? Имею в виду, что дела наши... так неважны?..

Вопрос не застал его врасплох, потому что, похоже, он сам себя спрашивал об этом не раз.

— Разве речь идет о НЕМ? — вместо ответа спросил Орландо.

Она искренне удивилась. Все ее мысли и дела были связаны именно с НИМ. Мгновение помолчала, прислушиваясь к своей женской интуиции.

— Речь идет о вас, Орландо. Вы разочаровались?

— Врагов у нас чуть-чуть больше, чем надобно, — сказал Орландо. — Враги опытнее нас, богаче, сильнее, они более жестоки и меньше думают о том, как войдут в историю — с чистыми руками или обагренными кровью.

Она знала излюбленную фразу Президента, поняла смысл, насторожилась и, светски улыбаясь, спросила:

— Он отказался подписать кому-нибудь смертный приговор?

— У нас нет смертной казни, компаньера Ангелика, — отрезал Орландо, смущаясь, что нашел не самый лучший способ отблагодарить за трапезу. Но остановиться не мог. — Мы, как известно, пишем самую демократическую страницу латиноамериканской истории, новую главу марксизма.

— Новую, — сказала она с достоинством.

— Новую. — Он не спорил. Он тоже так думал. Все так думали, но никто не знал, что будет написано на последней строке этой страницы, если вообще хватит времени ее дописать. Так и сказал: — Если нам хватит времени, сил и терпения ее дописать.

— ОН мастер терпения и выжидания, — сказала Ангелика не без гордости. — Это его главное оружие. Почему я заговорила о нем, а не о забастовках, социализме, голоде?.. Он из тех людей, которые питаются добрыми чувствами других. Понимаете? Когда ОН чувствует доверие, у него появляются уверен-

ность и сила. Он как-то один раз проговорился, что начал впустую расходовать кредит доверия. Понимаете? («Да») — Хотела спросить: «Вы ЕГО понимаете?» — Это мучает его больше всего.

Орландо встал из-за стола.

— Его все любят. — Когда говорил «все любят», имел в виду тех, которые любят. И не более того.

На стенах висели фотографии и плакаты, память о бывлых торжествах и демонстрациях. Исторические снимки победных дней трехлетней давности. Народ и его Президент.

— Вы знаете, я люблю Отца с самого начала, — сказал Орландо без обиняков. — И мы умрем с ним в один и тот же день... Клянусь!

Она отмахнулась от него книгой:

— Замолчите.

Отбила из чашки кофе.

— Орландо, — сказала она, — он отлично играет в шахматы. Он игрок. Это говорят те, кто понимает. Он с достоинством выигрывает и проигрывает... Но он не авантюрист. Вы понимаете? А гражданская война сейчас для нас — авантюра.

— Война уже идет, — второй раз за день повторил Орландо. — И это сейчас определяет все остальное.

— Нет, Орландо, это еще не война. — Она была снисходительна и искала повод задать главный вопрос. — Скажите, Орландо, охрана его надежна?

— Охрана от чего? — он сделал ударение на последнем слове.

— От убийцы, — сказала вдруг, не скрывая волнения, Ангелика. — У всех оружие!

— Будьте спокойны.

— Ведь вы сами сказали, что война идет...

— Будьте спокойны, — повторил Орландо. — Разрешите позвонить?

Зеркало. Телефон. Женские мелочи. Пусто. Только унылый безнадежный звонок. И ползучие тени на занавеске от фар проезжающих автомашин.

— Как ваша Анна-Мария? — спросила Ангелика. В этом доме умели интересоваться чужими судьбами.

— Не знаю. Хорошо, наверное. Ищу ее с самого утра.

— Она у матери, думаю, — сказала Ангелика. — Позвоните.

Он удивился, что сам не подумал об этом. Однако спросил:

— Почему именно там?

— У вас дом отапливают? — ответила вопросом. — Нет! У вас в холодильнике лежит что-нибудь съедобное? Нет! Где же ей быть, женщине?

Ей казалось это естественным, но ее доводы будто ужалили Орландо. Даже унизили. Так ему, во всяком случае, подумалось.

— Я туда не звоню, — сказал он. — И не бываю там.

Но Ангелика уже нашла в книге телефонный номер.

— Тогда я, — сказала она, — 229-319.

В роскошной столовой, обставленной старинной испанской мебелью, ужинали дичью и запивали белым охлажденным вином. За креслом матери стоял слуга в белых перчатках. Ели молча. Девоподобный брат Анны-Марии причмокивал от удовольствия и, желая шокировать мать, разрывал куски дичи руками и вытирал жирные пальцы о скатерть, вышитую кружевами.

Зазвонил телефон, и слуга двумя пальцами поднял трубку.

— Сеньора Анна-Мария кушают, — сказал с достоинством и хотел положить трубку, но, видимо, получил отпор и повернулся к столу.

— Сеньора Ангелика просит сеньору Анну-Марию, — объявил он.

Поднес аппарат к столу.

— Я слушаю.

— Это я, — сказал Орландо.

— Чудесно, — произнесла Анна-Мария первое попавшееся слово.

— Я тебя ищу.

— Обязательно, — сказала она невпопад, но дальше скрывать было бесполезно, это она поняла по глазам матери и спросила:

— Кто эта женщина? Эта Ангелика?

— Это жена одного мужчины, которого я очень люблю.

— Откуда эти непристойные шутки? — голос ее был нервный и чужой. Это была игра для матери, и Орландо это понял. Но его будто снова ужалило в позвоночник, и он сказал просто:

— Ты приедешь ночевать... домой?

— По правде говоря, мать не совсем хорошо себя чувствует. Я думала тебе завтра позвонить.

— Мы с тобой не виделись три дня, — сказал Орlando.

— Разве я тому виной?

— Нет-нет. Это я просто так. — У него пересохло во рту. Видел, как Ангелика прикрыла лицо книгой «Сто лет одиночества». Сказал: — Я тебе не звонил бы сюда. Ты знаешь. Завтра меня не будет.

— И долго?

— По правде, как ты говоришь, по правде, я рассчитывал, что мы поедем вместе. Это не личное. Мне нужна твоя помощь. Я ищу тебя с утра... Что молчишь? — он стал нервничать и знал, что не остановится. — Ты нужна мне, как, может быть, никогда... Если поела, поужинав, искупалась и поговорила с родственниками, двигайся, я жду!

Поднес трубку к рычагу аппарата и тут же устыдился этого.

— Перед тем как бросить трубку, всегда найдите мгновение, чтоб сказать женщине «целую», — сказала Ангелика, потешаясь и не скрывая, что слышала и видела его неловкость.

— Разве я не сказал «целую»? — спросил он вялым голосом. — Я это подразумевал.

А там, на Провиденсии, в доме Анны-Марии, если этот особняк можно назвать ее домом, молча принялись за десерт. Потом Анна-Мария некстати засмеялась и растерянно развела руками. Сказала:

— Я так и не поняла, кто эта сеньора Ангелика!

— Есть только одна сеньора Ангелика, которая осмелится сюда позвонить. Это жена Президента...

Сын, он же брат, независимая личность лет восемнадцати, выпил компот и со дна чашки пальцами достал абрикос.

— Повесим на фонаре, — сказал он.

На его слова никто не обратил внимания, так как в этом доме слушали только то, что хотели слышать.

Орlando стал прощаться.

— Мы так и не поговорили?

— Почему? — Она на минуту отложила книгу. — Поговорили.

Он сказал:

— Компаньера Ангелика, в самые ближайшие дни может кое-что произойти, что выведет Отца из себя. Я надеюсь на вашу помощь.

— А я на ваше благоразумие, Орландо. — Она протянула ему руку. — Скажите, Анна-Мария развелась со своим мужем?

Орландо не знал.

— Она развелась, но развод еще не состоялся. («Ах, так?») Она почему-то, чтоб развестись, должна лететь в Италию. Он теперь там живет... («Да. Конечно».) Сейчас для этого у нас нет времени... Завтра, завтра, — бодро усмехнулся. Он не хотел об этом говорить. Ни с кем не любил говорить о ней. — Самое главное мы всегда откладываем на завтра, не так ли?

— Орландо, как бы там ни было, но у всех у нас, у всех сейчас самые лучшие наши годы... Самые молодые. — Она поцеловала его в щеку. — Все будет отлично. До встречи.

Потом она видела в окно, как он, переходя улицу, остановился и взглянул наверх. Она помахала ему рукой, и трудно было не уловить сходства ее манер с манерами того, кого называли ПРЕЗИДЕНТ.

Там, на Провиденсии, сын-брат встал из-за стола:

— Спасибо-пожалуйста, я сыт, ты сыта, он, она, оно сыты, я пшел, ты пшла... — Поцеловал сестру в ухо. — ...Оно пшло.

Его не услышали, что парня ничуть не удивило. Хлопнул слугу по плечу и, играя бедрами, кривляясь, выпорхнул, улетучился, исчез. Слуга взял со стола тарелку и чашку, как будто его и не было здесь, этого Сесара Себастьяна Наварро, правнука того освободителя, в честь которого ржавели памятники на площадях многих городов Республики.

Мать встала, вся в черном, хрупкая, изящная. Сказала мелодичным голосом:

— Если останешься ночевать, утром встретимся.

Анна-Мария кивнула головой, что должно было означать «да-да», и развела руками, что должно было означать: «Ты ведь плохо чувствуешь себя? Не так ли?»

Чмокнула мать в ухо и снова уселась. Слышала, как хлопнуло подряд несколько дверей. Закурила. Слуга спросил:

— Разрешите убрать со стола?

— Нет, — ответила она.

Слуга ушел. На стенах висели картины, изображающие сатиров и вакханок, дичь и виноград. В простенке между окнами висел большой портрет прадеда-освободителя на вздыбленной лошади. Анна-Мария бросила сигарету в бокал с остатками вина и услышала, как зашипел затухающий огонь. Вдруг вскочила и, развернув салфетку, впопыхах стала собирать в нее остатки

ужина, сваливая вместе и мясо и фрукты без разбору, обливая скатерть остывшим соусом, роняя на пол крошки и кости. Когда она завязала углы салфетки в узелок, услышала за спиной легкое покашливание. Это слуга вернулся и молча наблюдал за тем, что здесь творилось. Анна-Мария остепенилась, взяла другую салфетку и несколько медленнее, с достоинством стала повторять то же самое.

— Сеньора Анна-Мария, — осмелился заговорить человек в белых перчатках. — Сеньора, ваша мать...

Он показал аккуратно запакованный сверток, что держал в руках.

— ...ваша мать просила подготовить пакет с провизией на случай, если вы... не останетесь ночевать.

Это было похоже на мать. В доме уважали свободу, хоть в это слово и вкладывался иногда самый неожиданный смысл. Анна-Мария тут же забыла думать про узелки. Закурила и стала самой собою, или, что точнее, обрела ту привычную для нее личину, которая была полной противоположностью ее натуры. Взяла из рук слуги сверток.

— А сигареты? — спросила она.

— Сигареты тоже.

На лице его лежал отпечаток вольной деревенской жизни.

— Спасибо, — сказала женщина.

Ответа не последовало. Анна-Мария протянула ему руку с раскрытой по-мужски ладонью.

— Спасибо, Хуан.

Хуан шагнул вполоборота назад, не замечая ее руки, не слыша ее слов.

— Хуан, — сказала она, — сын Хуана и внук Хуана, раб и сын раба, дай руку.

Он поднял руку в белой перчатке, и она пожала ее, не почувствовав ответа.

— Я ушла, — сказала она. — Если спросят, скажи, уехала. Но, думаю, не спросят.

Когда она ушла, Хуан налил себе вина, выпил, подобрал сигареты, закурил и уселся под портретом лошади с прадедом в седле.

Орландо шел не спеша, вслушиваясь, вглядываясь в ночной город. Он любил вот так листать город ночью. Сейчас, правда, многое изменилось, и город любви и обывательской гульбы стал похож скорее на город осажденный. На перекрестках то здесь, то там стояли автобусы карабинеров. Редкие прохожие-полуночники пробегали быстрым шагом вдоль малоосвещенных, серого

камня стен или, наоборот, шли посреди улицы, чтоб было видно, они не скрываются, им нечего скрываться, и громко отбивали шаг. Проезжали какие-то машины с потушенными фарами — это жил своей жизнью черный рынок. Целые стены были оклеены плакатами, кричащими о верности Народному фронту и Президенту. Плакаты сменились «заборной» живописью. Повторялись те же два изображения — Президента и Фиделя Кастро Рус. Где-то далеко послышалась стрельба.

Орlando, не желая этого, наткнулся на троих парней, которые возились у стены, выводя красной краской буквы на лице Президента. Орlando остановился и стал наблюдать за их работой, что парней, кажется, никак не смутило. Они писали: «Близится Джакарта». Слово «Джакарта» еще не было окончено, но две последние буквы уже не могли изменить смысла. Один из парней писал одно слово, другой — второе. Третий держал ведро с краской. Тот, который писал «близится», вытер об стенку кисть и, качнув бедрами, спросил Орlando:

— Тебе не нравится? Или ты просто длинноносый? Я хотел сказать, любопытный.

— Любопытный, — сказал Орlando, — и мне это не нравится.

— А мне не нравится то, что тебе это не нравится, — сказал тот, который дописывал последнюю букву.

Третий держал ведро и молчал. Первый макнул свою кисть в краску и шагнул к Орlando.

— Если ты красный, почему у тебя такое бледное лицо? У тебя должно быть красное лицо...

Он замахнулся кистью, не скрывая намерения изменить цвет лица своего случайного собеседника, и Орlando стукнул его по руке пониже локтя. Кисть шлепнулась на мостовую. В руках того, кто занимался словом «Джакарта», вдруг зазвенела метровой длины железная цепь, и он двинулся на Орlando со словами:

— Тебе узка улица, бледнолицый?

— Я знаю, — сказал первый. — Знаю его лицо. Ты не киноактер случайно? — И застонал: — Энрико, он поломал мне руку, негодяй!

Названный Энрико несколькими взмахами цепи заставил Орlando отступить к стене. Тот, который жаловался на поломанную руку, схватил ведро с краской, одержимый навязчивой идеей выкрасить «красного» в красное. Он был в ярости и кружил вокруг, боясь сам попасть под удар звенящей цепи. Только неосведомленность Орlando помешала ему узнать в парне с ведром брата Анны-Марии, своего в некотором роде родственника.

Краска и раз и два хлопнула на стену, обрызгивая Орландо мелкой красной дробью, похожей на веснушки.

Как это бывает в кино, подоспела помощь — патрульная машина. Двое сбежали. Остались опрокинутое ведро, цепь и тот, третий парень, что молчал до сих пор. Может быть, ведро было его собственностью, так как он вернулся за ним, но, споткнувшись, остался лежать. Орландо подошел к нему раньше карабинеров.

— Что значит «Джакарта»?

— Я ничего не знаю, я только носил ведро...

— Что обозначает слово «Джакарта»? — повторил Орландо.

— Я ничего не знаю, — парень собирался плакать. — Разве я вас бил?.. Мне заплатили, чтобы я носил ведро...

Карабинеры сперва спросили документы у Орландо. Потом приказали парню:

— Стирай, да поживее!

— Он не сотрет, — сказал Орландо. — Эта краска не смывается. Уходи, парень...

Парень спросил:

-- Могу я взять ведро?

— Быстро!

Парень схватил ведро и ушел. Не спеша. Сержант, накручивая на руку брошенную цепь, спросил Орландо:

— Вы ходите без оружия?

— С-с, — ответил он. — Но оружие такая штучка, иногда сама стреляет. Боязно вынимать.

Карабинеры загалдели. Да. Да. Это так. Разошлись, разъехались. На углу у магазина стали собираться женщины. Они целую ночь будут стоять в ожидании хлеба. Тот, кто придет в пять утра, будет тысячным.

Орландо прошел полквартила, когда услышал совсем поблизости крик:

— Джакарта!

Увидел парня с ведром. Тот стоял в подворотне проходного двора.

— Близится Джакарта! — завопил он во второй раз иступленным голосом. — Это значит, что всех марксистов повесим на фонарях!.. Начиная с Президента.

Орландо вошел в квартиру, в потемках нащупал выключатель. Телефон, записки «Я здесь» и «Я тоже здесь». Зеркало. В нем кровать и Анна-Мария. Она сидела, закутавшись в одеяло, и глядела на него добрыми, преданными, по-детски шаловли-

емыми глазами. Она всегда так глядела на него, и он привык к этому взгляду, привык считать эту ее привязанность, которую про себя называл преданностью, сутью Анны-Марии, сутью их отношений.

— Где ты? — тихо завывала она. — Где ты пропадаешь?

Не снимая плаща, он повалился на кровать и молча нащел ее губы, ее плечи и спину и тихо притаился, а когда встал и молча медленно стал стаскивать с себя одежду, почувствовал спокойствие и силу. Услышал запах свежемолотого кофе. Вышел на кухню, увидел кофе и множество всяческой снеди. Это было похоже на видение; на секунду ему подумалось, что в этом доме есть что-то оскорбительное; потом услышал ее смех за стеной; видимо, она догадалась по тишине на кухне о происходящем там и представила себе его, Орlando, вытянутое от удивления лицо. Как бы ни было, она хотела сделать ему приятное, и то, что все это она притащила оттуда, из дома, в который он не был и не будет вхож, сейчас не должно иметь значения. Он так и сказал себе — сейчас — и тоже засмеялся, выражая этим свою радость и признательность ей.

Она вошла, завернутая в одеяло, упала на низкое обшарпанное кресло, нашедшее почему-то здесь, в кухне, свою вторую жизнь, и стала наблюдать, как он стоя ест.

— Правильно, — сказала она. — Ешь стоя, так больше поместится.

— Ты все это ukrала или получила милостыню? — спросил он, обглаживая телячью косточку.

— Считай, как тебе приятнее. Все будет правдой.

— Так не бывает. Или — или.

— Или — или... или — или... или — или, — запела Анна-Мария, разглядывая руки его, шею, затылок. Она часто ловила себя на мысли, что хочет запомнить его всего.

— Как поживают родственники?

— Отлично, отлично, отли-и-чно-о, от-лич-ч-ч-но-о-о, — опять запела она.

— А как твой старший брат? Ваш МОРЯК? Ваш Анибал?

— Не разговаривай, когда принимаешь пищу. Мне холодно, — объявила она.

— Всем холодно.

— Согреть тебе мариско или («или — или») на ночь не будешь?

— Не буду.

— Ну и не будь, — сказала она и сразу же: — Будь, будь!.. Страшно, когда ты одна... И мать одна. Она говорит, что одиночество — это свобода. В таком случае я хочу быть рабой.

— Как твой старший брат? — повторил Орlando. — Как Анибал?

— Он на корабле, ты знаешь, — она прикрыла рот верблюжьим одеялом, и голос ее вдруг стал басистым и далеким. — Раньше он писал каждое воскресенье.

— А теперь?

— Теперь нет, — глаза ее засмеялись. — Ты хочешь заручиться его поддержкой в нашем браке?

— Для начала — в твоём разводе, — сказал Орlando.

В дверь внезапно позвонили, и Анна-Мария съежилась в комок.

— Не подходи! — крикнула она в одеяло. — Не смей!

Орlando достал из-под мышки восьмизарядный никелированный пистолет, подошел к дверям сбоку и спросил:

— Эваристо?

— Я и Фигероа.

Орlando подмигнул Анне-Марии и сказал:

— Порядок, я пригласил.

На лице Анны-Марии промелькнуло облегчение, но тотчас же оно сменилось иронией.

— Мы вчетвером будем спать? — спросила она.

Орlando впустил Эваристо и второго, названного Фигероа, и подтолкнул их к кухне.

— O-o!

— O-o-o!

— Это трофеи после нападения на один дом по улице Провиденсии, — сказал Орlando. — Уничтожайте.

Оба парня развели, сожалея, руками и в один голос соврали:

-- Спасибо!.. Мы уже...

— За дачу ложной информации я вас отдам под суд, — пошутил Орlando.

Положил на стол приборы и, закулив из пачки «Кент», смотрел, как голодные парни уплетали курицу.

— Вы замерзаете, Анна-Мария? — вежливо осведомился Эваристо, уловив момент, когда у него был пустой рот.

-- Я голая, -- сказала она и, бессильная скрыть свой протест против вторжения ночных гостей, поинтересовалась: — Вы к нам надолго?

— Они только поедят, и мы все вчетвером потолкуем о вашем брате Анибале Хесусе Наварро, 29 лет, старшем лейтенанте крейсера «Независимость», — сказал Орlando тем деловым голосом, которого так не могла терпеть Анна-Мария, называя его противным, полицейским, горилым.

На ее лице-маске отразился испуг, это было заметно.

— Что-нибудь случилось?

— Неизвестно. Но должно случиться, — ответил Орlando.

— Дай мне прикурить, — попросила она. — Нельзя прожить ни ночи... чтоб вдвоем!

Он подал ей сигарету.

— Какие у него политические убеждения, у Анибала? — спросил Орlando. — Мы никогда об этом не говорили с тобой.

— На флоте не может быть убеждений, — ответила она.

— Убеждения имеют даже на кладбище, — сказал Орlando. — Спрошу проще: он за Президента, за социальную революцию, за нас с тобой или против... нас с тобой?

— За. Ты ему нравишься. Он когда-то в газете видел твою фотографию. Сказал: «Ни-че-го!»

— Без шуток.

— За. Я это знаю... Мы распили с ним шампанское в честь победы Президента. И, помню, даже мать приветствовала национализацию иностранных компаний. Ты считаешь нашу семью буржуазной, и это, наверное, так, но не забудь нашего деда. «Военная доблесть и справедливость» — это всегда было девизом нашего дома... Но сказать, что он, Анибал, привержен к какой-нибудь определенной партии? Не знаю...

— Анна-Мария! — Орlando прикурил сигарету от сигареты. — На флоте убивают наших людей. Тех, скажем, кто имел неосторожность заявить о своих симпатиях правительству.

— Ты думаешь, ему грозит... что-нибудь? — Она была женщиной и думала о том, что могло затронуть ее интересы. — Он осторожен... дипломатичен. Притом его имя все-таки... — Она вспомнила. — Он не пишет, господи, я тебе говорила, он не пишет уже больше месяца.

— Они готовятся к маневрам. Это в порядке вещей, — сказал Орlando. — Им запрещено писать.

Одеяло стало сползать с ее плеч. Она оглянулась, куда бросить окурки. Забыла, что ищет. Шептала что-то. Орlando подал ей тарелку, и она потушила окурки в лапричном соусе.

— Орlando, — сказала она, — я должна поехать в Негро-Крус. К нему. Отпусти меня, прошу, отпусти. Я должна его увидеть. Сказать ему... что-нибудь... Мать сойдет с ума, если до нее дойдут какие-нибудь слухи... Ты снова скажешь, что я убегаю от тебя, но прошу... Ведь это страшно...

— Ты права, — сказал Орlando. Он немного смутился, подумал, что все обернулось так, будто он нарочно вынудил ее принять такое решение. — Ты должна ехать. Я сам хотел тебя просить об этом. Я поеду с тобой, если ты ничего не имеешь против.

Она обрадовалась, но радость была мгновенной, так как довольный Орландо сейчас же добавил:

— И Эваристо, и компаньеро Фигероа поедут с нами тоже.

— Зачем? — Она не скрывала разочарования. — Так надо? Вчетвером?

Отсутствие Анны-Марии причиняло Орландо даже физическую боль, и ее ревность в редкие часы, когда она наконец появлялась в его доме, была для него своего рода компенсацией за то одиночество и те сомнения, от которых он не мог освободиться. Засмеялся.

— Ты, кажется, сказала, что не одета?

Она накинула на плечи сползающее одеяло.

— Не тешьте фантазию, господа, — она старалась не думать ни об Анибале, ни о матери. — Тем более что нам предстоит совместная прогулка по побережью.

— Они поедут сами по себе, — Орландо подмигнул. — А мы с тобой сами по себе. Если правда, что сейчас у нас наши лучшие годы, так эта неделя должна быть лучшей в году. — Он встал у нее за спиной и запустил пальцы и ладонь в ее каштановые волосы. — Так или иначе, а на побережье уже весна. — Он взглянул на Эваристо и Фигероа. — Вы хотите что-нибудь спросить у Анны-Марии?

— Вы читали его письма? — спросил Эваристо. — Письма к матери?

— Да. Не все.

— Подумайте, вспомните, не было ли в письмах каких-нибудь намеков, инсказаний? Может быть, раньше вам казалось это несущественным?

— Я затрудняюсь... Нет. — Она понимала, что этих мужчин интересовала не судьба Анибала, а скорее совсем другое, то что она терпеть не могла, — их полицейские дела. Она сосредоточилась, стараясь вспомнить. — Он писал обычно о какой-нибудь одной мелочи. Каждый раз о другом, но это все действительно незначительно... Что, скажем, услышал, когда заходил пить кофе в кафе «Рома», где хозяином наш приятель, бывший наш шофер... Или что увидел во время патрульной службы, когда ночь напролет ходил по всем борделям порта в поисках пропавшего моряка. — Она засмеялась. — Это очень шокировало нашу маму... «Мой сын?!» Он в добрых отношениях с командиром корабля. Это все из-за деда... — Она вспомнила. — Да! Он раз писал, что влюблен. Мать потребовала ответа — в кого. И он больше никогда ни слова. Мать спрашивала в каждом письме, а он писал ей про нравы в морском рестора-

не «Конкон». Он обожает все, что так или иначе связано с океаном. И ни слова про эту возлюбленную...

— Он пишет только матери? — спросил Орландо.

— Это традиция. А потом, кому еще писать? Я ему все равно отвечать не стану. Письмо — это всегда неправда. Врату Сезарю нашему? Они не общаются. А почему вы обо всем этом меня спрашиваете? Гм-м? Так надо?

Иногда простота вопроса ставит в тупик. Орландо ласкал пальцами ее ухо.

— Если вы еще что-нибудь надумаете спросить, — она не хотела издеваться, — у нас будет для этого достаточно возможностей во время нашего общего свадебного путешествия по побережью. — Она вдруг почувствовала, что не хочет ничего, кроме как спать. Спать в тепле, и только.

— Я ухажу, — сказала она и встала.

— Куда? — Орландо держал ладонями ее хрупкие плечи. — Куда?

Она головой, всем телом показала — туда — и ушла, наступая на одеяло и путаясь в нем.

Потушила свет в комнате и легла. Мысли убежали в завтра. С детским нетерпением спешила она в завтрашний день. Когда пришел Орландо, она уже мысленно ехала поездом. Солнце било прямо в глаза, и она надела очки. Орландо выпроводил друзей и пошел в ванну. Поезд полз в гору, потом вниз, к океану. Орландо целовал ее, и за окном были полицейские «истерички». Они уже сидели в вагоне вдвоем, и она дремала на его плече, сквозь сон улыбаясь вчерашней ласке. Потом она пошла в ванну, белая, длинноногая, повторяя: «Господи, когда же придет лето?» — вернулась совсем сонная, с закрытыми глазами, ощупью ища кровать.

— Где ты?

— Я здесь.

— Где здесь? Где здесь?.. Где здесь?..

Эваристо и Фигероа сидели к ним спиной в другом конце вагона. Анна-Мария в упор глядела на Орландо, и пальцы ее гладили его грудь, то забираясь под пиджак, то снова появляясь у его шеи и подбородка. Запомнить, запомнить. Запомнить. За окном вагона по-весеннему буйствовал океан.

Въехали в город. Сперва появились отели и виллы вдоль берега. Потом из-за мыса вдруг вынырнул порт Негро-Крус. Вначале показался рыбацкий порт с множеством разноцветных нейлоновых сетей на пирсах. Анна-Мария ткнула пальцем в

стекло окна. Вот! В дымке тумана на рейде виднелись военные корабли. Ближе всех к порту стоял крейсер.

— «Независимость», — сказала Анна-Мария. — Ты видишь его?

На перроне поезд встречали патрули морской пехоты. Над зданием вокзала висел большой портрет Президента. Под порывами морского ветра портрет покачивался на скрипящих тросах.

Они стояли на террасе и смотрели в море.

— Красивые корабли, — сказал губернатор. — Корабли — всегда красиво.

Он был молод, этот губернатор, и осанист — смесью кровей и своей испанской, немного театральной бравадой. Облачившись в коричневое пончо, курил длинную самодельную сигару, которую держал между пальцами, как сигарету, и глядел на Орландо рассеянным взглядом.

— Нет у меня связи с флотом. Это естественно, — возвел он взгляд вверх, призывая небо в свидетели. — Я коммунист, и, несмотря на мой пост губернатора провинции, на кораблях мне мало приходится бывать... Недавно мы устроили прием в честь Дня Республики, и, увы, к нам не пожаловал ни один офицер флота. Они извинились — флот, видите, готовится к маневрам...

И снова выразительно поднял руки кверху.

— ...Ничего. Здесь, в Негро-Крус, двести тысяч рабочих. Мы хозяева положения. Президент прав, нужно выждать три-четыре месяца, пока рассосется экономический кризис. Буржуазия выдохнется. Нет у нее нашего терпения. Нас не запугать экономическим кризисом, вся жизнь рабочих — один непрерывный кризис... Нас не запугать террором — разве нас не убивали, не унижали во все времена?

— Меня радует ваш оптимизм, — сказал Орландо.

— Оптимизм — это оружие. — Губернатор смеялся, кивал головой и хотел быть убедительным. — Флотская разведка и морская пехота озабочены одним — чтоб рабочие не получили оружие, — губернатор сделал рукой жест, давая понять, что на сей раз имеет в виду оружие настоящее. — Каждую ночь производят облавы, обыски... Хотят оставить нас пессимистами. — Засмеялся.

— Им это удастся? — спросил Орландо.

— День на день не приходится, — лукавил губернатор, но Орландо не поверил ему. Город был отрезан со стороны моря и

с запада. Не было возможности доставлять оружие не только для двухсот, но хотя бы для пятидесяти тысяч рабочих.

Губернатор уловил недоверие и ироничное отчуждение в глазах Орландо. Поглядели друг на друга.

— Мы превращаемся в молчаливый Вьетнам, — сказал губернатор, прощаясь.

В кафе «Рома» было малоллюдно. Анна-Мария увидела за прилавком толстяка Уго, хозяина этого мрачноватого и скучного заведения, и еще с порога помахала ему рукой, но он, видимо, не узнал ее и продолжал возиться с какими-то бумажками — счетами. Анна-Мария подошла к прилавку и сказала:

— Вы не узнаете, сеньор Уго?

— Будьте осторожны, — прошептал в усы толстяк, не поднимая головы от бумаг, и вслух спросил: — Что сеньора желает?

— Рыбы хочу. Конгрио, корвино, что-нибудь. Воду и кофе.

— Сию минуту, сеньора, — сказал хозяин громче необходимого и шепотом добавил: — Может быть, вам лучше уйти отсюда? Здесь полиция. Они выжидают уже полдня. Те двое. За перегородкой.

Анна-Мария оглянулась и увидела Орландо и Фигероа. Они читали газеты и помешивали, скучая, уже в пустых чашках из-под кофе.

— Ясно, — сказала Анна-Мария. — Это наверняка они. Но я слишком голодна, чтоб уйти, Уго.

Она заняла столик в нише. Уго сам принес воду и кофе.

— Тысяча лет, не так ли? — спросила она, пока он открывал бутылку газировки. — Вы совсем облысели, Уго?

— Да, — согласился тот, — плохо идут дела.

— Вы видите Анибала? — прямо спросила она. — Он входит сюда?

Уго испугался. Оглянулся, точнее, полуоглянулся на тех двоих.

— Не желаете помыть руки, сеньора? — шепнул он.

Она пошла за ним. У стойки остановилась и спросила:

— Где я могла бы помыть руки?

— Руки? Пожалуйста! — Уго показал.

Она вошла в туалет и не знала, что делать. Засмеялась и стала мыть руки. Мыть так мыть. Двери были исписаны разными изречениями и непристойными советами. Здесь же губной помадой было начерчено «Джакарта». Послышался стук в двери. Она снова засмеялась. Вошел Уго.

— Извините, ради бога, сеньора.

— Ну и ситуация, — сказала Анна-Мария. — Что с Анибалом? — Она случайно спросила так, но, спросив, сама испугалась.

— Анибал исчез, — сказал Уго таинственным голосом, и это выглядело смешно. Что бы добродушный Уго ни говорил, все у него выходило смешно. Анибал как-то раз заметил: «У Уго все смешно, кроме его шуток». Уго повторил: — Нет Анибала. И ничего не известно. Во вторник заходили «гориллы», думаю, из флотской разведки, от них так и разило черной фасолью... Они оставили его фото. — Уго вытащил из кармана своей белой застиранной рубашки фотографию.

Это было фото Анибала, перепечатанное из какого-то военного альбома. При всех регалиях, в белых перчатках, с позолоченным кортиком. «Фотография трех-четырёхлетней давности», — подумала Анна-Мария. Поперек фотографии печатный сиреневый оттиск: «Разыскивается «ВМП».

— Уго, его убили? — почти в тон его трагической интонации спросила Анна-Мария.

— Его ищут, — сказал он.

— Но ведь бывает, что ищут мертвых?

Они забыли запереться, и в дверях дамского туалета показалась девушка в белой наколке над круглым толстоносным лицом. Уго стоял спиной к двери и сделал первое, что ему пришло в голову, — схватил Анну-Марию в объятия. Ошеломленная и напуганная, она прижалась к нему. Так они и стояли, а Уго попробовал выжать из себя что-то похожее на страстный вопль, но та, в дверях, видимо, лишенная сантиментов и опыта в таких вещах, постучала пальцем хозяину в спину.

— Сеньор, — сказала она, — они пришли.

— Кто... пришли? — Уго заволок девушку внутрь, и вдруг сразу стало тесно. — У-м-м?

— Те... Что принесли фотографию. Спрашивают вас.

— Сделай им кофе, — сказал он и, вытолкнув ее обратно, запер двери на задвижку.

— Говорите, — сказала Анна-Мария.

— Ничего не знаю. Анибал был здесь неделю тому назад... Пришел сюда с патрулем. Купили сигареты, пили воду. Он плохо выглядел и говорил чужим голосом, но об этом я подумал позже. Он сказал, что хочет поговорить со мной. Я ответил «конечно», и тут меня позвали на кухню. Я забыл про него, и, когда вспомнил, вернулся, их уже не было. Он очень устало выглядел. Это я теперь так думаю...

— Идите, — сказала Анна-Мария. — Сейчас вы о них тоже забыли.

— Да? — Уго не мог открыть задвижку, и лицо его покрылось пятнами. Смешными пятнами.

Анна-Мария подумала, что Уго, конечно, создан, чтоб извещать о трагическом и непоправимом. Потом подумала об Анибале и почувствовала боль в позвоночнике. Нужно было переждать хоть самую малость, и она стала гримироваться перед треснувшим, мухами загаженным зеркалом. Под зеркалом на кронштейне висел яйцеобразный сосуд с жидким мылом, и на мгновение почувствовала, что она снова в поезде и едет. «Куда?» — подумалось ей.

Уго вернулся к стойке. Служанка была права, это были те двое, что приносили фотографию.

— У тебя что, запор? — спросил один из них, размешивая кофе. Каштановые, обрызганные лаком волосы поблескивали. — Ты что, забыл испанский?

Уго, извиняясь, развел руками.

— Нет, — сказал он.

— Можешь сказать что-нибудь?

— Нет.

— Правда, что раньше он здесь частенько бывал?

— Он? Нет. Нет... Иногда. Редко.

— Кто эти двое с газетами?

— Не знаю.

Анна-Мария прошла мимо, обвевая их запахом дорогих духов. Видела, как в газету зевает Орlando над столом, заставленным добрым десятком чашек. Уго придерживался мнения, что не убранные со стола пустые рюмки и посуда — лучшая основа для расчета с посетителем. Рыба уже стыла, и Анна-Мария принялась за еду. Рыба застревала в горле, но Анна-Мария понимала, что это не ее, рыбы, вина. И не повара. Закурила, стараясь не глядеть туда, в сторону стойки. Потом хлопнули двери, и она увидела тех двоих уже за окном. За аршинными буквами «Амор».

«Рома», «Амор», муж в Риме, развод, Орlando, мать, разыскивается «ВМП». Нужно было ждать. Захотелось подойти к Орlando, но подумала, испугает Уго, который ныне переживал период, когда все вокруг — враги твои. Она понимала его.

Вдруг грохнул взрыв и задрожали окна. Орlando и Фигероа кинулись на улицу. Уго подошел к Анне-Марии.

— Вот и случай поговорить наедине, — сказал он.

Однако говорить было не о чем. Он сказал:

— Вот так, — он имел в виду взрыв или, может быть, вообще все и всех вокруг. — Вот так каждый день. В столице то же самое?

— Да.

— Этому нужно положить конец.

— Да.

— Вы очень...

Он замолк.

— Да. Я не помолодела. Боюсь, что этот процесс уже не остановить... Что же с Анибалом?

Уго не знал. Он ведь уже сказал об этом.

Вернулся Орlando, подошел к своему столику, но не сел, а взглянул на Анну-Марию, и ей показалось, будто он спрашивает, можно ли подойти к ней. Она махнула ему рукой.

— Сидите и не пугайтесь, Уго. Это мой муж. То есть еще не совсем. Для этого я еще должна слетать в вашу Италию, чтоб развестись...

— Как вам понравился этот грохот? — спросил Орlando, поклонился и сел на пустое место у стены лицом к двери.

— Хороший, — сказал Уго. Он считал, что это к нему обращаются. — Отличный грохот...

Он хотел встать. Анна-Мария остановила его.

— Покажите эту... печать, — она имела в виду фотографию. — Да не бойся же, Уго.

Орlando рассматривал фотографию долго и старательно, он даже взглянул на нее на просвет и, видно было, никак не мог оправиться от шока.

— Хорош был взрыв, правда? — спросил он во второй раз.

— Наплевать мне на все взрывы, — почти крикнула Анна-Мария, чувствуя, как слезы подступают к горлу.

— Они взорвали памятник моему деду, прадеду, генералу Курциусу Наварро, — сказал Орlando, — напротив морского училища. Какое совпадение, не правда ли?.. Ведь генерал одновременно и прадед Анибала?

На улице слышны были крики и топот бегущих. Скоро они показались за окном кафе. Это были студенты. Размахивали флагами и кричали: «Нет — фашизму! Нет — фашизму!» Возможно, они бежали к месту взрыва.

— Где бывал Анибал? — спросил Орlando хозяина «Ромы». — У кого бывал?

— Я понимаю, что вы имеете в виду. — Уго старался быть серьезным. — Не могу сказать ничего стоящего.

— О чем он хотел с вами поговорить в тот последний раз? — спросил Орландо.

— Так и не знаю. Меня, я говорил, позвали на кухню. — Уго вдруг ударил себя кулаком по лбу. — Вспомнил, — крикнул он, — я вспомнил ваше лицо, сеньор! Я видел вас в газетах. Вы из Группы друзей Президента?

— Мы остановились в отеле «Пасифик», — сказал Орландо. — Это так, на всякий случай, — прикусил он губу. — Если вдруг мы вам понадобятся.

Когда они шли к двери, Уго слегка попридержал Анну-Марию за локоть, и Орландо, очутившись впереди, услышал итальянскую скороговорку. Это говорил Уго:

— Сеньора, вы не знали, что с Анибалом что-то неладное, но приехали сюда, по-видимому, по делу. Но если по делу, почему вы обратились ко мне, а не в штаб флота?.. Хорошо, что не обратились туда, но, если вы ничего не знали, почему вы здесь? Простите дураку Уго, я просто так спросил...

Анна-Мария ответила ему также по-итальянски:

— Я приехала сюда, думая не столь об Анибале, сколько о предсвадебном путешествии, друг мой. — И по необъяснимому женскому наитию она поцеловала его в висок. Орландо первым вышел на улицу и остановился, поджидая Анну-Марию. Пахло соленым морским ветром и еще чем-то неведомым, тревожным.

Орландо не сдержал слова. Они с Анной-Марией не были свободны от своих спутников. Эваристо и Фигероа обосновались в той же гостинице и на том же этаже. Фигероа занял номер напротив Анны-Марии, а Эваристо рядом с Орландо. Анна-Мария только спросила: «Так надо?» — и больше к этому не возвращалась, занятая своей безмолвной бездеятельностью. Теперь она переодевалась, или, точнее, одевалась после ванны.

Мужчины сидели в соседней комнате и разговаривали. Орландо крутил рычаг приемника, и то музыка, то голос диктора врывались в комнату, заглушая голоса собеседников.

Орландо говорил:

— Жив ли Анибал? Это первый вопрос. Второе: пропадает Анибал, и тут же взрывается памятник его предку. Совпадение? И этот итальянец, этот Уго, под конец странно себя повел. Допустим, он что-нибудь и знает, а что толку?.. Настоящая детективная история... Только без полицейских. Мы с вами не профессионалы и даже не любители. Мы просто партийные функционеры, которые, если понадобится, завтра могут руководить музыкальной школой или водить грузовики.

Эваристо и Фигероа были о себе лучшего мнения, но спорить постеснялись.

— Будем откровенны, — сказал Орlando. Он любил слово «откровенность», которое часто помогало скрывать истинный смысл слов. — Будем откровенны, мы не знаем, с чего начать. Анибал — цель нашего приезда. Анибал с его фамильным легендарным именем, аристократ и доблестный офицер, он идеальный свидетель в Совете безопасности и, может быть, в парламенте, чтоб рассказать о заговоре на флоте. Он оптимальный вариант. Правнуки национального героя...

— Нужно искать, — осмелился Фигероа.

— ?

— У женщины, — поднял палец вверх, что означало «во-первых» или «внимание». — Живут они на корабле. Надоело. Или думаете, что он как и его брат?.. («Наверно, нет».) Я начал бы с борделей, где он, как писал в письме, делал обыски. Помните? У него возлюбленная. Тоже совпадение...

— Втроем будем обыскивать город? — спросил Эваристо. — Поднять на ноги карabinеров или здешнее бюро расследования — значит, только помогать военно-морской разведке...

— Дай ему говорить, Эваристо, — прервал Орlando.

На балкон вышла Анна-Мария. Услышала музыку, которую Орlando считал панацеей от всех бед. Увидела в окно профиль Орlando, который что-то говорил, махал руками, нервничал: на кровати крутился портативный магнитофон.

А там, внизу, у складов отеля, стояло два автомобиля, и несколько пар любопытствующих глаз следили за Анной-Марией. Потом из машин вышли четверо, по два человека из каждой, и направились к черному входу в отель. Молча оттолкнули парнишку — служащего отеля — и стали подниматься товарным лифтом.

Анна-Мария зябла, но оставалась на балконе, пока не докурила сигарету. Видела плечо Орlando, первую редкую седину над ухом, морщины, которые собирались веером над скулой, когда он говорил. ЗАПОМНИТЬ его таким, как он есть. Он почувствовал ее, повернулся к окну, улыбнулся.

Потушив сигарету о металлическую ограду балкона, Анна-Мария вернулась в свой номер. И тотчас же мужчины услышали ее крик. Спустя мгновение Орlando уже был в ее комнате и увидел женщину в объятиях мужчины, как он потом вспомнил, увидел мужскую спину в пиджаке черной кожи и ее, Анны-Марии, глаза. Мужчина повернулся и смерил взглядом Орlando. Глаза его неестественно блестели. В первую минуту

Орlando подумал, что тот пьян. «Разыскивается «ВМП». Это был Анибал, ошибиться тут было трудно.

Анибал подтолкнул сестру к дверям.

— Выгляни туда, — сказал он, — ты так крикнула...

Он напомнил об этом вовремя. Когда Анна-Мария вышла в коридор, она увидела трех незнакомцев в кожаных куртках, с небритыми и, как ей показалось, немытыми лицами. Лоб в лоб стояли они с Эваристо и Фигероа.

— Не стойте здесь, — сказала она. Это относилось ко всем пятерым. — Идите в любую комнату.

Вернулась и заперла дверь.

— Анибал! — закричала Анна-Мария и заплакала.

Произошло редкое и труднообъяснимое: она заплакала на груди Орlando.

— Я думала, что тебя уже нет!.. Господи...

— А разве я есть? — Анибал развалился на кровати, потянул подушку и, словно что-то вспомнив, рассмеялся. Когда он потянулся за сигаретой, Орlando видел, что рука его дрожала, он достал сигарету со второй попытки. Анна-Мария взяла его руку в свои ладони, села рядом с ним на кровать и поднесла его руку к губам.

— Ты меня искала? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

— С вами? Нет.

— Так что? — Он высвободил руку и положил ей на плечо.

— Я могу участвовать в вашей беседе? — спросил Орlando. Он немного сник. Анна-Мария была его, и только его, и каждое свидетельство, что есть в мире люди, имеющие на нее какие-то права, права на близость с ней, всегда пробуждало в нем слабость.

— Вы уже участвуете, — отметил Анибал и прижал сестру к изношенному шоферскому пиджаку. — Валяйте! — Он старался говорить грубо и подыскивал жаргонные словечки.

— Что произошло на крейсере? — спросил Орlando.

— А именно? — хрипло спросил, в свою очередь, Анибал. — Что именно?

Орlando достал из кармана уже известную записку на клочке белья. Анибал прочел, и что-то нахлынуло на него с такой силой, что Анна-Мария закричала:

— Ани!

Он отмахнулся.

— Вы из-за этого приехали? — еле слышно спросил он. — Пусто! — С хрипом набрал он воздух в грудь. — Ничто не доказуемо.

— Вы можете быть свидетелем? — спросил Орlando. — Свидетелем, который под присягой...

— Нет! Я же сказал, все недоказуемо! Люди сожжены в толке, кровь смыта соленой водой, пустые нары заняты новым контингентом с других кораблей — все это забудьте. Все... Ничего не было. Я не свидетель, потому что я уже не знаю, было это или это наваждение... — Он сжал кулаками виски. — Джаркарта! — сказал он. — Я не свидетель, потому что я дезертир. Я вне закона... Потому что я наконец свободен!

— Ты пошел к экстремистам? — утвердительно спросила Авна-Мария. — Каким образом? Ты и они?

— Они единственные, кто не тратится на болтовню, — оскандился Анибал. Он устал. Он был возбужден и плохо координировал собственные движения. — Они тоже дилетанты, но в дулах их автоматов есть мысль, понимаешь.

Она не понимала, потому что думала про другое.

— Ты для меня единственный во всей семье, и я рада, что ты со мной, что не потеряла тебя.

Анибал встал, сбив со столика ночник.

— Ты в Италию не поедешь? — спросил он.

— Все откладываю. Позавчера купила билет (для Орlando это было новостью). Мама купила. Билет без даты.

— Привет ей, — сказал Анибал. — Маме.

Она встала и поцеловала его в лоб; для этого ей пришлось приподняться на носки и потянуться, и блуза ее выскочила из брюк, обнажив полоску-пояс голого белого тела.

— Ты еще не успел что-нибудь... сделать? — спросила Авна-Мария.

— Нет, — кажется, он сожалел. Улыбнулся. — Если не считать памятник нашему предку, который мы сегодня взорвали!

Она, очевидно, ждала этого, потому что закивала головой и ничто не дрогнуло в ее лице.

— Почему ты это сделал?

— С чего-нибудь начинать нужно, — ответил он.

— Это преступление, которое можно объяснить возбуждением, — сказал Орlando. — Вы еще можете нам помочь.

— Невозможно помочь тем, кто этого не хочет, — ответил Анибал уже в дверях. — Сперва вы взорвите свои памятники, — посоветовал он, не стараясь быть понятым. — Только знайте, что флот уже находится в состоянии войны с Президентом и марксизмом. А как любил повторять мой адмирал: «Флот Республики еще не проиграл ни одной войны». Дерьмо! — вдруг заключил он неожиданно, что скорее всего относилось к адмиралу.

Вышел в коридор. Схватился за ручку одной двери, второй, пока не попал в ту комнату, где ждали его спутники. Эваристо и Фигероа сидели на кровати, играли в шахматы и даже не обернулись, когда он появился. Трое же пришельцев встретили его тремя дулами пистолетов. Просто так, на всякий случай.

Они уходили через парадный подъезд. Спутники Анибала нервничали, возбуждали друг друга шутками и, вероятно, от желания как-то самоутвердиться, старались перещеголять друг друга в дерзости. В лифте они пощипали бока на плечах молодой крашеной старухи, которую угрозидло попасть с ними в одну кабину. Она хотела выйти, когда они ворвались туда, но ее попросили остаться. Между третьим и вторым этажами она упала в обморок, а ее спутник забормотал что-то невнятное про сатисфакцию.

— Перестаньте, — буркнул Анибал, ни к кому не обращаясь.

Опустив голову, он пошел по холлу, стараясь остаться незамеченным. Мысли его были заняты разговором с Анной-Марией и этим типом из службы расследования. Они не совсем понимают, что такое флот. Они совсем не понимают. Анибал на самую малость упустил из виду своих товарищей и в одиночку пробирался к выходу, на каждом шагу натываясь на кого-нибудь и повторяя: «Простите, простите, пожалуйста». В холле былолюдно. Над креслами зеленой кожи клубился дым от дорогого табака, а дорогу преграждали горы чемоданов-сундуков. Один из сопровождавших Анибала парней опрокинул чемодан приезжего сеньора и был награжден эпитетом, которого, по собственному мнению, не заслуживал. Парень достал из-под куртки пистолет.

— Извините, — сказал приезжий сеньор, — я ошибся, извините.

Парень оставил его в покое, но оружие не убрал и пошел, размахивая пистолетом, наводя дуло, как на мишени, то на одного, то на другого сеньора (в этом отеле все жильцы и посетители были очевидными сеньорами), и делал все так живописно и не без чувства юмора, что многие буржуа вначале смеялись, считая все это игрой — отчасти так и было, — а некоторые просто ничего и не заметили, продолжая заниматься своими делами.

Анибал уже вошел было в вертящуюся выходную дверь, когда услышал за собой выстрел.

Лишь Эваристо и Фигероа, которых Орlando послал сопровождать Анибала, видели почти все и могли бы рассказать о случившемся в лицах, если бы понадобилось их свидетельство.

Только никогда никто их об этом не спросит, так как насильственная смерть стала делом привычным. Когда Эваристо и Фигероа спустились по лестнице, в холле один из друзей Анибала опрокинул красный чемодан, потом парни обнажили пистолеты и стали дурачиться, тыкать во все стороны свои девятые калибры и упустили из виду маневр молодого человека, одетого в хорошо сшитый костюм из английского клетчатого твида. Он, видно, был с дороги, о чем свидетельствовали саквояж «президент» и замшевый плащ, который он сжимал в кулаке, как полотенце. Человек кинул плащ на стойку портье, раскрыл на нем свой саквояж и стал вынимать оттуда автомат «томсон»... А по холлу побежал белый пудель-карлик и, на беду, залаял, а когда один из парней Анибала, длинноволосый, рыжий, в маленьких очках в железной оправе, направил на пуделя пистолет, пудель залаял во второй раз; в это время завизжала от страха хозяйка пуделя, и несколько человек из предосторожности попадали наземь, а мужчина в клетчатом твиде достал наконец свой «томсон». Как Эваристо отметил про себя, оружием тот распорядился вполне грамотно и без промедлений: оперев правый локоть о бедро, он первыми тремя выстрелами сшиб того, кто целился в пуделя-карлика, но на этом и остановился, люди кинулись врассыпную, и он замешкался, боясь попасть в кого не следовало. Анибал вошел в холл, держа двумя руками револьвер, и разрядил всю обойму в автоматчика. Потом они схватили под мышки истекающего кровью рыжего и побежали к машине. И только когда затих гул моторов, мужчины воинственно зашевелились на полу, а женщины заплакали.

Эваристо подошел к трупку автоматчика. Портье по телефону вызывал доктора.

— Доктор ни к чему, — сказал ему Эваристо. — Вызовите карабинеров.

Эваристо поинтересовался содержимым саквояжа убитого.

— Он был адвокатом, — сказал вслух, — и для чего он, бедняга, носил при себе автомат?

— Как это для чего? — воскликнула в толпе старушка, взмахнув вверх костлявой рукой в золотом браслете. — Для самозащиты! — Она раскрыла свою перламутром отделанную сумочку и вынула никелированный браунинг. — А я для чего это ношу?

Тело куда-то унесли. Прислуга кинулась отмывать пол.

Анна-Мария нажала на кнопку, и лифт стал спускаться.

— Он очень заметно вернулся, — сказал Фигероа. — Будто бы специально, чтоб его заметили.

— Как свидетель Анибал кончился, — неосторожно выразился Орlando и тотчас был наказан.

— Да, — сказала Анна-Мария. — Для тебя он теперь потерял всякую ценность.

Он покачал головой и шевельнул губами, изображая поцелуй.

— Прости, я...

— Прощаю, — сказала она неправду.

В ней уже созрело решение, о котором и сама она еще не догадывалась.

В холле рассказывали карабинеры.

— Не впутывайтесь в это дело, — буркнул Орlando Эваристо и сказал дежурному, сдавая ключи: — Счет, пожалуйста. Наши планы переменились, и мы переезжаем в другой отель. («Ах, так?»)

— Вами интересовались.

— Кто? — Орlando положил на стойку купюру.

— Не сказали, — ответил портье и стал отсчитывать сдачу. — Похоже, что они из службы флота... Еще до того, как все это началось. — Вежливо поклонился, желая удачи. — Вы зря меняете отель, поверьте. Это могло произойти в любом отеле... Спасибо вам... Если будут спрашивать?..

— Скажете, мы в «О'Хиггинсе»... Или скажете, не знаете.

Прислуживающий мальчишка открыл двери. На дверном стекле заискрились свежие пулевые пробиты.

Скрываться уже было нечего, и все четверо сидели в одном купе, послушно покачивая головами в такт поезду. Анна-Мария не спала, мысленно спорила с Анибалом и матерью и от этого мучилась. Видела, как Эваристо с Фигероа, сидевшие напротив, поочередно бодрствовали, каждый час смеялся друг друга. Наверное, подумала она, так надо.

Утром на какой-то промежуточной остановке по вагону пробежал почтовый служащий, предлагая газеты. Она взяла все, что у него было. Поймала себя на мысли, что ищет вести об Анибале. Стала читать, перелистывать, стараясь не шуршать страницами и не двигать левым плечом, на котором дремал Орlando. Может быть, она вздохнула или дрогнула, и Орlando спросил сквозь сон:

— Что-нибудь нашла об Анибале?

Она провела рукой по его лицу, чтоб разбудить, и Орlando прикусил ей палец, а потом раскрыл глаза и шепнул:

— Милая.

На первой странице «Эль Сатурно» было его, Орландо, лицо, и жирным шрифтом набранный текст гласил: «Детоубийца в облике директора полиции» («Господи!»), а рядом портрет юноши. «Висенте, пятнадцатилетний мальчишка, убит после пыток», — гласила вторая надпись. И здесь же еще один снимок этого Висенте в младенческом возрасте, в белом воротничке, со свечкой в ручонке, снимок, сделанный, очевидно, во время первого причастия.

— Орландо, господи, что это? — Она дрожала и от бессонной ночи и от возбуждения.

Орландо старался сообразить. Когда это все было? Тысяча лет тому назад. Висенте? Солдат с винтовкой. Мать, которую в отличие от дочки изнасиловали только единожды. Нет, она утверждала, что ее тоже дважды.

«Марксистский террор!», «Любимец Президента показывает свое отвратительное лицо!», «Столичные профсоюзы транспортников требуют суда над директором Орландо!» В другой газете было написано: «Терпению пришел конец!»

Президент собрал пресс-конференцию, уступая просьбе своих советников. Не говорить нельзя было, а говорить легче и полезнее в своем кабинете, нежели во враждебном ему парламенте, где нападки на главу государства часто доходили до непристойностей.

В Красной гостиной от обилия света рябило в глазах. Человек шестьдесят представляли оппозиционные газеты, радио и телевидение. Несмотря на указание Президента создать на пресс-конференции большинство из проправительственных журналистов, последних собралось в лучшем случае раза в два меньше. Это можно было считать удачей, так как реальное соотношение поддерживающих правительство и находящихся по отношению к нему в оппозиции средств информации выражалось 1 к 5, а на радио 1 к 12 (не в пользу правящих), что было результатом преждевременных гарантий свободы печати, выданных Президентом еще до вступления в президентский дворец.

Аугусто, Верный Пес, он же советник по печати, вошел в Красную гостиную и, ослепленный светом, шурясь, объявил:

— Президент Республики!

Появился Президент в безукоризненно подобранном в тон сиреневой рубашке галстуке, в сопровождении двух «друзей Президента», как правая пресса окрестила его телохранителей. Те, которые пришли пораньше и сумели застаться стульями, встали.

— Господа, будем ценить время друг друга, — начал Президент еще на ходу, под шарканье стульев. — Мой дом всегда открыт для людей доброй воли, желающих узнать правду и вникнуть в процессы, раздражающие нашу страну. Есть новости, которыми вы можете распорядиться. Первая — в кабинет министров включены еще двое военных. Генерал Караско назначен на пост министра горной промышленности, а генерал ВВС Гусман министром транспорта... Вторая новость: я решительно буду настаивать на проведении всенародного референдума для расширения моих президентских полномочий. Третья: я только что подписал документ, объявляющий вне закона экстремистскую организацию «Антикоммунистический альянс». (Оживление в салоне увенчалось жидкими аплодисментами.) И, наконец — это я оставил вам на десерт, — решено закрыть радиостанцию «Агрикультура»... (В зале послышались возгласы и смех вперемежку с аплодисментами, и последующие слова Президент произносил под глухой ропот присутствующих.) За ее гнусную провокационную деятельность, направленную на создание в стране атмосферы недоверия и неповиновения, на разжигание гражданской войны.

— Браво! — послышался иронический возглас из средних рядов.

— А не назначить ли какого-нибудь генерала министром информации?! А то эти газеты пишут, что думают!.. (Смех.)

На лице Президента была бодрая, несколько снисходительная улыбка. Взмахом руки он попросил тишины.

— Вступая на пост Президента, я публично гарантировал все гражданские свободы, в том числе и свободу печати. Разве 122 оппозиционные газеты не располагают свободой в ежедневной конфронтации с 35 правительственными? Еще в Древней Греции Платон говорил, что чрезмерная свобода одних особей становится рабством для остальных. Не так ли?

— Что с детоубийцей?! — послышался женский выкрик. — Что можете сказать о свободе этой особы?!

Это означало начало боя. Женщина встала и представилась:

— Газета «Женщина и будущее». Я хочу спросить, что предпринимается для выяснения обстоятельств убийства подростка Висенте, совершенного директором полиции компаньеро Орландо. — Она иронически подчеркнула «компаньеро».

— Дело будет расследовано, — категорически заявил Президент и отвернулся от нее, давая понять, что с этим вопросом кончено.

Встал сероволосый мужчина и отрекомендовался корреспондентом католической газеты.

— Праваящие газеты так представили события вокруг убийства владельца грузовика, будто того якобы убили бастующие, изнасиловав притом его жену и дочь. Однако выяснилось, что бедняга в этот день не работал, есть свидетели, которые видели его в лагере бастующих, значит, неизвестно, кто убил. Потом, жена его совершенно невменяема, она психически больна, ее показания путанны и противоречивы. Подростка Висенте убили без суда и допроса, просто так, из ненависти к его социальному происхождению. В то же время всю эту историю власти хотели использовать для компрометации забастовочного движения.

Президент прервал его.

— Я сказал, дело будет расследовано.

Сероволосый уважительно кивнул.

— Мы не сомневаемся, — он сказал «мы», — но любопытно, что еще до расследования дело было преподнесено официально как злодеяние правых. Это, без сомнения, было сделано с целью организовать соответствующее общественное мнение, создать атмосферу недоверия, направленную на разжигание гражданской войны. Но свою вину вы перекладываете на свободные органы информации и закрываете радиостанцию «Агрикультура».

Аплодисменты сопровождалась возгласами одобрения. Некто спросил:

— Кто намечается новым директором Бюро по расследованию вместо детоубийцы?!

Президент отмахнулся.

— До конца расследования изменений на этом посту не будет.

В зале снова засмеялись. Это было их оружием. Знали, что Президент не выносит иронии в свой адрес. Встал мужчина в светлом не по сезону костюме. Аргентинская газета «Труд».

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

Президент воспользовался случаем для наступления.

— Оптимистом, который готов спокойно встретить любые превратности судьбы.

— Говорят, что вы особенно преклоняетесь перед Хо Ши Мином, Мао Цзэ-дуном, Че Геварой и Фиделем Кастро.

— Да. Перед ними тоже. Но не только. Я преклоняюсь перед Христом, перед Боливаром, О'Хиггинсом, Мирандой, Лениным и многими другими.

— Но дома у вас висят портреты именно Хо, Мао, Че и Кастро.

— Это портреты с дарственными надписями. Я виноват, что

не сумел достать фото Иисуса Христа с его автографом. (Зал дружно приветствовал шутку.) Простите уж...

Аргентинец удовлетворился, и его место занял корреспондент «Эль Сатурно».

— На прошлой неделе усиленно ходили слухи о заговоре в армии. Что вам известно об этом?

— Знаю, что правые газеты в течение нескольких дней намекали на заговор в армии. Знаю, что первой эту мысль обнародовала ваша газета, сеньор. Это я вас хочу спросить: то, что вы напечатали, было провокационной сплетней или у вас есть какая-то информация по этому поводу?

«Эль Сатурно» засмеялся и сел. Левые зааплодировали, а корреспондент только развел руками и сказал:

— К сожалению, не мы первыми это напечатали.

Мадридская газета:

— Господин Президент, меняет ли человека власть?

— О-о-о! — Сперва он хотел отшутиться, но сама мысль его захватила и заставила призадуматься. — Я понимаю, о чем вы спрашиваете... Власть — это ответственность. Ты идешь у нее на поводу и начинаешь терять свое лицо. Если у тебя нет идеалов, ты погиб...

— Какие у вас идеалы сейчас, на третьем году президентства?

— Свобода нации.

— Что вы понимаете под словом, потерявшим в наше время всякий смысл, под словом «свобода»?

— Свобода — это хлеб, это мясо, это человеческое достоинство, это когда другой человек на тебя не смотрит из-за стекла своего лимузина, как на скот.

— Не считаете ли вы, что директор полиции Орландо запятнал ваши идеалы?

— Не будем к этому возвращаться, — сказал Президент. — Виновные будут наказаны.

— Вас называют марксистским мессией, думаете ли вы, что достигнете целей, намеченных в вашей программе?

— Я вовсе не мессия и тем более не сотворен мучеником. Я политический борец, выполняющий порученную мне народом задачу. Но пусть знают те, кто стремится направить историю вспять: не будучи создан мучеником, я не отступлю ни на шаг. Я покину президентский дворец, только когда закончится срок, на который меня избрал народ. У меня нет альтернативы, и только в «деревянной пижаме», только в гробу можно меня вынести отсюда раньше, чем я выполняю программу народа...

— Что насчет бастующих владельцев грузовиков? — вы-

крикнула женщина в седом парике. — Можно ли считать, что преступные деяния вашей полиции заставят правительство пойти на уступки бастующим? Или экономическая война будет продолжаться?

— Я повторяюсь! Стране нужны хлеб и мясо. Нам нужно научиться уважать человеческое достоинство! — крикнул в ответ Президент. — Вы же все время говорите о войне. Если буржуазия хочет войну, она ее получит! — Он вдруг сказал неожиданно: — Директор полиции Орландо с сегодняшнего дня уволен. — Услышал аплодисменты и вздрогнул. Потом увидел, как Аугусто, Верный Пес, от удивления разинул рот.

Фоторепортеры подловили Орландо у ворот президентского дворца. «Детоубийца». Орландо был достаточно осведомлен о газетных нравах и еще тогда, в поезде, понял, что «детоубийца» — не случайное слово, что ему приклеили ярлык и будут повторять его столько раз, сколько потребуется, чтобы и публика, и он сам, Орландо, признали это прозвище. «Детоубийца!» — слышалось сразу несколько голосов, и тут же журналисты окружили его, щелкая аппаратами. Орландо понимал, чего от него ждут, понимал, чего не должен делать. Он не отталкивал их, не размахивал руками, старался быть не очень хмурым, но и не слишком веселым. Какое-то время удавалось справляться с этой задачей, медленно-медленно оттесняя репортеров к воротам. Когда до постового карабинера оставалось метр или два, кто-то схватил Орландо за полу пиджака; оторвалась пуговица, и видны стали кожаная портупея и револьвер в кобуре под мышкой. Мгновенная растерянность Орландо вполне устроила фотоохотников. Большого от «детоубийцы» и не требовалось. Завтра лицо Орландо еще раз появится на первых страницах газет в сопровождении аншлагов: «Последний визит в президентский дворец», «Убийца на свободе и при оружии», «Детоубийца уходит ненаказанным?!»

Орландо прошел по галерее вдоль изваяний президентов. Заглянул в комнату «друзей Президента». Он искал Андреаса.

— Здравствуйте, Андреас. Здравствуйте, — сказал остальным.

Это было помещение личной охраны Президента. Вдоль стены попеременно стояли столы и койки. Кто читал, кто дремал, прикрыв лицо газетой или платком. Орландо отметил про себя, что на Андреасе свежая белая рубашка.

— Как все это произошло? — спросил Орландо вполголоса. — Я тебя оставил руководить расследованием и встретить прессу...

Андрес развел руками.

— Это не просто ошибка, — сказал Орландо. — Вместо того чтобы иметь еще один аргумент против саботажа на транспорте, мы сами попадаем в ловушку. Это головотяпство.

Андрес глянул в сторону.

— Мать совсем сошла с ума. Она увидела труп... Голову так и не нашли. Дочь молчит, ни слова... Съехались все родственники этого Висенте. Появились всевозможные свидетели... Потом этот карабинер, который выстрелил... То ли с испуга, то ли по чьему-то наущению он под присягой подтвердил, что ты дал команду стрелять...

Орландо кивал головой. Да, конечно, ясно, понятно.

— Ты уже был у Отца? — спросил Андрес.

— Нет. Иду... Ты видел сводку? — поинтересовался Орландо.

— Да. Ты имеешь в виду Родригеса? Он вернулся из Аргентины неделю тому назад. Штаб этой банды в имени его дяди «Кампо бланко»... У них самолет, радия и оружие. Есть сведения, что он привез доллары для финансирования забастовок. Как бы там ни было, долларов в городе прибавилось.

— Взять нужно Родригеса, — сказал Орландо. — Пока он не закрепился.

— Он уже закрепился.

— Тем более, не так ли? Начало уже положено. Ты помнишь адвоката, защищавшего Родригеса на том процессе? Этаким денди с немецкой фамилией и биографией?

— Фон Каузен.

— Да! Его пристрелили позавчера во время потасовки в отеле. Он, видимо, вернулся вместе с Родригесом. Брать нужно. Ты займешься этим. Под мою ответственность.

Андрес взглянул на Орландо, и тот увидел в глазах друга нескрываемое сожаление и еще что-то одновременно. Не насмешку ли? Орландо пошел к Президенту.

— Здравствуй, Орландо... Здравствуй, Орландо, — люди здоровались и выражали при этом какую-то особенную приветливость. Так говорят с больным. Секретарь Отца, компаньера Юлия, когда он подошел к ее столу, положила свою ладонь на его руку.

— Глупость какая, — шепнула она ему.

Орландо стал нервничать: он не понимал всех этих намеков и не мог сосредоточиться, чтобы обдумать это.

— Кто у него? — спросил.

— Делегация профсоюзов бастующих медиков.

Орландо подошел к окну. На улице стояли студенты с плакатами: «Мы с тобой, Президент!»

Президент улыбался.

— Не буду напоминать клятву Гиппократу, которую когда-то все мы произнесли... Однако хотел бы выяснить для себя некоторые тонкости дела. Медицина существует не для того, чтобы кормить врачей. Медицина призвана помогать страждущим... Нет сейчас у правительства возможностей поднять в три раза зарплату медицинского персонала. Нет. Через какое-то время начнется эпидемия, не так ли? Это не замедлит вырасти в национальное бедствие. Или нет? — усмехнулся. — Или бедствие затронет только рабочих и бедняков? Богатым, наверное, нечего опасаться, с ними все в порядке?

Президент разглядывал сидящих перед ним организаторов забастовки. Их ненависть к его персоне была бесстыдно открыта. Президент, говоря, скользил взглядом по их лицам слева направо, не останавливаясь ни на ком. Брезгливость мешала. Он даже обрадовался, найдя для себя объяснение — именно брезгливость.

— Ваша забастовка, господа, чисто политического характера, она направлена против меня, против социальных преобразований. Диагноз тут простой.

Президент развел руками. Все развели руками. Президент улыбался. Все улыбались. Перемирие не состоялось, что и требовалось доказать. Встали. Президент засунул руки в карманы пиджака и вежливым кивком попрощался.

— Да! — сделал вид, что только сейчас это вспомнил. — Некий доктор Артас на ассамблее медиков недавно заявил якобы: «Мы не остановимся до тех пор, пока не увидим всех коммунистов повешенными на фонарях». Мы не остановимся? Кто это «мы»?

Снова все развели руками. Разошлись. В кабинет вошел Орландо.

Сперва была пауза. Потом Президент поставил Моцарта.

— Ты был на побережье? Не стоит скрывать. Не арестовал ты там какого-нибудь адмирала? («Нет».) Ну и слава богу. Значит, так: будем считать, что непослушание, неподчинение моему приказу и есть причина, по которой ты должен уйти в отставку. («Нет!») Да! Однако причина совсем иная...

— ?!

— Ты становишься для меня опасным. («Да?») Ты становишься крайним во всех своих оценках. Крайним, понимаешь?

— Все теперь крайние, — сказал Орlando непослушным, шершавым голосом. — В центре остались только...

— Заканчивай фразу... — насутился Отец и прикусил конеп уса. — ...в центре остался только я? Так? Я тоже не в центре... Только меня не надо подталкивать. Политика — это не лесоводство. Мы пожинаем, чего не сеяли, и сеем то, чего ждать не будем... Ничто не делается за час. — Вдруг спросил: — Кого предлагаешь на свое место?

— Думаю, Андреса. На первых порах. Потом посмотрите. Он в курсе всех дел... Умеренный...

Президент сделал пометочку.

— Куда назначить тебя?

— Никуда. Пока никуда.

— Так не пойдет. Дорог каждый человек. Орlando, ты медик по образованию... Нужно взять под контроль санитарную службу, не дай бог нам еще эпидемию. Что?

— У меня разные незаконченные дела, Отец. — Орlando старался быть искренним. — Разрешите мне остаться свободным? Пока.

— Оставайся...

Президент сел на стол и вдруг забыл про Орlando и про санитарную инструкцию. Увидал крестьян, стоящих вдоль дороги у своих калиток. Они размахивали шляпами, радостно приветствуя его. Моцарт замолк, видение исчезло, Президент вернулся в реальность. Орlando не было. Вошла Юлия и принесла чай с лимоном.

— Как ты вовремя догадалась, — улыбнулся Президент.

— Это Орlando.

— Что Орlando?

— Это он догадался, — сказала Юлия.

Орlando нашел Андреса на том же месте в комнате охраны.

— Я подал в отставку.

— Ах так?

— Я рекомендовал на мое место тебя.

— Спасибо.

Он вывел Андреса в галерею.

— Нужно немедленно взять Родригеса с его компанией. Он хороший организатор, и с его появлением террор перейдет в военное наступление. Ты должен начать с этого. Ты слышишь меня?

— Слышу.

— У меня есть одно щепетильное дело, но все время я буду

дома у телефона. Думаю, буду тебе полезен. Звони через каждый час.

— Орlando, — Андрес взял его под руку, и они медленно, прогуливаясь, пошли мимо мраморных президентов. — Орlando, я рад, что ты меня рекомендовал... Хочу, чтоб ты правильно меня понял: если случится, что меня назначат директором Бюро, я хотел бы быть самостоятельным, а не марионеткой в чужих руках.

— В чужих?

Андрес прищелкнул, давая понять, что тут дело не в словах.

— Каждый, наверное, думает про себя лучше, чем он на самом деле... Я думаю, что способен руководить секретной службой самостоятельно. Я родился для этого...

Орlando ушел не простившись. Падал мелкий дождь. Вдруг ему показалось, что прохожие оглядываются на него. Надел черные очки, поднял воротник и побрел, опустив голову, никуда не идя, ни о чем не думая. На время забыл и Анну-Марию. Оказывается, ее тоже можно забыть. Остановился у цветочного магазина. Девушка в окне улыбнулась ему. Она держала полную ладонь белых бирок и развешивала их на корзины. Одни бирки снимала, другие вешала — цены на цветы за ночь поднялись почти вдвое.

Ангелика, жена Президента, стояла, пристально вглядываясь в белые стеклянные двери. Рядом с ней топтался Аугусто.

— Аугусто, — сказала Ангелика, — сколько можно жить, вот как мы, на пороховой бочке?

— Другие так живут всю жизнь, — ответил Аугусто.

— Силы на исходе, — сказала женщина.

Коридоры были пустые. Иногда проходила какая-нибудь медсестра или санитарка с горшком-уткой.

— Он съел что-нибудь? — спросила Ангелика.

— Нет. Я заставлял его что-нибудь проглотить, но тщетно, чаю выпил стакан.

— Чай — это хорошо, — сказала Ангелика. — Сейчас мы что-нибудь... Сейчас... Сейчас что-нибудь...

И приоткрыла двери в палату. Президент сидел на белом стуле рядом с кроватью умирающей сестры. Они смотрели друг на друга, и сестра гладила его руку.

— Я умру, — сказала она.

— Конечно, — сказал Президент. — Это участь всех нас. А как же иначе? Из этого состояла и будет состоять жизнь. Плоть приходит и уходит...

— А что остается? — спросила сестра.

— Дети. Живая плотская память о нас.

— А душа? — спросила старушка.

— И душа, — сказал Президент. — Душа... Дух.

— Я тебя мучаю? — спросила она. («Нет, нет!»)

В палату вошла Ангелика. Это должно было означать, что пора. Ангелика поправила в ногах одеяло и, нащупав холодную костлявую ступню, вздрогнула.

— Ты столько времени теряешь здесь, у моей кровати, — забеспокоилась сестра. — Спасибо тебе, Чичо.

«Нет, нет». Он встал.

— Я учусь у тебя, — сказал он. — Это тебе спасибо.

Вошла санитарка, худая, в очках, с горшком в руках, и села на освободившийся белый стул.

Президент уселся рядом с Ангеликой в свой голубой «фнат», и машина, окруженная тремя автомобилями с охранниками, двинулась в сторону улицы Мора.

В это же время открылись двери министерства обороны, оттуда вышел длинноногий генерал и нервно оглянулся. Динамик над дверью повторил:

— Машину министра обороны — к подъезду!

Сев в машину, генерал сухо сказал:

— На улицу Мора.

Где-то в городе на маленьком «фольксвагене» ехала Анна-Мария. Рядом с ней сидела ее мать с роскошным букетом роз на коленях.

Орlando сидел на кровати напротив зеркала и поглядывал на молчащий телефон. Что-то подсчитывал карандашом на бумаге. Затрещал телефон, и Орlando уставился на него, но треск не повторился. Он, видимо, подумал об Анне-Марии, потому что его небритое ожесточенное лицо вдруг приобрело комически-страдательский вид. Он сам это почувствовал и раздраженно причмокнул левым углом рта.

А машина генерала Каталона, министра обороны Республики, уже въехала в район респектабельных особняков. Здесь машин было больше: видимо, бензиновый кризис затронул жителей этого района меньше, чем остальных. Вдруг наперерез генеральской машине выскочил спортивный автомобиль; генерал оглянулся и увидел, что за его машиной следует еще несколько автомобилей, стараясь взять его «в клещи». Это очень напоминало ситуацию при убийстве генерала Шнейдера.

— Покушение! — крикнул генерал шоферу и выстрелил из пистолета в спортивный автомобиль. Машины стали биться одна

об другую, сигналив что есть мочи, и наконец их вынесло на тротуар, словно волной на берег. В спортивном автомобиле сидела женщина. Она заплакала от страха, потом закричала от злости:

— Я ему всего-навсего показала язык, а он выстрелил!

Все вдруг обернулось комической стороной и стало похоже на недоразумение.

По любому случаю совпадению поблизости находились люди с кинокамерами. Вокруг собралась толпа, если таким простонародным словом будет разрешено назвать собрание особей, живущих в аристократическом районе.

— И это наша армия?! — кричали они. — Это наш министр обороны?! Кто руководит государством — параноики!

Под свист толпы генерал покинул место происшествия на такси, так как у его машины оказались проколоты шины.

Генерал, министр обороны, появился в резиденции Президента настолько возбужденный, что Ангелика, которая первой встретила его, воскликнула:

— Что?!

— Все в порядке, — с трудом ответил тот. — Я приехал вручить заявление об отставке. Где ОН?

Президент, окруженный горами книг, сидел в библиотеке. Вместе с Аугусто и еще двумя советниками он готовился к завтрашнему дню. Генерал, запинаясь, рассказал о происшедшем.

— Марио, я все понял, — сказал Президент, — все понимаю. Мы возбуждены. Нам нужно успокоиться. Всем нам.

— Она сперва показала мне язык, как сама говорит, потом плюнула мне в лицо. Там была пресса... Завтра все будет обнародовано на первых страницах.

Ангелика засмеялась, желая разрядить атмосферу.

— Право, Марио, я испугалась, вас увидев. Подумала, произошло страшное...

— Да, — сказал генерал. — Они подняли меня на смех.

— Только ни слова об отставке, — Президент поднял руку. — Ведь они этого и добиваются, не так ли? НЕ ДЕЛАЙ УГОДНОГО НЕПРИЯТЕЛЮ. Кончим. Давайте поговорим о наших делах. Знаете, с чем мы здесь возимся? Мы откопали несколько старых законов, которые никогда не были в ходу, но они есть! Вот здесь! — Ударил по книге. — Оказывается, по закону 520 от 1932 года правительство имело право экспроприировать предприятие в случае прекращения работы с целью саботажа. Думаем, как это использовать против владельцев транспорта... Марио, успокойтесь. Ладно, плюньте мне в лицо, если вам нужна сатисфакция! Натe, плюньте!

Генералу не было смешно. Ангелика дала ему сигарету.

— Марио, — сказал Президент. — В армии зреет заговор. Я это знаю наверняка. И вы знаете. На воскресенье мы решили, мы — это социалисты и коммунисты, назначить массовую демонстрацию рабочих. Думаем, что цифра участников достигнет миллиона. Нужно реакции... и парламенту, и армии... показать нашу силу. — Он заулыбался своим мыслям. — Припугнуть надо. Выиграть три месяца до референдума... С забастовкой за это время справиться...

Зазвенел телефон. Ответил Аугусто.

— Орlando просит Отца, — доложил он вполголоса Ангелике, но Отец сам услышал.

— Я не свободен, скажи ему, — резко бросил он, не обернувшись. — Я занят! — И снова занялся генералом Марио Каталонем, верным и последним другом в армии. — Ты не имеешь права болеть, Марио... Ты пишешь историю страны, и рука не должна дрожать. Успокойся, друг... А тот старый закон, что мы откопали, это здорово, правда?! — Президент в самом деле радовался и всячески демонстрировал это генералу.

Потом он сказал:

— Только силу духа бы не терять. Это единственное, что, несомненно, сильнее оружия.

Генерал Марио Каталон растрогался, и Ангелика уже потом клялась, что видела на его глазах слезы.

В двери постучали, и Орlando вздрогнул.

— Кто? — спросил он.

— Я.

Это был Эваристо.

— Я не вовремя?

— ВО. — Орlando ждал Анну-Марию и разозлился, что не мог этого скрыть. — Даже очень ВО.

— Я подумал...

— Ты правильно подумал. Садись. На сей раз будем без ужина... За домом следят. Садись у стенки.

— Самочувствие дурное?

— Да. Пройдет. Хорошо, что ты здесь.

— Орlando, могу я говорить прямо? («Да».)

— Ты сейчас ищешь, куда приложить свои руки. Время для всех такое, что...

— Это ты называешь «говорить прямо»? — перебил его Орlando.

— Есть оружие! Это по ту сторону границы. Да-а! Арген-

тинского производства. Целый грузовик всякого добра... И вполне современное. Ты мог бы сделать важное дело, если бы поруководил этой операцией, доктор.

— Ты мне предлагаешь работу? Так я должен понять?

— Орландо, сейчас не время демонстрировать ущемленное самолюбие.

Он покачал головой: нет.

— Если не выгорит, — сказал Орландо, — то все шишки попадают на Отца. Нельзя. («Почему?») Нельзя. Дороги пустые. Все машины стоят. Куда ты спрячешься с этим грузовиком? Об этом вы подумали? Это гиблое дело — грузовик на дороге.

— Жаль, — промолвил Эваристо.

— Да.

— Вчера ночью арестовали брата Анны-Марии, — сказал Эваристо.

— Анибала?

— Нет. Этого, младшего. Он участвовал в поджоге склада или магазина с марксистской литературой.

— Что ж...

— Да. А она сама где?

— Не знаю. У мамы, наверное.

Он вдруг с решимостью труса схватил телефонную трубку и набрал номер. Никто не отвечал. Орландо ждал терпеливо и поглядывал в окно на улицу. Обратился к Эваристо, хотя интонационно это скорее было похоже на разговор с самим собою:

— Недавно Отец... — и тут же поправился: — недавно Президент сказал: «Если военные замыслили бы переворот, они давно это уже сделали бы. Причин у них было хоть отбавляй». Это вопрос, на который мы обязаны ответить, Эваристо.

— Это вопрос скорее для теоретиков, — сказал Эваристо.

Телефон не отвечал. Орландо забыв, что все еще держит трубку. Смотрел на Эваристо.

— Парадокс, — сказал Орландо. — В самой сути дела лежит парадокс. Вопрос должен стоять так: почему армия еще не выступила против нас? Нужно понять, что им мешает...

— Многое мешает.

— «Многое» — это какое-то пустое слово, а? Что? Конституция?

— Хотя бы.

— Ты мыслишь по прямой, Эваристо. Знаешь, что или кто мешает армии взять власть? БУРЖУАЗИЯ.

— Буржуазия мешает тому, чтобы армия свергнула президента-социалиста?

— Да! Цель заговора состоит в том, чтобы отнять власть у

социалистов и не отдать ее в руки буржуазии. Да! «Тихий Вьетнам» ввергает страну в хаос при откровенном попустительстве и невмешательстве армии. Среди министров уже пять генералов со всей своей военной властью, а террор, диверсии и забастовки нарастают с каждым днем. Буржуазные политические партии создали в стране кризис, чтобы свергнуть Президента, а армия ждет, пока хаос в стране станет нестерпим всем. Ждет, пока буржуазия скомпрометирует себя до конца. Армия хочет выступить в роли судьи. Она и сейчас уже арбитр, но это скорее судья на футбольном поле. Армия ждет момента стать судьей и единоличным владыкой. Она выступит в роли спасителя от всех политических и экономических кризисов. В роли мессии.

— Резонно, — сказал Эваристо. Он думал о грузовике и о пустых дорогах, о которых напомнил Орlando, и слушал рассеянно, как что-то не относящееся к нему. — Резонно... Ты употребляешь слово «армия». Ты имешь в виду определенных лиц? Министр обороны — старый друг Президента. Он больше чем лоялен. Он понимает нашу революцию и социальные перемены...

— Один человек стоит столько, сколько стоит одна пуля, — сказал Орlando. Снова поднял к уху телефонную трубку. — Если ты хочешь от меня узнать имена заговорщиков, так я могу спросить тебя: а на что тебе эти имена? — Засмеялся. — Ведь арестовывать их ты не собираешься?

— Нет, нет, это могло бы вызвать всякие кривотолки, — шуткой ответил Эваристо и так же весело переспросил: — Дело с аргентинским оружием ты отвергаешь?

— Да. Я объяснил.

— Я понял. Положи трубку. Подозреваю, что человек, которому ты звонишь, отсутствует.

— Да, — Орlando положил трубку и снова взглянул в окно. — Она много работает. Жалуются, что много работает. — Стал надевать пиджак. — Подвези меня к Дому песни, — попросил он Эваристо.

Когда они сели в машину, Эваристо оглянулся по сторонам.

— Ты уверен, что за тобой следят?

— Нет. Подозрение стало способом мышления.

В прихожей Дома песни стояла охрана из нескольких молодых людей. На блузках их были надписи: «Защитим Президента!» В глубине, где-то за дверьми и шторами из сахарного тростника, звучала музыка.

— Вы здесь кого-нибудь знаете? Вас здесь ждут? — парень

с рыжей длинной шевелюрой обратился к Эваристо, который первым вошел в прихожую.

— Я ищу Анну-Марию, — сказал Орlando и на мгновение приподнял очки, показывая лицо.

Парни закивали, и глаза их стали приветливыми.

— Да-да. Она здесь. Сегодня публики у нас нет, — возбужденно скороговоркой затрещал парень, потряхивая рыжей копной волос. — Сегодня запись для радио. — Он поднял глаза к потолку, прислушиваясь и показывая, где идет запись. — Придется подождать, — извинился он, — до конца песни.

Они подождали. Пел женский голос:

Скажи, девушка, почему ты такая грустная,
хотя ты так красива и так молода...

Потому, чужестранец, что я голодна, как мышь пустыни,
хотя моя страна богаче твоей...

— Я оставлю тебя, — сказал Эваристо, — раз она здесь.

Когда Орlando вошел в зал, увидел Анну-Марию в свете прожектора. Она разговаривала с певицей, а над их головами колыхались на журавлях, как две гранаты, круглые микрофоны в мягкой оболочке. Орlando остановился и стал ждать, пока его заметят. У бетонной стены над магнитофоном путался в лентах механик. Орlando знал его имя — Давид; рядом возился его помощник, которого сперва можно было принять и за девушку, но нет, это был парень, и руки у него были крупные, рабочие. А за техниками в зеленом мокром полумраке сидели человек пять иностранцев. С ними разговаривала девушка, она всегда здесь была, звали ее Анна, просто Анна, без Марии, и говорила она вполголоса. Кажется, она переводила на английский слова песни. Белобрысый верзила выставил вперед свои полутораметровые ноги и сказал что-то девушке, та хихикнула, и Анна-Мария оглянулась. Она увидела Орlando и на какое-то мгновение застыла в повороте, вытянув шею. Потом снова заговорила с певицей-индианкой, жестикулируя, все время сгибая руки в локтях. Потом она, пятась, пошла к Орlando.

— Здравствуй, здравствуй...

Она обняла его, и он почувствовал кости ее худых плеч и бедер.

— Я звоню, звоню, и тебя все нет.

— Наверное, что-нибудь с телефоном, — сказал Орlando.

— Ты пришел взять меня с собой или просто хочешь что-нибудь сказать? — спросила Анна-Мария. — Сказать или услышать?

— Увидеть.

— Тогда я должна отойти от тебя, — шепнула она. — Сейчас

ты меня не видишь. Я слишком близко, и потому ты меня не видишь...

— Вижу.

— Ты будешь ждать меня?

— Да. Если тебя не ждет кто-то другой.

Анна-Мария поколотила его кулаком по спине.

— Дурак. Там мексиканец и два итальянца...

— Их уже двое? Итальянцев?

— Дурак, — повторила она и поцеловала его. — Пойдем к ним. Они покупают наши песни и хотят выпустить у себя несколько пластинок. А тот, большой, белобрысый, — корреспондент, он часто заходит сюда, ты его помнишь? Он хочет говорить с тобой.

— Я на его месте предпочел бы тебя.

Она снова ткнула его в спину кулачком и подвела к иностранцам. Белобрысый встал; казалось, он не поместится под сводом зала. Орlando вспомнил его. Такого нельзя не вспомнить.

— Я представляю шведскую газету, — сказал верзила.

Орlando было все равно.

— Неужели? — спросил он.

— Дурак, — на сей раз Анна-Мария сказала это по-итальянски. — У него к тебе дело, — и отошла к механику.

— Хорошо вас разделили. Детоубийца, — сказал швед.

— Вам понравилось? — спросил Орlando.

— Нет, — ответил швед. — Я ездил туда, на место. Видел, как это делалось. Женщина-мать совсем не сумасшедшая. Она не может больше говорить о том, что было... Она рассказывает и каждый раз заново переживает весь этот ужас. Она устала... Я написал в Швецию только правду. Я чувствую к вам симпатию.

— Ко мне?

— Нет. Ко всем. И к Президенту тоже.

— Спасибо, — поблагодарил Орlando и почему-то рассердился на себя. — Какое у вас ко мне дело?

— Вы не любитель читать завтрашние газеты? — спросил швед.

— Я не всегда читаю даже сегодняшние, — ответил Орlando.

Швед вытащил из кармана лиджака газету.

— «Эль Сатурно», — сказал он. — Прямо из типографии, — понюхал запах типографской краски. — Продаваться будет завтра утром. Удивительное это дело — завтрашняя газета, имеешь целую ночь на размышление.

Орlando взял в руки газету.

Заиграла гитара, и он услышал, как Анна Мария крикнула:

— Прошу тишины! Записи!

— Выйдем, — сказал швед.

Они вышли на улицу и остановились у входа под фонарем, где было больше света.

Первая страница газеты была посвящена инциденту с министром обороны генералом Каталонем. Фотография крупным планом изображала женщину, плюющую в лицо министру, который не то защищался, не то поднял руку, чтоб ударить женщину. Ниже фото молодой женщины в спортивном автомобиле. Она явно позировала, показывая в объектив аппарата язык. Снимки толпы с поднятыми кулаками сопровождалась набранным крупно текстом: «Армия, с кем ты?» А под ним: «Генерала Каталона — вон!»

— Это у них не выйдет, — сказал Орландо.

— Глядите, — швед ткнул пальцем в фотографию. — Плюющая женщина — это жена генерала фон Шовена, а вот эти две женщины в толпе, помеченные крестиками, тоже жены весьма высокопоставленных офицеров. Читайте: «Вчера вечером, в 21 час, группа генералов, в их числе и супруги замешанных в инциденте дам, нанесли визит министру обороны в его доме и потребовали, чтобы министр подал в отставку во имя сохранения чести, престижа и единства армии. Министр — генерал Каталон — признал свою ошибку, но заявил, что в отставку не подаст. Разговор длился более двух часов». — Швед взглянул на свои часы величиной в два спичечных коробка. Они прибыли туда в 21 час и говорили более двух часов, а сейчас только начало двенадцатого, и эта газета у меня уже более часа. Вам нравятся завтрашние газеты? Дальше: «Около полуночи у дома министра обороны собралась демонстрация женщин, среди которых было много офицерских жен. Они скандировали: «В от-став-ку! В от-став-ку!» До полуночи еще битый час! — сказал он. — Дальше: «На место демонстрации прибыли карабинеры. Между ними и прохожими, не позволявшими избивать женщин, завязался неистовый бой. Ранены несколько человек, в том числе и одна женщина...»

— Вы на машине? — спросил Орландо. — Давайте подведем к министру обороны.

— Отлично! — обрадовался швед. — Дазайте!

Машина у него была крошечная, и, чтобы сесть в нее, он сложился, как перочинный ножик.

— А сеньора Анна-Мария? — спросил швед. — Мы ей ничего не сказали.

— Поехали, — буркнул Орландо.

Генерал Каталон у себя дома принимал депутацию высших офицерских чинов. Он был в шлафроке, подчеркивая этим, что он у себя дома и, собственно говоря, никого не приглашал и никого видеть не желает. Разглядывал узоры на скатерти из индийской ткани.

Генерал авиации фон Шовен говорил:

— Если вы, господин министр, признали свою ошибку, честь мундира требует довести дело до логического конца.

— Я не признавал своей ошибки, я только сказал, что произошло досадное недоразумение.

— Вы стреляли в женщину посреди бела дня.

— Это была провокация, и я не видел, кто сидел за рулем. Ваша жена плюнула мне в лицо, видя и зная, в кого плюет. Нам с вами, генерал фон Шовен, в одной армии служить будет тесно. О чем я завтра и заявлю командующему ВВС.

— Я говорю, господин министр, о чести армии...

— А я говорю о заговоре! — прищурился Каталон.

Стало тихо. Кроме Каталона и фон Шовена, в комнате находились два генерала и три полковника.

— Это звучит как обвинение, — сказал фон Шовен.

— Неужто? — удивился Каталон.

— Нашей стране не хватает только раскола в армии, — сказал фон Шовен с подчеркнутым сожалением.

— Чтoб этого раскола не было, вам придется снять свой мундир, — сказал Каталон и встал, решительно выпрямив свое костлявое тело.

Офицеры встали вслед за ним, и только фон Шовен несколько помедлил. Он сперва сказал:

— Мундир легче всего снять с мертвого тела, — и тоже встал.

Министр кликнул своего адъютанта:

— Капитан, проводите офицеров до дверей!

Орlando смотрел, как из особняка вышли друг за другом шесть офицеров, молча попрощались и разъехались.

— Все идет по сценарию, — сказал швед, поглядывая на часы. — Значит, минут через тридцать-сорок появятся недовольные женщины. Подождем?

— Зайдем в дом, — сказал Орlando.

Они поставили машину в переулок за особняком и вернулись к подъезду. Орlando нажал на кнопку сигнала, и калитка открылась. Услышали, как где-то в доме эхом отозвался сигнал. Подошли к дверям дома и снова позвонили. Голос в динамике за дверью спросил:

— Извините, кто идет?

Орlando узнал голос и улыбулся.

— Эктор? («Да».) Я Орlando из Бюро по расследованию, со мной один корреспондент... То есть нас двое.

— Генерал болен, — ответил некто, названный Эктором.

— Именно, — кивнул Орlando. — Я доктор по профессии. Вы, может быть, это знаете, Эктор?

Двери сами открылись, и, когда Орlando со шведом вошли внутрь, на лестнице появился офицер.

— Будьте добры подождать, — сказал Эктор. — Я доложу генералу.

Через минуту вернулся.

— Генерал разговаривает с Президентом. Присядьте.

Ждали молча.

Генерал кивал головой и на поток эмоциональных восклицаний, которые выплескивались из трубки, отвечал: «Да, компаньеро Президент!», «Да, компаньеро... Да, компаньеро Президент!..» Положил трубку и механически еще раз повторил: «Да, компаньеро Презид...»

Вошел Орlando, скрипнула дверь, и Каталон вздрогнул.

— Здравствуй, Орlando, — он пошел навстречу с раскрытыми объятиями. Жаждал ли он в эту минуту общения или подсознательно уловил схожесть их судеб — так или иначе, генерал был рад гостю.

— Это швед, корреспондент, — представил Орlando спутника. — У него есть подарок для вас. Не совсем приятный, правда, но полезный.

Швед подал газету. Завтрашнюю газету. Генерал, нужно отдать ему должное, с достойным хладнокровием оглядел фотोगрафии.

— Какая мерзость, — сказал он и неожиданно добавил: — Неужели я уже такой старый? Или они специально меня так напечатали!

Швед даже причмокнул от удовольствия. Его явно занимала литературная сторона жизни. Генерал стал читать текст под фотографиями. Несколько раз бросил взгляд на шапку, чтоб еще раз убедиться, за какой день газета. Подошел к столу и по пультовой связи сказал спокойным голосом:

— Капитан, соединитесь с командующим корпуса карабинеров... Я могу взять газету на память? — Это относилось к шведу. — Благодарю... Это говорит Каталон, — сказал генерал в трубку. — У моего дома готовится провокация с расчетом подстроить столкновение с карабинерами. Приказываю предупредить все мобильные группы карабинеров о том, чтобы они вышли из этого района и не отзывались ни на какие сигналы

тревоги. Если будет что-нибудь серьезное, я перезвоню сам. Благодарю, капитан. — Это уже адъютанту Эктору: — Вы слышали мой разговор? («Да») Обеспечьте охрану.

Где-то внизу, в холле или в подвале, завывла вполсилы сирена.

— Нет ли у вас газеты за месяц вперед? — спросил генерал шведа.

— Сожалею. — Видно было, тот всерьез сожалел.

Стали ждать. Без пяти минут полночь. За окном слышались визг подъезжающих автомобилей, выкрики и звон железной посуды. Богатые дамы, которые в последнее время приобщились к политике и стали выходить на свои манифестации, оружием выбрали крышки от кастрюль.

— В ОТСТАВКУ! В ОТСТАВКУ!

Сперва хор был жидким, потом голоса уплотнились и зазвучали как армейское «ура».

— Разрешите, я потушу свет, — сказал Орlando.

— Не надо.

— Они выбьют окна, — настаивал Орlando.

— В таком случае они выбьют стекла только в комнате, где горит свет, а не во всем доме. Правда?..

Орlando все-таки увел генерала в соседнюю комнату, и они стали наблюдать в окно. У ограды собрались человек сто, в большинстве это были женщины, как справедливо отметит завтра фашистская «Эль Сатурно», но среди них были и мужчины, которые держались особняком, в стороне от ограды, но «проходжими» их нельзя было назвать.

— В ОТСТАВКУ! В ОТСТАВКУ!

Внимание всех было обращено к освещенным окнам, однако камней никто не бросал — это была демонстрация добропорядочных женщин, заинтересованных в будущем страны и ее армии. Орlando и генерал смотрели в окно, может быть, стараясь разглядеть знакомые лица. Швед, в свою очередь, изучал генерала, приглядываясь к его реакции на происходящее. Голоса стали затихать, видно, дамы немного приустили, и в это время отчетливо слышалась сирена карабинерской машины.

— Не может быть! — крикнул генерал.

Автобус въезжал прямо в толпу, и из задней дверцы стали выскакивать карабинеры со щитами и дубинками в руках. Слышались женский писк и крики о помощи. Генерал через освещенную комнату выбежал на балкон и закричал голосом, каким отдают приказы:

— Карабинеры, НА-ЗАД!

Может быть, первый его крик кто-нибудь и услышал, но свалка уже началась, и поднялся невообразимый гам. Приказы

и призывы генерала только дополняли общую картину паники, какая может случиться разве что от пожара в женском монастыре. Посыпались стекла карабинерской машины, это мужчины — те, которые сопровождали женщин, — пустили в дело железные прутья. Генерал вернулся в комнату и запер за собой дверь балкона. Достал из ящика сигару и сказал:

— За последний год я не помню, чтоб какой-нибудь приказ или предписание были выполнены точно так, как ты того требуешь.

Камни посыпались в освещенные окна дома. Рука генерала дрожала, и он никак не мог прикурить. Бросил сигару на стол, криво улыбнулся.

— Завтрашняя газета тоже не могла... Я вас не виню... За последний год ни один приказ или предписание...

Орlando вошел в квартиру и, вслушиваясь в ночную темноту, аукнул:

— Эй, человек, ты здесь?!

Зажег свет. Никого. «Как всегда, один», — подумал он.

Держа под мышкой книгу «Справочник военной академии. Кто есть кто?» — это он у Каталона взял, — сел в кухне за столом и стал перелистывать страницу за страницей.

Президент завтракал, а Ангелика сидела напротив и следила, как он ест. Он заметил, что она вместе с ним открывает рот. Так кормящие матери помогают есть младенцу. Он засмеялся.

— Что, Чичо? — спросила Ангелика.

— Ничего. Я сегодня впервые выспался.

— Я заметила.

— Это видно?

Она кивнула и улыбнулась.

— Если хорошо пройдет наша демонстрация, мы слоим бастующих, — сказал он. — Я тебе не говорил? Армия стала очищать дороги от блокирующих.

Она кивнула.

— Референдум мы обязательно выиграем.

Она снова кивнула.

— Парламент опротестовал мой закон против саботажа, но мы их не послушаем. Пора им привыкнуть, что после референдума мы их вообще не будем слушать. Болтуны!

Она кивнула.

— Когда я подношу вилку ко рту, — сказал он, — ты тоже открываешь рот. — Заулыбался, довольный. — Ты не замечаешь? Она покачала головой: «Нет».

— Знаешь, — сказала Ангелика, — что у меня сейчас на уме?

— Нет. Не знаю.

— Через год истекает срок твоего президентства. Я думаю, что ты не собираешься и в следующий раз баллотироваться?

Он оживился вдруг и замахах вилкой.

— Если мы не закрепим за этот год наших позиций, вся борьба, все социальные завоевания пойдут насмарку.

Она покачала головой: «Нет».

— Я не говорю «закрепить — не закрепить», Чичо. Я говорю, что кончишь ты свой срок, и мы поедем далеко и надолго.

Он покачал головой: «Нет».

— Мы сперва поедем в Грецию, там уже нет полковников. Хочу в Грецию. Потом поедем в Будапешт... Хочу в Будапешт. Потом мы поедем, — говорила она, — в Ленинград... Хочу в Ленинград. Потом мы поедем...

— Потом мы поедем домой, на президентские выборы, — скороговоркой закончил он.

Она безнадежно кивнула головой: «Да».

Президент вытер губы, положил салфетку и поцеловал ей руку.

— Давно так вкусно не завтракал.

Вошел Аугусто.

— Он дома, — сказал он. — Но я его не видел. Говорил с адъютантом. Каталон приказал не отвечать на звонки и никому не открывать дверь. Так что Эктор, узнав меня, нарушил... Генерал предупредил, чтобы машину к нему подали к двенадцати часам, он поедет в президентский дворец... К вам... Он, наверное, с утра видел эту газетенку...

— Наверное. — Президент не собирался терять доброе расположение духа. — Он мужественный человек. Искушается в ванне, и все пройдет. Поехали, друзья.

Схватив с вешалки плащ и одеваясь на ходу, заспешил к машине. Всю дорогу, от дома до дворца он оглядывался по сторонам, показывая всем свою улыбку и повторяя про себя: «Ты в прекрасном настроении, ты в прекрасном настроении...»

Напротив дворца толпились студенты и, завидев его, стали размахивать полотнищами. На посту стояли карабинеры.

— Все будет хорошо. Все будет хорошо, — сказал он, входя в приемную.

Оглядел ожидающих, поклонился всем и, весело махнув рукой, вошел в открытую дверь кабинета.

Андрес, подражая своему бывшему шефу, появился в кабинете Отца первым. Президент уже привык к такому порядку за три долгих года и считал его естественным.

— Положение стабилизируется. Армия только за вчерашний день конфисковала свыше тысячи грузовиков. За последние три дня волна террора и диверсий притихла. Может быть, это явление временное, но...

— Но, может быть, реакция немножко поиссякла? — подсказал Президент.

— Да, я именно это имел в виду, — согласился Андрес.

Президент лустил потертую пластинку с Моцартом.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь главное для всех сил безопасности — обеспечить спокойствие и порядок во время завтрашнего марша солидарности. Это должна быть демонстрация наших сил, но без кровопролития. Мобилизуйте все свои силы и на периферии. Больше половины демонстрантов двинутся сюда из провинций. Обеспечьте в столице безопасность районных комитетов социалистической и коммунистической партий.

— Да, компаньеро Президент.

— Спасибо вам, Андрес. — Президент уже было попрощался, как вдруг вспомнил: — Чем же занимается Орландо?

— Трудно сказать. Он где-то постоянно пропадает. Вчера ночью, правда, его видели в Доме песни... Ночью он навещал генерала Каталона... Он не может согласиться с реальностью.

— Я тоже, — сказал Отец. — Спасибо... Все будет хорошо.

Президент на минуту остался наедине с Моцартом. Закрыв глаза. Вслушался.

— Парижский клуб благоприятно отнесся к нашим предложениям, и в ближайшее время следует ожидать решения о снятии эмбарго.

Это уже говорил министр финансов. Острые черные глаза, крючковатый нос, большие роговые очки.

— Обстоятельства могут обернуться к нам более благоприятной стороной, — продолжал он бесстрастно, думая о цифрах, которые не терпят волюнтаризма, — если цены на медь на мировом рынке поднимутся, как утверждают прогнозисты, до своего прошлогоднего уровня, тогда у нас могут появиться деньги.

— Деньги, — сказал Президент. — Деньги... Знаешь, друг, счастливейшим периодом в моей жизни был тот, когда не было у меня денег и даже особых надежд на их появление...

— Верю, — сказал министр финансов. — Но это был, навер-

ное, краткий период вашей жизни, иначе у вас не осталось бы таких светлых воспоминаний.

Президент улыбался: «Да».

Пришли двое товарищей из ЦК Коммунистической партии. Юлия принесла чай, и все трое расположились в углу кабинета в зеленых кожаных креслах.

— Что думают коммунисты о состоянии наших дел? — Президент внимательно размещивал чай с лимоном и с сахаром. — Меня интересуют два факта: состояние на фабриках, на производстве и наша готовность к завтрашнему маршу — демонстрации.

Рафаэль Хирон, сутуловатый мужчина, наклонил к Президенту свою седую красивую голову и начал говорить без интонаций, будто уже говорит об этом час:

— ...Знаете, несмотря на нехватку сырья и саботаж транспортников, большинство фабрик работает в полную силу. Но среди рабочих усиливаются экономические требования. Рабочие требуют все большего увеличения зарплаты, что не соответствует возможности нашей экономики... Ведь так? Возникла любопытная ситуация, когда на заводе медицинского оборудования одновременно объявили забастовку и реакционный профсоюз и социалисты — вы слышали об этом? Нет? — и коммунисты.

— Это попытки реакции ослабить единство рабочего класса, — заметил вслух Президент.

— До единства еще долгий путь, — сказал Карлос Соа, второй из гостей. Он был лысый и, разговаривая, держал левую ладонь на макушке, словно шляпу, иногда сдвигая ее то на одно, то на другое ухо. — Многие думают только о своей пользе. Много несогласия даже между социалистами и коммунистами...

— Завтра мы сократим этот путь, — уверил Президент. — Как вы думаете, сколько людей завтра выйдет на улицу, включая провинцию?

— Тысяч триста, не меньше, — сказал Карлос Соа, ему казалось это реальным.

— Может быть, и все четыреста, — Рафаэль Хирон думал, что, может быть, и четыреста.

— Нет, нет, — Президент поднял руку, будто останавливал уже идущую колонну. — Меня уверяли, что цифра близка к миллиону, к тысяче тысяч!

Гости не спорили. Они удивились и даже обрадовались.

По магистрали, соединяющей Аргентинскую долину с побережьем Тихого океана, мчался рефрижератор. На таких машинах

в добрые времена — до начала бунта транспортников — из Аргентины возили говядину и сыр.

Рядом с шофером сидел Эваристо. И еще там был смуглый парень с голубыми с поволокой глазами.

— Оружие — это хорошо, — говорил Эваристо. — Никто только не умеет им пользоваться. Имею в виду новое оружие... Тут мы обманываем сами себя. Нужны стрельбища и лагеря для подготовки людей. Иначе все пустое...

— Все равно, — сказал шофер.

— Что все равно?

— Оружие все равно хорошо, — уточнил тот.

— Еще бы.

Впереди показались грузовики, идущие на запад.

— Встань им в хвост, — сказал Эваристо. — Кто бы они ни были, это прикрытые.

Шофер нажал на газ, а парень с голубыми глазами сказал:

— Если там солдаты, лучше к ним не приближаться.

— Непохоже на армейские грузовики, — отметил шофер.

Машины оказались полны людей. Они сидели на скамейках в кузовах и глазели на догоняющую их алюминиевую громадину. Когда холодильник догнал их, на последней машине кто-то замахал алым флагом с эмблемой серпа и молота.

— Боже мой! — воскликнул шофер. — Это парни из селитряных рудников. Они едут на марш в поддержку Президента.

Эваристо и голубоглазый замахали руками, те заметили и начали что-то скандировать, а другие петь и размахивать портретом Президента.

У километрового столба № 23 дежурил военный патруль. Два «джипа», человек двенадцать. Они остановили шумную кавалькаду выстрелами в воздух.

Сержант обходил грузовик за грузовиком.

— На демонстрацию? — спрашивал. («Да») Оружие есть? («Нет») Проезжайте... Что там у вас под скамейкой? Транспаранты? Проезжайте... Быстрее, быстрее...

Подошел к холодильнику.

— Документы. Это ваша машина?

— Нет. Эта машина конфискована армейскими властями у забастовщиков.

— Откуда едете?

Шофер назвал небольшое местечко на востоке.

— Разве там есть излишки мяса, которые можно было бы оттуда вывозить?

— Да-да, — шофер закивал головой. — Да-да.

Сержант вдруг прислушался и сказал:

— У тебя не работает морозилка? Сгниет твоё мясо.

Шофер отчаянно начал возиться над приборной доской. Он не знал, как эту треклятую морозилку включить.

— Откройте машину, — сказал сержант.

Шофер шепнул Эваристо:

— Ты покажи ему свое удостоверение.

— Проклятая твоя морозилка, — услышал в ответ.

Эваристо выскочил из кабины и вместе с сержантом стал обходить машину. Сперва Эваристо вытащил деньги. Толстую пачку денег. Это была взятка. Сержант покачал головой. Нет, он не такой. Эваристо показал ему свой документ — полиция. Бюро по расследованию. Сержант покачал головой. Это не имеет значения.

— Откройте холодильник, — сказал он.

Тогда Эваристо достал восьмизарядный револьвер. Сержант покачал головой. Нет, он не такой. Подошел шофер, и сержант приказал ему отпереть дверь кузова, а Эваристо все держал пистолет, уставив его в грудь сержанта. Шофер стал отпирать дверь, но ключ никак не попадал в замочную скважину.

— Ты видишь, что я направил на тебя пистолет? — заорал оскорбленный Эваристо.

Сержант покачал головой. Нет, он не видит. Тут подошли солдаты и парень с голубыми с поволокой глазами.

— Ни шагу! — снова заорал Эваристо. — Я беру вашего сержанта в заложники!

— Открывай дверь, — настаивал сержант.

Эваристо выстрелил первым. Подбежали солдаты, и началась пальба в упор; стрелявших друг в друга разделяло расстояние не более двух метров.

Когда послышался взрыв и над дорогой взвился столб красной пыли величиной с деревянную церквушку, грузовички с демонстрантами остановились, и парни из селитряных рудников, стоя на скамейках, глядели назад и терпеливо ждали, пока ветер не рассеял едкий дым.

В приемную Президента вошли генерал Каталон и некий генерал Пин — человек без лица. Малоприметная до сих пор фигура начальника штаба сухопутных войск.

— Президент ждет вас, — сказала секретарь и стала открывать дверь в кабинет.

— Погодите, Юлия, — остановил ее Каталон. — Мы дождемся остальных.

Подошел к окну, взглянул вниз. Стояли студенты. «Прези-

дент! Мы с тобой навсегда!» Толпились корреспонденты, встречая каждого входящего, выходящего из дворца.

Один за другим подъехало два лимузина. Из машин вышли адмирал — командующий флотом и генерал — командующий корпусом карабинеров. Адъютанты и карабинеры из охраны дворца пробивали им дорогу между осаждающих корреспондентов.

На столе Президента лежал план, испещренный красными и синими стрелками, — так, может быть, выглядят заготовки планов армейских генеральных штабов.

— Колонны идут по Авениде О'Хиггинс и сразу на Провиденсию, — докладывал Раймонд, один из советников Президента, прошедший с ним весь путь от выборной кампании по сегодняшний день.

— Почему сразу на Провиденсию? — спросил Президент. — Пусть пройдут по городу, войдут во вкус...

— Мы думали так: чтоб пройти по О'Хиггинс и Провиденсии, нужен час... Час с небольшим, — Раймонд, извиняясь, улыбнулся. — За это время появится усталость, колонны уже сами по себе начнут терять стройность. В районах буржуазии нужно показать нашу силу, это наша цель, потому пусть они пройдут эти районы как можно раньше... А оттуда в центр. Если мы Провиденсию оставим на конец, думали мы, колонны уже будут не те, легче поддаться на провокации, могут возникнуть стычки, а нам ведь беспорядки не нужны... Особенно на Провиденсии... Возможностей подраться кулаками и палками у нас каждую ночь хоть отбавляй.

Президент услышал бой часов. Полдень. Повернулся к пульту, спросил:

— Компаньера Юлия, меня никто не ждет?

— Министр обороны и командующие родами войск, — несколько трагически объявил девичий голос.

Президент отключился от пульта.

— Спасибо, — сказал Раймонду. — Я вас не буду задерживать. А ты, Аугусто, оставайся... Где ты? — Аугусто стоял за его спиной. — С чего это генералитет явился в полном составе? — И снова к Раймонду: — Марш начинается во сколько?

— В двенадцать.

— В котором часу мне выступать?

— Думаю, не позже трех... Неизвестно, сколько в конечном счете будет народу. Но с речью следует выходить, не дожидаясь конца, она должна быть не десертом, а кульминацией демонстрации.

Президент обнял его за плечи.

— Ты прав. Беги, — сказал он.

Сам открыл дверь в приемную и немного громче, чем следовало бы, радостно воскликнул:

— Рад видеть вас здоровым, Марио! Пожалуйста!

Коварное это было слово — «пожалуйста». Оно могло относиться и к одному вызванному генералу Каталону, и ко всем прибывшим, если у них была договоренность. Вошли все четверо.

— Садитесь.

Остался стоять лишь Аугусто. Он прислонился к деревянной панели рядом с проигрывателем, рядом с Моцартом, и курил трубку. Молчание затянулось. Все смотрели на Каталона. Президент видел, как Каталон сосредоточивается, подыскивает первые слова, готовится. К чему готовится? Президент раскрыл было рот, но ничего не сказал. Решил не мешать генералу. В то же время подумал, что и помогать ему не надо.

— Господин Президент... Компаньеро Президент, — резко начал Каталон. — Я приехал сюда раньше моих коллег и вошел во дворец через боковой вход, как вор, чтобы не встретиться с прессой.

— Не гипертрофируйте. Марио, душевных переживаний, — неожиданно властным и спокойным голосом прервал его Президент. — Для тех, кто пишет историю, частные страдания — роскошь непозволительная.

— ...Я пришел сюда, — генерал продолжал с прежним напором, — чтобы в присутствии моих коллег заявить вам, Президент, о моей отставке.

Президент был готов к этому.

— Я отвергаю вашу отставку, генерал, по причинам государственной важности.

Генерал его не слышал.

— Вместе со мной уходят в отставку командующий военноморским флотом и командующий корпусом карабинеров. Это решение окончательное и разумное. Нами руководят именно государственные интересы. — На мгновение очертания скул и подбородка на его лице смягчились, и по щекам рассыпались морщины. — Я не могу командовать армией, офицеры которой настроены ко мне враждебно... — Он не дал себя прервать и продолжал, чеканя слова: — По армейской иерархии мой пост переходит к начальнику штаба сухопутных войск генералу Пину, — поклонился в его сторону. — Это верный своему солдатскому долгу офицер... Был молчаливым и преданным моим по-

мощником в последний наш год. В ближайшее время он назовет новых командующих родами войск.

— Я еще не сказал своего слова, генерал, — нахмурился Президент. — Кроме солдатского долга и чести, есть еще гражданский долг и гражданская честь!

— Да, Президент, — Каталон говорил, как загнипнотизированный, слушая одного. — Да, Президент... Командующий ВВС остается на своем посту и будет сотрудничать с новым министром обороны... Они давние друзья, и, будем надеяться, это послужит единению армии. И последнее. Я поставил условие генералу Пину, — Каталон повернулся всем телом к смиренно и скромно сидящему в кресле новому главнокомандующему. — Все шесть офицеров, вручивших мне вчера ультиматум об отставке и организовавших провокацию с женщинами, должны быть немедленно уволены из армии.

Пин кивнул головой: «Да».

— Да, — сказал он и снова кивнул.

Потом повернулся к Президенту и хрипловатым негромким голосом сказал:

— Вооруженные силы всегда будут верны Конституции и Президенту. Это я хотел сказать, заверяя вас в своей преданности, перед тем как вы примете решение.

Президент взглянул на Аугусто, потом на кончики своих пальцев.

— Кого вы намеряете на посты командующих? — спросил Президент. — Или вы еще не решили?

Вопрос был без адреса, не то еще к Каталону, не то уже к Пину. Ответил Пин:

— Адмирала Торибио, нынешнего командира крейсера «Независимость», и генерала карабинеров Мендосу.

Президент взглянул в серые неподвижные глаза Пина.

— Мендосу?.. — вспоминал, показывая, что вспоминает. — Знаю полковника Мендосу...

— Он уже генерал, ваше превосходительство, — сказал Пин.

В этом дворце давно уже не звучали слова «ваше превосходительство». Три года, по меньшей мере.

— Полковник Мендоса отличился, помнится, при подавлении рабочей стачки?..

— Да, — сказал Пин. — Он выполнял приказ Президента... Вашего предшественника. Но ведь сейчас мы тоже подавляем забастовщиков? Такова суть власти и таков долг солдата.

— Не совсем, — сказал Президент.

Он встал из-за стола и подошел к генералу Каталону.

— Вы пережили тяжелую ночь, друг мой?

— Из двух зол я выбрал меньшее, — неожиданно дрогнул Каталон.

— Я вам сочувствую, друг, — он вторично употребил слово «друг», не внимая ответу.

Все встали.

— Завтра утром официально приведем к присяге нового министра и командующих родами войск, — сказал Президент и протянул руку Каталону: — Спасибо тебе.

Затем протянул руку Пину, и тот пожал ее горячее, чем можно было ожидать.

— Завтра будет большой день, — сказал Президент.

Генералы тоже так думали. Но Президент неожиданно изменил ход их мыслей, сказав:

— Я имею в виду завтрашний марш-демонстрацию. Я намерен завтра объявить о нашей решимости выиграть войну с внутренним врагом. Власть должна быть сильна, и мы ее упрочим. С завтрашнего дня мы берем инициативу в свои руки. До завтра, друзья.

Он был уверен в своей силе и старался это подчеркнуть. До завтра!

Швед позвонил из бистро «Баден-Баден».

— Орlando? Я уже здесь. Спускайтесь.

— Вы со своего места видите двери моего дома?

— Да.

— Никого там не видно?

— Как будто никого. А кого вы не хотели бы видеть?

— Гномов.

— Что-о?

— Иду.

Орlando вышел на улицу и не успел сделать двух шагов, как послышался вопль:

— Детoубийца!

Из подъезда, из-за мусорных контейнеров, как стая крыс, появились рото, так по-испански называют подростков-оборванцев.

— Детoубийца! — кричали они.

Отбиваться от них было бессмысленно. Они были наглые и бескомпромиссные, эти люмпены, дети люмпенов, которым кто-то платил за их усердный труд.

Люди на улице стали останавливаться и глядеть на шельмовской танец оборванцев, которые кружили вокруг Орlando, хватая его за полы одежды, повторяя одно и то же слово: «Убийца!» Орlando не пробовал спастись бегством, что было бы

вполне естественным в его положении, так как машина шведа стояла в ста метрах от подъезда. Ему плевали в спину, подставляли подножки, а он шел ровным шагом и ловил себя на мысли, что испытывает неведомое ему до сих пор удовлетворение.

Метрах в десяти от «крошки» шведа он даже остановился и не спеша закурил. Дверцы машины открылись, он сел, осторожно захлопнул дверцу, достаточно осторожно, чтоб не прихлопнуть нос кому-нибудь из карликов, тех, что лезли за ним в машину.

— Преследование? — спросил швед.

— Люмпены, — сказал Орlando. Только тут он увидел, что на заднем сиденье полулежит Анна-Мария. — Люмпены всегда с фашистами. Ты здесь? — это он спросил Анну-Марию.

Она дотронулась пальцами до его лица. Хотела сказать, что она здесь из-за него, и дотронулась двумя пальцами до его лица, до его губ: «Милый».

— Нильсон искал тебя в Доме песни, и я поехала с ним. Ты не рад?

Он был рад. По-своему рад.

— Мой младший брат арестован. Ты знал об этом?

— Да. Он что-то сжег.

— Что ему будет?

— Ничего. К сожалению, ничего. Нет у нас карающей руки, и за это мы поплатимся.

— Ты так сожалеешь об этом?

В отъезжающую машину карлики успели угодить гнилыми фруктами, и по заднему стеклу пошли желтые потеки.

— Хотите, я вас угощу настоящим обедом? — спросил Нильсон. — У меня появились какие-то деньги...

— Да-да! — сказала Анна-Мария.

— Нет-нет, — сказал Орlando.

Он подвинулся поближе к дверце и прислонил голову к стеклу. Ее рука на какое-то мгновение повисла в воздухе, потом упала на спинку сиденья.

— Вы хотели меня видеть, Нильсон, — сказал Орlando. — Появилась какая-нибудь завтрашняя газета?

— Вы в самом деле не голодны?

— Я очень голоден. Я слишком голоден, чтоб есть хороший обед. Что нового у вас, кроме моей жены?

— Дурак, — сказала Анна-Мария по-итальянски. — Дурак.

Швед решил, что ему лучше не вникать в чужие отношения.

— Я хотел сегодня улететь в Мексику, но мне отсоветовали.

— Зря не полетели, — сказал Орlando. — Хорошая страна. Хорошие дешевые обеды.

— Дурак, — Анна-Мария закурила «Кент», и уже первый выдох заполнил кабину голубым, «дорогим» дымом.

— Вчера ночью меня предупредили, чтобы с седьмого по одиннадцатое число я никуда не уезжал — должно произойти что-то важное и интересное.

— Это ты его предупредила? — спросил он Анну-Марию.

Она не ответила. Крутила на пальце кольцо с брильянтом и глядела в окно.

— Нет, это был мужской голос, — сказал швед. Он стойко вел роль человека, не понимающего тонкостей. — Они звонили ночь напролет всем западным журналистам... Это я вам и хотел сказать. — Потом он вспомнил. — В «Нью-Йорк таймс» за понедельник есть заметка, в которой говорится, что ЦРУ заинтересовано в свержении вашего Президента.

— Никогда и не подумал бы, — Орlando хотелось поскандалить. Выбить макушкой окно в дверцах или коленом выдать спидометр.

— Операция по свержению вашего Президента названа «Кентавр». — Швед засмеялся. — Янки умеют называть.

— Да. Они такие. Остановите, — сказал Орlando. — Остановитесь.

Когда машина встала, слегка ударившись бампером о борт тротуара, он сказал:

— Спасибо. — Повернулся вполоборота к Анне-Марии и повторил то же самое: — Спасибо.

Она смотрела куда-то в сторону, и это его взбесило.

Спокойно, Орlando. Когда открыл дверцу, она вдруг крикнула:

— Орlando!

— Я тоже кентавр, — ему свело веко левого глаза, и он чуть помедлил, перед тем как захлопнуть дверцу. — До встречи.

Пошел поперек улицы — небритый, злой, голодный.

Анна-Мария выскочила из машины и закричала:

— Орlando!

Она видела, что он ускорил шаг, и побежала за ним. Догнала и пошла в трех шагах позади него. Вспомнила, что оставила в машине сумочку, думала о том, что и она кентавр. Почему бы и нет? Все мы кентавры. Что в этом плохого? Ты можешь укунить себя за локоть, если ты недовольна тем, что ты есть, но изменить ты можешь только одежду или вероисповедание. «Орlando!»

Это был небольшой дом, отделанный так, как принято в северной провинции. Напротив дома по газону ходили куры.

— К кому вы? — спросил стройный худощавый парень.

— К компаньеро Луису, — сказал Орландо.

— Что ему сказать? — спросил парень. Это, видимо, был охранник. Он неумело улыбнулся. — Моя обязанность сообщать, кто приходит и по какому делу.

— Орландо. Детоубийца Орландо. Вдвоем.

Он имел в виду Анну-Марию.

Парень вдруг узнал его и снова улыбнулся.

Гостиная была побелена. Стоял настоящий деревенский стол, скамейки. На стенах висели шерстяные ковры.

Компаньеро Луис, секретарь коммунистической партии, сенатор, человек, которого боготворила рабочая молодежь и крестьяне Севера, глядел на гостей из-под седых длинных бровей. В его мягком и добром взгляде было нечто старомодное, и говорил он размеренно и спокойно.

— Коммунистическая партия сознает приближение катастрофы. Нас больше всего страшит то, что многое стало неуправляемо и мы плывем по течению, поддаемся враждебным азеиям. Я еще до своей болезни встречался с Президентом и высказал свои опасения. Думаю, что он понимает ситуацию не хуже остальных, но преувеличивает свою собственную роль в возможной разрядке. Трудности наши реальные, и выход нужно искать реальный, а не субъективный. История отрицает авторитеты так же безжалостно, как возносит их временами. Вы улыбнулись? — спросил он Анну-Марию.

— Да, но не вашим словам. Я никогда вас не видела вблизи. Вы так спокойны.

— Я немного простудился и немного постарел. Такова эта весна. — Он ту же закутался в серое пончо. — Четверть моей жизни прошла в тюрьмах. Это приучает к спокойствию.

Орландо выложил на стол четыре страницы, вырванные из справочника «Кто есть кто?».

— Загадка разрешается таким образом, — сказал Орландо. — Взгляните на эти четыре лица и четыре биографии — это новый главнокомандующий и его новые помощники... Пин и адмирал Торибио с шестьдесят пятого по семидесятый год служили вместе в Вашингтоне. Один был военным атташе, другой военно-морским. Командующий ВВС — друг Пина по академии в Бразилии. Мендоса — просто... «детоубийца». Понимаете, почему нужна была провокация с генералом Каталом? Они и без мятежа берут власть в свои руки.

Компаньеро Луис поднес странички к глазам и с каким-то ироническим прищуром стал их разглядывать.

— Вы должны повлиять на Президента, — сказал Орландо. — Только вас он может послушаться. Нужно повременить с новыми

назначениями. Если нельзя избежать самого Пина, ему нужно найти других командующих. Тут возможна любая игра.

— А что мы знаем про других? — вопросом ответил Луис. Положил свою руку на руку Орландо и протяжно закашлялся.

— Компаньеро, — сказал Орландо. — Адмирал Торибио — командир крейсера «Независимость», на котором в прошлом месяце утервали более ста коммунистов.

Кашель прекратился. Компаньеро Луис повимающе посмотрел Орландо в глаза, потом стал наливать кофе Анне-Марии.

— Я попробую. Но не в собственное оправдание будет сказано, дирижерскую палочку он держит в своих руках и к своим президентским правам относится очень ревниво.

Потом сказал:

— Спасибо, что зашли. Как ваша жизнь, Орландо?

— Отлично.

Президенту делали инъекцию магнезии. Он обнажил руку и положил ее на письменный стол локтем вниз. Доктор Карлос перевязал руку ниже плеча красной резиной и стал наполнять шприц.

— Это болезненно? — спросил Президент.

— Да, доктор Президент.

— Я знаю, что магнезия болезненна. Но знаю теоретически. Никогда не испытывал.

— Испытаем, — сказал доктор.

Президент услышал за дверью взбудораженный голос Ангелики.

— Что там, Ангелика? — крикнул он.

Двери прикрыли.

Ангелика была красная от возмущения.

— Орландо, замолчите! — кричала она в трубку. — Вы не имеете права так разговаривать со мной. Вы пользуетесь нашей любовью к вам... Нет, теперь послушайте меня. Вы еще не президент, и не вы распоряжаетесь... Нет, вы не придете сюда. Он неважно себя чувствует, и я не позволю...

Орландо там, в прихожей компаньеро Луиса, скороговоркой бормотал:

— Следующие четыре дня могут быть решающими. У меня есть тревожные сведения... Пусть Каталон останется на своем посту хоть месяц... Потеряли флот, теряем армию... Мы отступаем ежедневно, уже не зная, кто друг, кто враг... Медлительность Отца передается всем, как эстафета... Как и его красноречие...

— Вы не смеете так говорить!..

Президент держал трубку параллельного аппарата и подслушивал.

Услышал голос Ангелики:

— Орландо, вы озлоблены из-за истории, которая на вас обрушилась... и из-за вашей личной неустроенности... Я согласна с вами поговорить и кое-что вам посоветовать...

Орландо положил трубку.

Президент повернулся к столу, и врач заново затянул резиновый шланг. Президент с безразличным взглядом следил, как игла входит в вену. Чувствовал, как густая жидкость расходится по телу. Появилась боль, и он успокоился.

Врач сказал:

— Доктор Президент, если бы мне пришлось сызнова начинать жизнь, я выбрал бы ремесло священника. Клянусь, душа больше ищет целителя, нежели тело.

— Нуждается, — поправил Президент.

— Ищст, — настаивал маленький Карлос. — Искать — это нуждаться сознательно. Есть у вас священник?

— Моя совесть — мой священник, — сказал Президент. — И история.

Боль усиливалась, и Президент невольно застонал. Чтоб отвлечься, глядел на фотографии на стенах. Счастливая послевыборная победная пора. Дети, горячки в шлемах и он сам в шлеме. Он и Фидель Кастро на трибуне стадиона, он и Хо Ши Мин среди девушек-солдаток. Москва, Георгиевский зал. Маленький Чичо — это он сам, шести лет, в белом воротничке. Спросил:

— Кто был? Кто звонил?

Ангелика сказала:

— Один... Один знакомый, — помедлила. — Я была непросительно не права, я сказала ему глупость, гадость. Я это улажу сама, Чичо. Почему ты так смотришь? Мне показалось, что он оскорбляет тебя, и я вспыхнула.

Он поцеловал ее в губы и сказал:

— Я рад, что ты вспыхнула. А этого «одного знакомого» пригласи к нам позавтракать. Завтра у нас бешеный день. Пригласи его послезавтра ПОЗАВТРАКАТЬ. — Повеселел и перестал думать о боли. Господи!

— Откуда у тебя взялась водка?

— Она всегда здесь. Миллион лет.

— Не пей, Орландо, — сказала Анна-Мария.

— Разве я пью? Она здесь миллион лет, и я ее не тронул.

— Сегодня не надо, — попросила она.

— Не буду.

— Тебе хорошо со мной?

— Я не знал никого, кроме тебя, и не могу сравнивать.

— Ты сейчас красиво соврал. В любви, наверное, это главное.

— Главное — это самообман, — сказал он. — Не ложь, а самообман.

— Не слышу тебя, — сказала она. — Будь так. Будь так, — повторила она. — Хочу запомнить тебя... Как скульптуру запоминают... Или запах... Или цвет залива.

— Я люблю твой запах, — сказал он.

— Это Диор.

— Наплевать. Говорю — ТВОЙ ЗАПАХ.

— Ты говоришь правду?

— Нет.

— Скажи «да».

— Да.

— Правда?

— Нет.

— Я дура.

— Я знаю. Помолчи.

Потом он сказал:

— Я давно не был с тобой... Таким свободным. С тех пор. С начала...

— Правда?

Он снова поцеловал ее. Затрещал телефон, и Анна-Мария сказала:

— Не надо. Пусть думают, что мы умерли. Что нас нету. Что похоже на правду.

Они ждали, но кто-то не унимался, и она сама попросила:

— Господи, успокой его... или ее.

Орландо поднял трубку.

— Алло? Да... Что?

Говорил швед Нильсон:

— Прости, старина, Анна-Мария у тебя?

У Орландо пересохло во рту.

— Слушайте, Нильсон, вы наглец. Разве она должна была спросить вашего разрешения перед тем, как прийти ко мне?

Швед Нильсон был пьян и не сразу уловил иронию. Одной рукой он подпирали стену гостиничного номера.

— Нет-нет, — сказал он. — Не обязательно. Она оставила у меня в машине свою сумочку...

— Это не предлог звонить в три часа ночи, старый друг,— кричал в трубку Орlando.

— Ты прав, старик. Ты извини, но в сумке билет на самолет, АЛИТАЛИЯ, на Рим, на завтра. На послезавтра? Я пьян, прости... Я подумал, что на завтра, что она не помнит, где оставила сумочку... В самолете — такая штучка, понял, старик? Она улетает в Италию.

— Прости. Понял. Спасибо. До завтра. Ты большой молодец. Я понял. Всего тебе хорошего...

— Перестань,— сказала Анна-Мария.— Кто там страдает бессонницей? Оставь его.

Орlando в темноте нащупывал рычаг, чтоб положить трубку.

— Иди ко мне,— позвала она.

Он налил в стакан виноградную водку.

— Не пей,— попросила она.— Я хочу, чтоб ты был трезвым и видел меня.

Он выпил.

— Я сказала: не пей.

— Я подумал, ты сказала не то, что думаешь, дорогая. Ведь бывает, что ты не думаешь, что говоришь, и говоришь, что не думаешь. Ведь бывает, что ты женщина?!

— Дурак,— сказала она по-итальянски.— Иди ко мне.

Он закурил и сел на кровать. Когда он затягивался, она видела его глаза.

— У тебя безумные глаза.

— Глаза детоубийцы,— сказал он.

— Перестань. Ты хоть изредка не думай о себе.

— Да, сеньора... какая твоя фамилия по мужу?

— ...

— Анна-Мария... Иногда мне кажется, что ты Анна, иногда — что Мария. Кто ты?

— Ты напился. Я так этого не хотела.

— Скажи, Анна и Мария, если б тогда, два года тому назад, твой муж не застал нас вдвоем на вашей вилле и не бежал так СКОРОПОСТИЖНО, бросив нас, в Италию, мы с тобой, наверное, и не были бы вместе? У-мм?

— ...

— Ум-м?

— Иди ко мне.

Он потушил сигарету и осторожно уткнулся в подушку.

— Ты любишь меня? — спросила она.

— Да.

— Да. Господи, как мне хорошо с тобой. Дорогой мой, единственный, желанный... человек мой... Что это? Ты плачешь?

— Это водка выходит. Не иначе. Поцелуй.

В ночном городе шла перестрелка. «Не хочу жить. Не хочу жить. Не хочу жить». Когда она встала, он не слышал. Одевалась она на кухне. Он проснулся от запаха сигаретного дыма. Слышал, как она надела юбку, потом блузу. Слышал, как села, чтоб надеть ботинок. Один, потом второй. Знал эти звуки, как молитву. Всегда его удивляло постоянство очередности этих шелестов и стуков и скрежетов «молний». Зазвенел телефон, но это прошло мимо его сознания.

Анна-Мария вздрогнула, думала, он встанет, заговорит, но там, в комнате, было тихо по-прежнему. Он приучает себя к тому, что ее нет? Или он врал и она ему ничто? На кухонном столе, как пасьянс, были разложены выданные страницы из «Кто есть кто?». Люди в военной форме выстроены в строгую пирамиду, во главе которой стоит Пин. Анна-Мария написала три-четыре слова на листе бумаги, но тотчас скомкала и бросила в угол. Снова написала и снова скомкала. Потом ушла, тихо закрыв за собой дверь. Прости меня, найдешь женщину лучше меня, моложе, более... Что более?.. Орландо, милый мой!

В президентском дворце царил возбуждение. Парни из группы «друзей Президента» расставляли в Красном салоне телевизоры. По радио передавали песни сопротивления.

Скажи, девушка, почему ты такая грустная,
хотя ты так красива и так молода...

Потому, чужестранец, что я голодна, как мышь в пустыне...

В приемную вошел министр внутренних дел Боа, и Юлия открыла ему дверь в кабинет.

— С праздником,— шепнула она.

Президент разговаривал с компаньеро Луисом. Увидев Боа, они оба раскрыли объятия.

— Не помешаю? — спросил Боа, обнимая Президента.

Немного в стороне стояли Андрес и Аугусто. Аугусто надел наушники и подключился к пульта. Отсюда шла связь с контрольными пунктами марша, разбросанными по всему городу и округу.

— Когда присяга? — спросил Боа.

Президент и компаньеро Луис переглянулись.

— Компаньеро Луис предлагает повременить с присягой,— сказал Президент.

— Вряд ли это удастся,— сказал Боа.— Военные радиостан-

ции уже вчера передали сообщение, что генерал Пин и новые командующие приступили к своим обязанностям.

— Они не имели права приступать или не приступать без присяги и моего приказа, — сказал Президент.

— Вы сами вчера заговорили о присяге, — напомнил Боа. — К слову, хорошие известия: ночью карабинеры разгромили лагерь фашистов у Конкона.

— Не верю приносящим хорошие известия, — сказал компаньеро Луис и взял Боа под руку. — Я шучу. — Закашлялся.

Вошел генерал Пин и щелкнул каблуками. Президент пошел ему навстречу.

— Мой Президент, — сказал генерал Пин, — мы не опоздали? На улицах столько народу, еле можно пробраться.

В открытые двери вошли адмирал Торибио и генералы.

— Нет-нет, вы даже несколько рановато, — сказал Президент, здороваясь с каждым. — Мы решили с присягой повременить.

Генерал Пин не понял формулировку «повременить» или предпочел ее не расслышать.

Люди все прибывали, и в кабинете стало тесно. Клубился дым. Аугусто приподнял наушники и объявил:

— Марш начался.

— Прошу всех в Красный салон, — Президент поднял руку. — Дела потом.

Демонстранты двигались четырьмя колоннами. Первыми пошли студенты и текстильщики. **ЕДИНСТВО. ПРЕЗИДЕНТ. ПОБЕДА.** Над марширующими колыхались флаги с серпом и молотом, многие несли портреты Президента и компаньеро Луиса. Президент сперва сосредоточился на шести экранах, но вскоре стал поглядывать на присутствующих в зале. Генерал Пин один раз уловил его взгляд и одобрительно, может быть, даже удивленно-восторженно развел руками.

По бульварам шествовали горняки и крестьяне кооперативов, а текстильщики уже вышли на Провиденсию. Колонны становились все гуще, чеканные шаги марширующих и возгласы «Ре-фе-рен-дум!» затопили город.

Президент закрыл глаза. Губы его слегка шевелились, и лишь Аугусто, следивший за ним неотступно, понял, что Отец уже готовится к речи.

Орландо и Нильсон стояли на перекрестке Эстадо и Аугусти-нас. Отсюда были видны оба потока марша.

— У Президента сегодня большой день, — сказал Нильсон. — Он положил оппозицию на лопатки. Всех. И парламент тоже.

— Ре-фе-рен-дум! — скандировали марширующие.

На тротуарах кипела своя жизнь. К Нильсону и Орландо подошли двое молодых людей и подсунули им конторскую книгу.

— Сеньоры, мы собираем подписи под требованием, чтобы Президент ушел в отставку, — сказал один из них холеным голосом.

— В отставку или к черту! — нервно воскликнул другой.

— В отставку, — с достоинством поправил его первый. — Подпишите, сеньоры, если вы тоже так считаете... И пусть он катится...

Голос его был еле слышен в рокоте идущей толпы.

— И вы не боитесь в такой день выступать против Президента? — спросил Нильсон.

Парни поняли и захохотали.

— Я иностранец, я не могу подписывать эти бумаги, это ваши дела, — сказал Нильсон.

— Ты иностранец? И ты? — Парень взглянул на Орландо. — Вот таких-то мы прирежем в первый же день! Всех иностранцев и кубинцев!

Он говорил. Он кричал, этот парень с холеным голосом, а мимо шли толпы демонстрантов — тысяча за тысячей. В смелости ему нельзя было отказать. «Прирежем!» Кто прирежет?!

Нильсон выругался по-шведски и похлопал Орландо по плечу.

— Все впереди, — сказал он. — Да! Анна-Мария приходила сегодня утром за сумочкой. Она, оказывается, сама вспомнила о билете и очень удивилась, когда я сказал, что это я звонил тебе ночью и что ты знаешь про билет на Рим... Она не знала, что я звонил ночью? Она едет разводиться?

— Да-да, — сказал Орландо. — Скорее всего разводиться.

Студенты пели песню «Команданте Че Гевара». С балконов и из окон летели листовки. Демонстранты ловили их и, не читая, рвали на куски и бросали под ноги.

— Хотите, — предложил Нильсон, — я угощу настоящим обедом?

— Хочу, — сказал Орландо.

Аугусто раскрыл двери на балкон, и то, что было изображением на экране, стало подлинной, осязаемой реальностью.

— Социализм — Президент — Социализм!..

Президент встал со стула и торжественно показал на балкон, под которым бушевала еще невидимая толпа.

— Членов Совета министров и генералов прошу за мной на балкон!

Аугусто, оставшийся у пульта, видел одновременно ЕГО спину на балконе и ЕГО лицо на телеэкране. Десятки тысяч людей на площади вскинули руки вверх. Цветы, лица, портреты.

— Мы с то-бой...

Добрую минуту Президент стоял молча, вкушая волнуемую сладость триумфа, торжества и борьбы.

Адмирал Торибио за спинами неизвестных ему людей в гражданском мучительно кривил рот в улыбке, казалось, он держит под языком ломтик лимона. Повернулся к командующему ВВС и сказал:

— Такое чувство, что я у столба позора.

Слова его утонули в громе аплодисментов, и смысл их можно было определить скорее по интонации, но командующий ВВС испугался и отвернулся от него.

— Я ухожу отсюда, — уже громче сказал адмирал, и генерал Пин бросил в его сторону укоряющий и молящий взгляд.

Президент поднял руку и нагнулся к микрофону.

— Друзья, товарищи, соотечественники! Я, наверное, очень медлительный по натуре человек, и эта моя медлительность передается другим. Мы не успели вовремя среагировать и пропустили момент, когда реакция начала открытую войну против законного правительства и трудового народа. Однако пришел час наверстать упущенное. Мы честно и недвусмысленно заявляем, что не отступим от своей доктрины и будем бороться до конца за новое, справедливое, социалистическое общество, которое начали строить. Всем известно о войне, которую мне приходится вести вот уже три года с нашим собственным парламентом, который бойкотирует всякий социальный закон и стал оружием в руках буржуазии. В самые ближайшие дни я обнародую призыв к всенародному референдуму по вопросу об ограничении прав парламента!..

Загremели возгласы:

— Ре-фе-рен-дум. ДА!

— Мы переживаем трудное время борьбы и лишений. Я должен признаться, моей ошибкой и ошибкой всех руководящих товарищей было то, что мы не сумели разъяснить рабочим, что социальная революция означает не только достижения, но и трудности. Мы не сумели объяснить, что наша собственная буржуазия и мировой империализм без яростной, беспощадной борьбы не откажутся от своих утерянных привилегий. Буржуазия перешла к открытому фашистскому террору. Она не останавливается ни перед чем. Ее может задержать только сила народа. Как ваш товарищ и Президент я говорю вам, мои сооте-

чественники: мы должны сохранить холодный ум и горячее сердце. Нам необходимо единство, чтобы найти выход из создавшегося положения. Нам необходимо время, чтобы преодолеть наши трудности. Нам необходима борьба, чтобы облегчить жизнь миллионам людей. Нам необходима вера, чтобы быть достойными нашей грядущей победы!..

— ПОБЕДА! ПО-БЕ-ДА! ПО-БЕ...

Президент отвернулся от микрофона и, вытирая губы платком, вполголоса сказал стоящему рядом компаньеро Луису:

— Луис, ты помолодел на глазах лет на десять! Клянусь. Я, наверно, тоже? Нет?

Поднял руку, останавливая народ.

— Женщины и мужчины! Рабочие, студенты и крестьяне! Я С ВАМИ ДО КОНЦА!

Ангелика ему сразу позвонила и поздравила.

— Хорошо говорил. Убедительно. Без выпренности. Спасибо тебе. — Неожиданно вспомнила: — Я была в больнице у твоей сестры! Чудо! Ей стало лучше, как ты и предполагал.

— Я предполагал, что она умрет, — возразил он. — Я рад своей ошибке.

— Ты возвращаешься?

— Да, — сказал он. — Только сейчас я приведу к присяге генералов. («Чичо!») Непременно. Пока они под впечатлением, лучшего момента не дожидаться.

Присутствующие стоя наблюдали за церемонией присяги.

— Я, Клаудио Пин...

— Я, Клаудио Пин...

— ...клянусь быть верным букве и духу Конституции...

— ...клянусь быть верным...

— служить правдой и верой Республике и ее законному Президенту...

— ...служить... ее законному Президенту...

На улицах еще продолжалось торжество и звучали жгучие, щемящие песни.

Генерал Пин приложился щекой к щеке Президента.

— Я Хосе Торибио...

— Я Хосе Торибио...

— ...клянусь быть верным...

— ...клянусь...

В рабочем квартале пришельцы из горных районов танцевали «кареока». Ритмические спиралевидные движения танцующих создавали впечатление воздушной пирамиды. Нильсон и Орlando, уже изрядно подвыпившие, похлопывали в ладоши.

Генерал карабинеров приложился к щеке Президента, и оба вытерли платками губы.

— Я Сэсар Мендоса...

— Я Сэсар Мен...

— Клянусь быть верным...

— Я Сэсар Мендоса, — повторил тот и сам удивился следовавшей паузе. — Клянусь...

— ...быть верным букве и духу Конституции...

Сэсар Мендоса обнял Президента. Это явно нарушало нормы мужского и официального общения, но присутствующие не осудили его за это и дружно зааплодировали.

Орlando вошел в квартиру и впервые не окликнул вслух ту, которую всегда ждал и не дожидался. Открыл холодильник, глотнул прямо из горлышка водки и упал в постель не раздеваясь. На мгновение увидел насильников в капроновых масках и белое девичье тело. Потом все исчезло, и разбудил его звонок телефона.

— Орlando?

— Какого черта? — разозлился он спросонья.

После паузы женский голос сказал:

— Орlando, это говорит Ангелика. Вы спите?..

— Да, да, — он пытался сообразить, почему именно Ангелика.

— Орlando, уже утро. Мы уже сидим с Президентом за столом. Вы забыли? Я приглашала вас на завтрак.

— Наверное, забыл, — удивился он. — Я не помню.

— Может быть, мы встретимся завтра? — сказала Ангелика.

— Может быть. Я запишу на стене. Завтра.

— До свидания, — сказала Ангелика.

— Завтра, — сказал он и положил трубку. — Завтра, Ангелика.

Запомнил и уснул.

Потом его разбудила хозяйка дома. Она позвонила в дверь. Постучала. Снова позвонила.

— Это я, Орlando. Семьора Хименес. Я знаю, что вы дома. Уже обеденная пора, и нечего притворяться спящим. Я пришла

сказать вам, что для вас в моем доме больше места нет. Слышите? Меня замучили угрозами. Вам придется съехать в какое-нибудь другое место. Я завтра вручу вам официальное извещение.

Орландо закурил. Потом встал и придвинул к двери шкаф. Лег и бросил незатушенную сигарету на пол. За стеной или над потолком играли песню. Ему показалось, что он знает эту песню. Может быть, это одна из тех, что записывала Анна-Мария. Потом ему стало все равно.

Был вечер, когда позвонил Нильсон.

— Как себя чувствуешь? Я препарирую тебе. Хочешь, я угощу тебя настоящим ужином?

— Нет, — сказал с трудом Орландо. — Нужно сделать перерыв. Завтра. Нельзя есть все время... есть и есть... Завтра. Или послезавтра.

Зажег свет. Отнес телефон в кухню и запер в холодильник. Взглянул в окно. Улицы были пустынные. Владельцы магазинов бастовали, и решетки над неосвещенными витринами не поднимались уже месяц. Не ходили автобусы. Кто-то привез какой-то груз на велосипеде. Кто-то.

— Завтра пойдем к сестре. В больницу, — сказал Президент.

Она кивнула головой.

— Необходимо съездить на текстильную фабрику. Там всякие конфликты между профсоюзами. Там в основном женщины. Ты поедешь со мной?

Она кивнула:

— Обязательно. — И напомнила: — Ты им обещал льготы по беременности. Они будут спрашивать. Ты должен быть готов к ответу.

— Не время, — сказал он. — Они должны понять. Они поймут, не время...

Она кивнула: «Да. Может быть».

— Ты поедешь в Мексику?

— Позже, — ответила она. — Как-нибудь позже...

— Почему? Как раз сейчас и поезжай.

Вошел Эрнесто, дежурный офицер из группы охраны. Он обычно работал на связи.

— Компаньеро Президент, Фигероа из Бюро по расследованию сообщает: получены сведения, что флот прервал маневры и сегодня в полдень из открытого моря вернулся в порт. Выводов он не делает. Это только информация. Он третий офицер по чину в контрразведке.

— Запросим морского атташе,— сказал Президент и сосредоточился, чтоб забыть, что слышал. Его вернул в реальность голос Ангелики:

— Чичо!

Пришли Аугусто и Хуан Маркес, его политический советник.

— Будем работать? — спросил Маркес.

— Если у вас есть силы,— улыбнулся Президент.

Ангелика предложила английский чай, и все дружно воскликнули:

— О-о!

Часы показывали одиннадцать.

Президент начал без вступлений:

— Подумаем о референдуме. Если мы обкорнаем права парламента как следует, нас обвинят в стремлении к диктатуре... Если мы не воспользуемся референдумом и остановимся на полумерах, нам конец. Диктатуру установят они. Совесть — это чудовищная вещь, угм?

— Вы сегодня правильно сказали,— раскатисто начал Маркес.— «Мы проморгали наш час и дали буржуазии возможность контригры...»

— Я сказал? Не слушайте, что я говорю в дни фиесты... Мы в кольце! Мы окружены чужим парламентом, чужим судом, чужими специалистами, чужой армией и полицией... Я НЕ МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ... Я знающий наши ограниченные возможности. И только.

Губы его были обветрены, и он облизывал их кончиком языка. Лицо стало жестоким, Аугусто подумал — двухмерным.

— Много приходится прикидываться и приbedняться. Это отвратительно. Иногда сам начинаешь смотреть на себя как на марионетку... Власть, которая не опирается на силу, гибнет. Всякая власть. Даже самая просвещенная... Мы не проморгали своего часа, Маркес. Мы не сумели им как следует воспользоваться.

Ангелика развела руками.

— Чичо?!

— Я Чичо... Что Чичо?

Потом он улыбнулся в сторону Аугусто.

— Аугусто, какие у нас прецеденты референдумов?

В международном аэропорту в этот час было безлюдно. На электрическом табло горела единственная надпись: АЛИТАЛИЯ.

Слуга Хуан и братец Сэсар хлопотали с чемоданами. Мама занималась билетами. Анна-Мария курила в телефонной будке. Терпеливо, в сотый раз она набирала номер, не подозревая, что

попадает в холодильник. Телефон мстил ей, она знала, что он мстит ей за прошлое. «Орландо!»

Холодильник был открыт. Когда телефон затрещал, Орландо пил водку. Отпив глотка два, он поставил бутылку рядом с телефонным аппаратом и захлопнул дверцу холодильника, прищепив шнур. Звук стал далекий и обрывистый. «И холодный,— отметил воспаленный мозг.— Телефон должен оставаться холодным. Это как пепси. Будь проклят!»

АЛИТАЛИЯ. Буэнос-Айрес — Рим.

Они поднялись по трапу, и у двери в самолет Анна-Мария пропустила вперед мать. Захлопнулась металлическая ловушка, и лестница укатила прочь.

В салоне первого класса было прохладно и пусто. Анна-Мария села впереди, отдельно от родственников, отдельно от своего прошлого, и пристегнула себя к креслу. Самолет начал подниматься. В первом ряду, кроме нее, сидел джентльмен в сером клетчатом костюме. Он смотрел в окошко, и Анна-Мария сперва заметила только его седой затылок, но, когда принесли сок, мужчина повернулся к проходу, и их руки почти встретились у подноса.

— Генерал Каталон? — воскликнула Анна-Мария. Он был старым другом их дома еще при жизни отца. — Каталон?

— Анна-Мария? — не сразу отозвался Каталон, который рассчитывал, что гражданский костюм и черные очки хотя бы частично скрывают его облик. — Вы одна?

— Там мама и брат, — она пальцем неопределенно показала на задние сиденья. — Вы хотите поздороваться?

— Нет, нет! Пусть! — сказал он, доставая плед. — Не будем мешать. Поспим. — И отвернулся к окну.

Разговор был окончен.

В библиотеку без стука вошел Эрнесто и подождал, пока на него обратят внимание.

— Да, Эрнесто, — сказал Президент.

— Звонок из Сан-Фелипе. Незвестный сообщает, что в сторону столицы передвигаются войска южного округа.

— Соедини с генералом Бради.

— Нас прервали... говори, — это относилось к Маркесу.

Однако Маркесу договорить не было суждено. Зазвенел телефон.

— Начальник гарнизона генерал Бради слушает.

— Это я, — сказал Президент. — Есть сведения, что со стороны Сан-Фелипе в сторону столицы движутся войска. Чем это объяснить?

— Я не в курсе дела. Выясню и сейчас же доложу.

— Я вас разбудил?

— Нет, Президент, я еще не спал.

Никто не спал в генеральном штабе. В кабинете генерала Пина собрались все действующие лица и безмолвствовали, как актеры в своей уборной перед выходом на сцену.

Генерал Пин — глава хунты.

Генерал Лобос, командующий ВВС, — член хунты.

Генерал Мендоса, командующий корпусом карабинеров, — член хунты.

Генерал ВВС фон Шовен.

Генерал Бради, начальник гарнизона, который только что положил трубку.

На стене висел портрет Президента с трехцветной лентой поперек груди.

Генерал Бради пересек комнату и снова взялся за рычаг.

— Говорит генерал Бради. Передайте Президенту, что слухи ложные и в гарнизоне царит спокойствие. Всю ответственность я беру на себя.

Эрнесто не успел положить трубку, как женский голос из центральной сказал:

— Вас вновь просит Сан-Фелипе.

В трубке некоторое время слышались только треск и невнятные гудки. Потом послышался нервный мужской голос:

— Это снова я... из Сан-Фелипе. Вы что-нибудь предприняли?

— Кто это говорит? — спросил Президент.

— Мы как-нибудь в другой раз с тобой познакомимся, па-рень, — сказал голос. — Боевые машины и грузовики с солдатами идут на столицу. Это движется вторая бригада морской пехоты. Хочешь послушать, как это звучит?

В трубке и в самом деле послышался гул моторов.

Человек стоял, высунув в окно телефонную трубку, а проходящие машины фарами освещали его лицо.

— Откуда я знаю, — спросил он, — что это вторая бригада? Я их знаю в лицо. Что? Понятия не имею, где я нахожусь, — сказал человек в трубку и закрыл окно. — Это какая-то деревушка в десяти километрах от Сан-Фелипе. Я говорю с поста карабинеров, если это тебе интересно. Что карабинеры делают? Они ничего не делают. Они связаны и сидят на полу. Мое имя? Анибал Наварро, если тебе не претит это имя... Ты все понял, дитя покоя? Танки идут! Ах, черт!..

Кроме Анибала, тут было еще пятеро, не считая карабинеров на полу. Кто-то снаружи властно бил прикладом в двери.

— Эй, откройте! Вымерли вы, что ли?

Один из карабинеров пошевелился, и Анибал погрозил ему пальцем.

— Не надо,— сказал он шепотом.— Умереть ты еще успеешь, дружок... Война только начинается. Еще найдешь случай отличиться... Да-а-а!

Стук прекратился, его сменила ругань, и наконец все поглотил шум гусениц. Шли танки. В трубку слышались частые гудки.

Анибал попросил центральную.

— Девушка, соедините еще раз...

Судьба завела Анибала в дом, где когда-то, может, тысячу лет тому назад, Орlando допрашивал Висенте, бедного Висенте-сифилитика, которого потом убил вот этот, на полу сидящий индеец-метис.

Девушка из центральной испуганно объявила:

— Сеньор, связь со столицей повреждена.

Он сказал:

— Иди спать, Ангелика. Не мучайся.

Она покачала головой.

— Я не усну. Я не мучаюсь. Мне даже нравится, как вы все это делаете.

— Тебе нравится? — Он повеселел.— Мне — нет.

В комнате, кроме Эрнесто, появился еще один офицер постоянной охраны — Адольфо.

— Нельзя показать страх,— ворчал Президент.— Собака гонится за бегущим... Некому звонить. Интересная ловушка. Что Каталон? — спросил у Аугусто.

— Телефон генерала Каталона не отвечает.

— Соедини с генералом карабинеров Палмой,— обратился Президент к Эрнесто.

— Имеем ли мы право звонить ему через голову его начальника Мендосы? — напомнил Аугусто.— Его просто уволят за этот разговор.

— Дайте генерала Палму, — повторил Президент. — И найдите Каталона. Он был бы сейчас очень кстати... Я вас разбудил?

— Кто это? Да, Президент... Я еще не сплю.— Генерал Палма сидел в кровати и ладонью потирал лоб.

— Я нигде не могу найти генерала Мендосу,— соврал Прези-

дент и подмигнул Ангелике.— Ходят слухи о передвижении войск со стороны Сан-Фелипе. Вы в курсе дела?

— Нет, Президент. Слово офицера.— Он стал шарить на ночном столике в поисках сигареты.

— Я верю вам. Вы можете на свою ответственность принять особые меры предосторожности?

Возникла пауза. Последовавший ответ был более чем неопределенный:

— Я постараюсь выяснить.

— Я не прошу выяснить,— нахмурился Президент.— Я прошу принять меры...

— Я постараюсь выяснить,— последовал механический ответ, и связь прервалась.

— Он боится, что его телефон подслушивается,— сказал Маркес.

— Так вы совсем и не поработали? — заявила Ангелика.

— Этот шизофреник из Сан-Фелипе закрутил всех,— извинился Эрнесто.

Замолчали и, замороженные, смотрели на расставленные по комнате телефонные аппараты. Был час двадцать ночи. Начался вторник.

В динамике послышался голос дежурного:

— Офицер карабинеров от генерала Палмы к компаньеро Президенту.

Вошел капитан-карабинер.

— Я от генерала Палмы.

Замолк. Может быть, не ожидал встретить здесь столько народу.

— Генерал спрашивает, не хочет ли компаньеро Президент отдать какой-нибудь СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ?

— Специальный? — Был слишком поздний час, чтоб сообразить на лету, но постепенно для Президента стал проясняться скрытый смысл этих слов, и он испугался.— Идите за мной,— сказал он и увел офицера в кабинет.

Эрнесто, Адольфо и Маркес перезванивали тем, кого считали своими, и кратко сообщали положение. Однако каждый из них кончал фразой «Это не проверено» или «Это пока только слухи».

Через несколько минут появился Президент и проводил карабинера до выхода.

— Ты отдал специальный приказ? — спросила Ангелика.

— Нет.

Он еще не мог прийти в себя. Глядел на друзей, ведя внутренний диалог с каждым из них, словно проверяя, как они поступили бы на его месте.

— Что значит «специальный приказ»? — спросил Маркес, и Президенту послышалось, что его осуждают.

— Он сказал, — Президент помедлил, подбирая слова более ясные, чем те, что услышал сам, — генерал Палма просил передать, что сию минуту у него под командованием две тысячи карabinеров... Нет ли у меня специальных пожеланий... Арестовать кого-нибудь, если у меня возникли подозрения... Главарей оппозиции или кого-нибудь другого... Может быть, он имел в виду своего шефа Мендосу? Взорвать что-нибудь, обезглавить... Напасть на кого-нибудь, убить... Словом, сделать переворот. Само-переворот.

Стало еще тише, и тишина тоже прозвучала укором. Он глядел каждому в глаза и начал злиться.

— Кого я должен был убить в эту ночь? — закричал он.

— Никого, — последила Ангелика.

— Я сказал, что жду его завтра утром во дворце, и, если будут известны факты нарушения законности, его помощь будет кстати.

Встал недовольный и повернулся к двери. Вдруг изменился и мягким, обычным голосом сказал:

— Прошу быть готовыми к семи тридцати.

Пропустил Ангелику в дверь и ушел.

Аугусто сказал Маркесу:

— Ложись, ты измучился вчера ночью. Я посижу у телефона. — Ухмыльнулся. — Заодно напишу завещание.

— Тебе есть что завещать?

— Оно чисто лирического характера. Специального характера.

Это было шуткой. Он решил бодрствовать.

Пассажиры первого класса спали, когда второй пилот вошел в салон.

— Через полчаса приземляемся в Буэнос-Айресе.

Первым проснулся Каталон и напялил черные очки.

— Сеньоры, — сказал второй пилот, — если кому-нибудь интересно... Незвестная радиостанция только что передала сообщение: восстал военно-морской флот, требуя отставки Президента. Сообщается, что флот поддерживают и другие рода войск.

Анна-Мария раскрыла глаза.

— Что? — сказал Каталон.

— Восстал флот, — повторил пилот.

На задних сиденьях заплотировали. Это был Сесар Наварро. Хлопал высоко поднятыми руками, как в танце.

Каталон усталился на Анну-Марию, и она впервые подумала, что он тоже беглец.

Зажглось табло: «Пристегните ремни. Не курите».

Генерал Каталон встал и направился в туалет. Самолет качнуло, и Анне-Марии стало нехорошо. Потом послышался выстрел. Из кабины пилота вышел бортмеханик и вопрошающе оглядел салон. Двери туалета раскрылись под тяжестью тела, и оттуда вывалился генерал Каталон с разможенным виском.

— Он застрелился! — закричала сеньора Наварро. — Господи, мы упадем! Он прострелил самолет!

Бортмеханик высунулся из туалета.

— Ничего опасного, сеньоры. Нет причины для волнений. Тело мы сейчас уберем. Просьба до посадки этим туалетом не пользоваться.

Анна-Мария вспомнила живых, перекрестилась и зарыдала.

Зазвенел будильник, и Орlando нажал на рычаг. Рядом с будильником висела бумажка: «8.30 — завтрак у Президента». Орlando брilsя, что-то насвистывая. Хотел быть веселым. Часы показывали семь часов.

Президент открыл глаза. Стучались в двери спальни. Проснулась испуганная Ангелика.

— Отец! — послышался за дверьми голос Эрнесто. — Звонит генерал Палма. На флоте мятеж... Компаньеро Президент!

— Я слышал, — спокойно, вполголоса ответил Президент. — Дай сигнал тревоги... Соединитесь с генералом Пином и всеми командующими.

— Что это значит — мятеж на флоте? — спросила Ангелика.

— Еще не знаю. — Он сбросил с себя одеяло.

Встал. Подумал, что даже сейчас остается медлительным. Сказал:

— Позвони дочерям. Не пугай. Но пусть будут готовы к худшему.

— А я? — спросила она. — А я?

— Я тебе позвоню.

В глубине дома завывала сирена. Ее звук был похож на сигнал «скорой помощи», и Президент на мгновение вновь почувствовал себя врачом, которого вызывают к больному.

Быстрым шагом вышел в холл.

— Ни генерал Пин, ни командующие родами войск не отвечают, — сказал Маркес.

Рядом с пультом дежурного спал Аугусто. На коленях лежал автомат Калашникова.

— Где мой автомат? — вспомнил Президент.

— В вашей машине, Отец, — сказал Эрнесто.

Автомат лежал на заднем сиденье. Президент сел между Эрнесто и Томи и ваял автомат на коленях. На автомате была пластиночка с дарственной надписью Фиделя Кастро: «Моему соратнику».

В 7.50 кортеж президента из пяти «фиатов» с двадцатью четырьмя охранниками и фургона с оружием прибыл ко дворцу. Площадь была пуста, на своих постах прогуливались восемь карабинеров, ни больше ни меньше. Никаких признаков тревоги. Увидев Президента, стража отдала честь.

— Черт побери, — сказал Аугусто, обращаясь к Маркесу, — удивительное утро.

— Да, — сказал Маркес. — Уже сентябрь.

Они последними вошли во дворец, все оглядываясь назад, на площадь, ступить на которую им больше не было суждено, на встающее за гостиницей «Каррера» солнце.

— Черт побери, — на лестнице повторил Аугусто. — Хорошо!

Президент вошел в приемную. Уборщики воялись с пылесосом.

— Работайте, — сказал Президент. — Вы нам не мешаете.

Пошел в Красный салон.

— Все собрались? — спросил тихо.

Слово «все» ничего не обозначало. Скользнул взглядом по лицам и, кажется, успокоился.

— Друзья, возможна попытка военного переворота. Флот, как вы знаете, поднял мятеж... Будем бороться, Аугусто! («Да..») Предупредите все наши радиостанции. Через десять минут выступлю с обращением к народу. — Аугусто сразу ушел. — Эрнесто! Звоните генералу Палме. Напомните, что «специальный приказ» состоял в том, чтобы утром он находился здесь. И второе: разыщите генерала Пина и его командующих родами войск. Где они, молчаливники, притаились? Мы должны знать, на каком свете мы находимся. Иди... Патрисιο! — Это относилось к офицеру охраны, постоянно дежурившему во дворце. — Патрисιο, поставь людей на подходе к кабинету и к этому салону. Не пропускать сюда ни одного вооруженного человека. Не надо искушать врагов... Маркес, попроси кого-нибудь на помощь и перезвони нашим... Кто может, пусть идет ко дворцу.

— Генерал Палма уже в дороге, — доложил Эрнесто. —
Остальные не отвечают.

— Пре-да-те-ли! — Президент ставил ударение на каждый слог.

Ничего нового и неожиданного не произошло. Больше того, он знал и чувал своим нутром, что так оно и обернется, и в то же время словом «предатели» подвел черту. Старался сосредоточиться.

— Маркес...

— Да. — Он еще был здесь.

— Нужно мобилизовать рабочий класс. Нужно за-щи-тить...
Республику. Слышишь?

— Я слышу.

Маркес ушел.

— Эрнесто! Вызовите карабинеров из резерва управления...
Солдат из охраны министерства внутренних дел.

— Эфир готов! — крикнул Аугусто из приемной. Он волновался.

Президент смотрел в окно. Видел, как перед подъездом остановился автобус с карабинерами.

— Эфир готов, — как эхо, повторил Эрнесто.

Микрофоны поставили на стол красного дерева, за которым Президент иногда обедал в кругу близких друзей и помощников.

— Можно начинать? — спросил Аугусто.

— Да.

Орландо подстригал усы.

— Алло, Орландо?!

— Да, сеньора Ангелика. Разве я опаздываю на завтрак?
Еще только восемь часов, я уже почти готов.

— Что вы делаете, Орландо?

— Я подстригаю усы.

— О-о, — она застонала.

— Что?

— Включите радио.

— У меня нет радио.

— Мятаж. Слышите, ОН говорит?

Она поставила трубку к приемнику.

— «... мы находимся перед лицом предательства и измены. Только решимость всех социалистов, коммунистов и либералов может остановить опасность, надвигающуюся на Республику...»

— Орландо, он один. Нужна помощь, Орландо! Откуда ее взять?

— Простите, — пробормотал Орландо и бросил трубку.

Орландо сбегал по лестнице вниз и наткнулся в подъезде на Нильсона. Точнее, Нильсон налетел на него и чуть не сшиб с ног. Молча побежали к машине.

— Не надеялся вас найти, — сказал Нильсон.

— Включите радио.

— «...Учитывая чрезвычайно серьезный экономический, социальный и моральный кризис, подрывающий страну, а также неспособность нынешнего правительства принять меры, чтобы остановить дальнейшее разрастание хаоса и неизбежное вовлечение народа в гражданскую войну, вооруженные силы и корпус карабинеров заявляют: первое — Президент Республики должен немедленно передать свои высокие полномочия вооруженным силам. Второе — вооруженные силы едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига, за восстановление порядка и конституционного правления...»

В конце улицы Эстадо машину остановил военный патруль. Орландо приглушил радио.

— Куда? — спросил офицер.

— Полиция, — Орландо показал свой старый мандат.

— Куда, спрашиваю?

— Отвечаю: полиция. А коллега, — показал он на Нильсона, — гражданин Соединенных Штатов.

Проехали.

— Простите, Нильсон, — буркнул Орландо, — но он не знает, где эта ваша Швеция находится.

— «... население столицы должно оставаться в своих домах во избежание гибели неповинных людей...»

Машина заехала на тротуар у бокового входа во дворец.

— Я пойду с вами, — сказал Нильсон.

Машину Ангелики остановили на улице Театинос.

— Нет проезда, — сказал сержант.

— Взгляните на меня получше, — сказала жена Президента. — Не стесняйтесь. У вас нет впечатления, что вы мое лицо где-то видели?

Радио тем временем передавало:

— «Все население должно воздержаться от всякого рода

демонстраций, даже в поддержку хунты. Декларацию подписали — генерал Пин, глава хунты...»

— Проезжайте, сеньора, — сказал сержант и откозырял.

— «...Адмирал Торибьо, командующий ВМС...»

Ангелика нажала на педаль, и машина с ревом рванулась ко дворцу.

— «...генерал Лобос, командующий ВВС, генерал Мендоса, командующий корпусом карабинеров...»

Люди поднимались и опускались по лестницам, озабоченно повторяя им одним понятные обрывки фраз, закрывали и открывали двери и что-то переносили с места на место. За всем этим, наверное, скрывалось сознательное и разумное, но внешне все это было похоже на муравейник перед грозой.

И лишь на подступах к президентскому флигелю ощущение хаоса становилось меньше, люди здесь были молчаливее. Начиная с галереи Президентов, где стоял первый вооруженный охранник, за каждым входящим и выходящим непрестанно наблюдал глаз «друзей Президента».

Генерала карабинеров Палму и сопровождающих его офицеров остановил Рамон.

— Я вас слушаю, — сказал он, и это прозвучало как «стой!».

— Генерал Палма, — представился тот. Понимал, что его должны знать в лицо, но не желал терять времени на выяснение отношений. — К Президенту, по вызову.

— Оставьте оружие.

Генерал и офицеры выложили пистолеты на инкрустированный староспанский столик.

— Тони! — крикнул Рамон. — Генерал и офицеры к Президенту.

Министерство вооруженных сил и Верховный штаб находились в трехстах метрах от дворца, и между ними обычно поддерживалась пультовая связь.

Зажглась лампочка, и Аугусто услышал размеренный голос, тембром напоминающий голос механической установки.

— Генерал фон Шовен, начальник штаба ВВС, просит на связь господина Президента.

В комнату как раз входил Палма с тремя офицерами. Лицо Президента просветлело, но он тотчас же устыдился этого, нахмурился, кивнул Аугусто.

— Президент слушает, — сказал Аугусто в динамик.

— Говорит генерал фон Шовен по поручению главы хунты

генерала Пина. Вам, господин Президент, гарантируется неприкосновенность личности. Вам и вашей семье. На базе ВВС вас ждет заправленный самолет, который отвезет вас в любую вами названную страну. Офицерское честное слово генерала Пина.

Президент наклонился к динамику и не без удовольствия сказал:

— Честное слово предателя — недостаточная гарантия даже в нашей стране, где лицемерие и измена стали второй профессией, — вдохнул воздух и, глядя на Аугусто, потом на Палму, продолжал: — Передайте генералу Пину, что Президент Респуб-лики не намерен спастись бегством ни под каким предлогом. Я буду выполнять свои обязанности и свой долг, чего и вам желаю, генерал.

Выпрямился и кивнул Аугусто: отключись. Шагнул к карабинерам.

— Карабинеры, верная защита Президента, что скажете доброго? Почему у вас такие несчастные лица? Что вы, генерал Палма, скажете мне сегодня?

Палма только покачал головой: «Поздно».

— Никогда не поздно оказаться солдатом и мужчиной, — усмехнулся Президент. Говорил резко и быстро, экономя время.

— Мятежники заняли центр радиосвязи корпуса карабинеров, — сказал Палма. — Там сейчас самолично генерал Мендоса. Он приказал присоединиться к армии. Если ночью у меня еще было две тысячи человек, то сейчас... к сожалению...

— Я понял. Спасибо вам за службу, и прощайте. — Подал руку. — И не смотрите на меня укоризненным взглядом. Если бы снова настал вчерашний день и мне пришлось бы решать «специальный вопрос», ответ был бы таким же. Если бы я мог нарушить закон и изменить самому себе, я это сделал бы не вчера вечером, а лет сорок тому назад. Прощайте, — Президент глядел ему вслед и говорил все быстрее: — Офицеры! Я остаюсь во дворце. Вы вольны поступать так, как подсказывает вам совесть. Нас здесь тридцать человек охраны, двадцать сотрудников и около пятидесяти карабинеров караула. Вы единственные кадровые офицеры среди нас. Спрашиваю каждого в отдельности: капитан, вы готовы защищать Конституцию и законное правительство? Да или нет? Молчите? Спасибо. Вы, лейтенант? («Нет..») Спасибо. Вы, капитан? (Это уже к третьему офицеру.)

— Нет, Президент! — капитан был молод, с волевым лицом и, очевидно, возлагал надежды на свое служебное буду-

щее. Говорил громко и даже несколько заносчиво. — Я получил приказ вывести из дворца караулы и намерен это выполнить.

— Хотите сказать, что вы уведете и эту горстку солдат, которым я смотрел в лицо в течение трех лет и каждого знаю по имени?

— Да, Президент!

Президента трудно было удивить. Он кивнул головой. Правильно. Первый офицер, к которому обратился Президент, вдруг побледнел и дрожащим от волнения голосом сказал:

— Разрешите остаться с вами, компаньеро Президент?

— Нет, — отрезал Президент не раздумывая. — Вы смелодушничали и теперь должны уйти. Будете плохим примером для остальных. Прощайте. Тони, — обратился он к охраннику. — Оружие, которое у них отняли при входе, не возвращать.

Офицеры щелкнули каблуками и ушли, оставив за собой открытую дверь. В проеме показался Орlando. Был свежий, выспавшийся, побритый, красивый, готовый к завтраку.

— Я здесь, Отец. Вы говорили, что дадите мне работу, что предполагаете холеру или чуму... Словом, эпидемию... Я здесь.

Они обнялись и вдруг оба чрезмерно растрогались. Велико было напряжение.

— Эфир готов, — отвлек их Аугусто.

— Орlando, — вполголоса, непривычной для себя скороговоркой заговорил Президент. — Ты знаешь этот дом лучше всех. Проверь. Готовься. Собери оружие и людей. В подвале оружейный склад карабинеров. Не дать им ничего унести... Людей поубавилось? («Нет».) Чей это голос?

Остановился Орlando и заглянул в приемную. Адольфо у окна пристраивал крупнокалиберный пулемет. Юлия перезванивала по телефону. Он уловил несколько раз повторенное: «Скорей, скорей». Прямо на ее столе Маркес заряжал обоймы автомата патронами. Но он слышал ЕЕ голос. Он не мог ошибиться. Ибо для него не было во всем мире другого такого голоса.

— Ангелика!

Она сидела на стуле по ту сторону дверей его кабинета, поставив на колени телефон. Она высунула голову и помахала рукой.

— Я говорю с Сильвией, — крикнула она. — Только сейчас ее нашла. Она хочет сюда приехать. Но я пытаюсь внушить ей, что беременную ее сюда никто не пропустит.

— Почему ты здесь? — резко спросил он.

— Не раздражайся, Чичо, — тихо сказала Ангелика и раскрыла губы, как для поцелуя. — Я не пришла мешать тебе. Считай, что меня здесь нет... Чичо, я успела поговорить с больницей. Твоей сестре стало немного лучше, и врач сказал, что появилась надежда.

Аугусто торопил знаками, и Президент закрыл дверь.

— Работают на эфир только две радиостанции. Я слышу в наушниках стрельбу. Надо спешить, Отец.

Он подставил Президенту стул, но тот схватил микрофон в правую руку и закрыл глаза, давая понять, что он готов. Начали!

— Соотечественники! Измена стала фактом. И вы и я с этого момента подвергаемся одинаковой опасности. Страна прошла долгий путь компромиссов. Еще до вчерашнего вечера мы делали все возможное, чтобы избежать гражданской войны. Но меч поднят над нами, и выбора нет. Я столько раз клялся в верности народу, что отступать у меня сегодня нет права, нет сил. Я не подам в отставку, я не сделаю этого. Я буду бороться против мятежников любыми средствами. Соотечественники! Речь идет не о смене одного президента другим, а о замене социализма и демократии фашизмом!

В обе двери дворца, которыми обычно пользовались служащие президентуры и министерства внутренних дел, выходили люди, выходили поспешно, опустив голову, стыдясь тех, которые оставались, и тех, кто поджидал их снаружи. На площади фланжировали иностранные журналисты и несколько десятков любопытствующих. На близлежащей улице появились грузовики с солдатами, однако они так и не доехали до площади, остановившись в прохладной тени министерства обороны.

Дворец опустел. Уходили последние из тех, кто решил не оставаться. Орlando и Рамон с галереи президентов наблюдали, как во внутреннем дворце капитан карабинеров собирал караул.

— Ты предупредил его, чтобы не трогали склад? — спросил Орlando.

— Да. Там Эрнесто.

Патрисно и трое охранников по винтовой лестнице поднимали оружие. Орlando знаком показал на бюсты президентов, и они поставили ручной пулемет и два ящика с амуницией у подножия пьедестала. Появился Нильсон. Орlando не видел его с момента прохода во дворец.

— Ты здесь? — рассеянно спросил Орlando. Он наблюдал

за карабинерами. Те уже дважды собирались покидать дворец, но не уходили и топтались в нижнем вестибюле. Было похоже, что они чего-то недосчитываются: то ли людей, то ли оружия.

— Две ваши радиостанции заняты мятежниками, — сказал Нильсон. — Работает лишь «Магальянес».

Во дворец ворвались семь человек. Впереди бежал Фигероа из Бюро расследования. Все они были испачканы известью, задорно-веселые, как мальчишки после удачной проделки.

— Орlando!

— Фигероа! — обрадовался Орlando.

— Мы пробирались дворами и крышами! — Счастливый Фигероа показывал грязные локти и колени. Увидел карабинов и замялся.

Орlando указал ему наверх: «Поднимайся».

— Где Андрес? — спросил Фигероа.

— Нет его. Ушел, — Орlando развел руками. — Кто мог подумать? Угм?

Заговорил динамик путевой связи.

— Генерал Пин хочет говорить с Президентом, — было похоже, что это голос генерала Брани.

— Пусть подождет, — сказал Президент. Он глядел в окно. Видел какие-то фигуры на крышах соседних домов. Кто были эти люди, не мог разглядеть.

— С армией все ясно, — сказал он. — На раскол между ними надеяться не приходится... Нужно отправить женщин, — вспомнил Президент. — Что хочет наш генерал Пин? Давай его сюда... Женщин пора отправлять.

— Президент слушает, — объявил Аугусто.

— Президент, мои гарантии еще в силе, — без вступлений начал генерал. — Вас ждет самолет. Это предлагается вам в последний раз.

— Нет, генерал. Вы со мной в дурачка не сыграете! — Президент пальцем погрозил в динамик. — Пин, я выслушал ваш манифест по радио, и я вас понял. Вы, Пин, метите в мессию, в спасителя нации, и для этого вам нужно мое бегство. А я вас заставляю раздеться здесь, на площади Конституции, как последнюю потаскуху, как продажную шлюху, и показаться во всей наготе своей измены, трусости, низости перед всем народом и перед всей Америкой! Пин, твое имя станет синонимом Иуды! В этом моя победа над вами. Мы будем защищаться до последнего, и вам придется опозориться, нет у вас выхода, Пин, вы в ловушке! Начинайте стрелять!.. ОТКЛЮЧАЙ!

— Через пятнадцать минут я...

— Отключай!..

Аугусто отключил, откинулся назад в кресле и беззвучно захохотал. Президент надел каску немного набок, как шляпу, взял в руку автомат.

— Прекрати, — сказал он Аугусто, который задыхался от смеха. — Истерия не дает положительных эмоций.

Вышел на галерею. Внизу к выходу проходили карабинеры. Президент покачал головой и крикнул:

— Прощайте, моя гвардия!

В голосе его звучали ирония и горечь. К нему шагнул Нильсон и сказал:

— Разрешите спросить, пока позволяет время. Я швед, журналист, друг Орlando. Вопрос: как вы представляете себе свое будущее?

— На это я вам отвечу завтра утром, — без промедления ответил Президент.

Орlando сказал:

— Посторонитесь, Отец.

Тот его не расслышал.

Нильсон спросил:

— Думаю, что быть облеченным властью — это тяжелое бремя. У вас не возникло желание сбросить с плеч эту ношу и стать свободным человеком?

— Посторонитесь, Отец, — повторил Орlando.

Тот услышал и механически сделал шаг в глубину галереи. Нильсон отвлекал его, необходимость отвечать разрядила внутреннюю напряженность, и Президент хотел этим воспользоваться.

— Когда мне было восемь лет, — Президент взял Нильсона за локоть, — мой дядя, мэр города, привел меня сюда показать дворец. Мы поднимались вот по этой лестнице. — Президент снова шагнул к балюстраде, — и я, мальчишка, вдруг уперся и стал кричать, что не хочу во дворец. Мой дядя спросил: «Почему ты не хочешь во дворец? Ты не хочешь быть президентом?» — «Нет, — кричал я, — не хочу президентом, хочу быть погонщиком скота!»

Нильсон не успел рассмеяться. Часть карабинеров уже ушла, но некоторые еще толпились у парадной двери. Двое из них вскинули винтовки вверх и направили дула на Президента. Однако Рамон, Тони, Фигероа и Орlando оказались проворнее. Стреляя из автоматов, они в мгновение сомкнулись вокруг Президента. Нужно отдать должное Нильсону — после первого выстрела швед заслонил Президента своими ста двадцатью килограммами.

Карабинеры, оставив внизу три трупа, стали спасаться бег-

ством, скрываясь за стоящими на площади автомобилями. Они боялись, что их перестреляют из окон. Патрисию и Тони отбросили в сторону убитых и заперли дверь.

— Да, — прищурился Отец. — Это могло означать — начало положено. Начало чему?

На галерее показались женщины. Первой была Ангелика. Она не сказала ни слова и держалась немного в стороне. Президент понял ее тактику. Тридцать пять лет вместе — срок для этого достаточный.

— Всех гражданских сотрудников и женщин прошу собраться в зале охраны, — сказал он. — Немедленно.

В это время слышались выстрелы, и в кабинете Президента полетели оконные стекла.

— Прощу в зал охраны, — вторично, уже в полный голос крикнул Президент. Он не любил повторять дважды, если наконец принимал решение.

Орландо и Эрнесто наблюдали за площадью из Красного салона. По площади цепью двигались морские пехотинцы. Все ближе и ближе. Вот они остановились по команде и выпустили несколько коротких очередей по второму этажу. Вошел Президент и встал за спиной Рамона.

У соседнего окна стоял Патрисию. Его выстрел должен был стать сигналом для остальных.

— Рамон, — спросил Патрисию, — не пора?

Рамон взглянул на Орландо. Тот не решался сказать ни да, ни нет. Тактические уловки ему были неведомы. Как и во всем, приходилось полагаться на интуицию.

— Пли, Патрисию! — сказал Президент уверенным голосом.

Из всех окон затрещали автоматы, и над площадью веером поднялась каменная пыль. Часть солдат ринулась вперед, часть залегла. Те, что рванулись вперед, очутились на голом месте и тут же дрогнули, побежали назад, увлекая за собой остальных. Наконец все сгрудились за гранитным парапетом, отделяющим проезжую часть площади от газонов, и стали беспорядочно палить по дворцу. Потом затихли. В открытые окна доносилась солдатская брань, в которой то и дело повторялось: «Марксистские собаки!» Атака была отбита. Даже не верилось.

— Первая маленькая победа нашей революции, — сказал Президент. — Все складывается из песчинок. Песчинка к песчинке. Рамон, Орландо, вы служили в армии?

— Нет...

— Это видно по вашему коллегияльному руководству. Впредь командовать буду я. Вы иронизируете, Орландо?

Он печально улыбнулся.

— Друзья, вы тоже считаете меня таким сугубо штатским и ожиревшим интеллигентом? Я был отменным стрелком в армии... и чемпионом по пятиборью. Плохо вы знаете биографию вашего Президента.

Пошел в зал охраны. Войдя, снял каску, видимо, она его стесняла.

— Бой начался, — сказал он. — Во дворце останутся только те, кто может его защищать. Женщин и тех, у кого нет оружия или кто не умеет им пользоваться, прошу немедленно покинуть дворец.

— Нет! Не-ет!..

Это закричали женщины.

— Да. — Он был тверд. — Здесь ваше пребывание бессмысленно.

— Нет, — снова раздалось несколько голосов.

Ангелика молчала.

— Вы должны уйти, чтобы мы могли в ближайшие часы не думать о вас. Вы должны уйти, потому что будете нужны для борьбы там... ТАМ... Вы должны уйти, потому что так надо...

— Они могут взять нас заложницами, чтобы оказать давление на тебя, — сказала Ангелика. Она считала это своим козырем.

Президент ответил резко и быстро:

— Могут. Даже если они вас убьют, мы не сдадимся.

Кажется, это произвело впечатление, и Президент продолжал:

— Маркес, сдай автомат и уходи.

— Президент?! — тот подумал, что ослышался.

— Я решил. Ты уйдешь. Ты знаешь почему. И не спорь. — Показал пальцем на Нильсона. — Вы уходите, не так ли?

— Я никогда в жизни не стрелял. Я презираю это занятие, — сказал швед.

— Моралес, — теперь он обратился к худому человечку в очках. — Ты отличный экономист и никудышный, думаю, солдат.

— Почему?

— Ты слепой, черт побери, — обнял его за плечи. — Ты уйдешь обязательно. И ты, Хайме... — Перечислил еще шесть фамилий. — При первой же возможности без разговоров вы все покидаете дворец. Это приказ.

— Уходить уже поздно, — пискнул вдруг Моралес. — Пошли танки.

Танки въехали на площадь и устали дулами на дворец. Четыре танка. Из пулемета, установленного на танке, что был на углу Морандо, начали стрелять по окнам кабинета Президента. Там находился Хосе с пулеметом «30». Он устроил маленькую дуэль с «шерманом», потом оба замолчали. Было видно, как за оградой засуетились пехотинцы.

Президент обходил комнату за комнатой, задавал защитникам вопросы, и перед ним четко вырисовывалась реальная картина их положения: 47 мужчин, 20 автоматов Калашникова, 50 карабинов, включая оружие из склада карабинеров, 4 базук (к ним всего 15 снарядов), 5 пулеметов тридцатого калибра. Кроме того, у всех были пистолеты или револьверы, но никакого запаса патронов к ним.

Орландо слышал, как он повторял: «Отлично. Отлично». Он знал привычки Отца, это слово у него выражало всю гамму чувств, от «прескверно» до «восхитительно».

Орландо остановил Рамона.

— Рамон, у вас в группе есть пуленепроницаемые жилеты?

— Да. Целых четыре. На Эрнесто, на Адольфо, на Хосе и на Тони... Он ночью дежурил.

— Рамон, я хотел бы у кого-нибудь из них отнять жилет.

— Конечно, Орландо. Прости, я совсем было забыл про них. — Рамон чувствовал себя неловко. — Тони! — крикнул он.

— Да, командир.

Тони был один из самых молодых «друзей Президента». Студент юридического факультета, немного поэт, немного левый. (Притом левом он был лишь в политике, а стихи писал даже в очень традиционной манере, подражая индейским песням.)

— Да, командир.

— Сними жилет.

— Сейчас, командир.

Он содрал с себя пиджак, красивую фуфайку и, сопя, стал вылезать из стальной кольчуги. Орландо помог ему. «Спасибо».

Тони вернулся на свое место у окна. У этого же окна торчал Моралес. Тот, которого Президент называл слепым и которому придется уйти, как только представится случай. За столиком машинистки на машинке стучал Карлос Хоркерра, журналист из «Эль Негро». На столике стоял от руки написанный плакатик: «Хоркерра не сдается!»

Аугусто старался соединиться с радиостанцией «Магальянес», но тщетно.

— Я только что говорил с ними, — волновался он. — Я сказал, что вы просите еще пять минут эфира... Они обещали.

— У них бой? — спросил Отец.

— Да. Они все время передают призывы к вооруженным рабочим двинуться на защиту дворца...

— Бессмысленно идти против танков, — сказал Отец. — Пусть они никого не призывают...

— Простите, Отец, — Аугусто не нащупывал связи и нервничал. — Пусть они поступают как знают... Сегодня трудно сказать, что надо делать и чего не надо... Как вы это говорите? «В политике, как в лесоводстве: мы пожинаем, что не сеяли, и сеем, что пожнут другие». («Да».) Отец, — сказал Аугусто, — давайте запишем речь на магнитофон, и я передам в эфир, как только появится возможность. Это, может быть, уже последний наш выход в эфир.

Отец понял. Загремели пушечные выстрелы. Вошел Орландо.

— Что там?

— Танки стреляют, — сказал Орландо. — Пока ничего серьезного, Отец. — Орландо держал двумя пальцами кольцо. — Отец, наденьте вот эту штуковину. Теоретически она ПУЛЕНЕПРОНИЦАЕМА. Это полезно.

— Не надо мне полезного. — Президент, кажется, даже не взглянул на кольцо. Он уже думал о своей, возможно, последней речи.

— Отец, — голос Орландо стал строг, почти груб. — Отец, мы здесь стоим, пока вы не-вре-димы... Пустой дворец, этот архитектурный памятник, никто защищать не станет...

— Нет, — Президент не хотел отвлекаться от своих мыслей. — Я буду сражаться как все, — сказал и сморщился, исподлобья взглянув на жилет. — Не верю я в эту... мистику.

Два снаряда взорвалось в зале «Тоэска». Автоматная стрельба на время прекратилась. Орландо пробежал по коридору к «Тоэске». Увидел Густава, заряжающего базуку.

«Тоэска» была меньше разрушена, чем можно было ожидать, но все же являла собой зрелище настоящего разрушения. Увидев Юлию и Маркеса, склонившихся над лежащим человеком: «Кого это?» — спросил Орландо у Тони.

— Моралес. Из экономического совета. Он должен был уйти вместе с женщинами. Он уже не уйдет.

— Нужно бы найти место, чтоб его... уложить... — Маркес оглянулся, ища помощи. Они были с Моралесом друзья. Даже в смерти мы различаем друзей и незнакомых. — Нужно было бы найти место...

— Тони, — Орландо протянул ему кольцо. — Возьми свой жилет обратно.

— Нет-нет.

— Что «нет-нет»? Это не тебе одному. Это на двоих. На тебя и на Отца. Брось все и стань его тенью. Тони, запомни, что ты не имеешь права умереть после него.

Телефоны звонили на всех столах. Самое любопытное состояло в том, что телефоны в этот день работали бесперебойно, хотя в день обыденный часто было проблемой дозвониться в соседнюю комнату. Густаво выстрелил из базуки. Стрельба возобновилась.

Замигала лампочка на пульте, и Юлия включила динамик.

— Секретарь Президента слушает.

— Говорит генерал Бради. Через несколько минут на «джипе» подъедут ваши бывшие министры. Три человека. Они просят, чтобы Президент принял их для беседы.

— Я передам.

На дворец обрушился шквал пулеметного огня. Дважды из пушки танка угодили в центральный вестибюль министерства внутренних дел. Защитники переходили из комнаты в комнату, меняли места и стреляли по пехоте, не давая ей подняться из-за ограды. Вдруг мятежники затихли. С улицы Театинос выехал «джип». В нем сидели трое штатских.

— Женщины и все остальные, которые должны уйти, во внутренний двор! — громогласно забасил Президент. Он только что наговорил на магнитофонную ленту свое последнее обращение к народу, свое завещание и был доволен. — Ангелика!

Ангелика сидела на полу в покоях охраны и готовила чай. Нильсон ее спрашивал:

— Скажите, власть его изменила как человека?

— Не знаю... Вы имеете в виду, изменился ли он в плохую сторону? Нет. Некогда было, — пыталась улыбнуться. — Столько забот все время... Он изменился в другом смысле, что меня больше всего пугает... Он стал неразговорчивым и потерял чувство юмора... Это страшно...

— У него отличное чувство юмора...

— О-о! Вы не знали его раньше. Это был источник, из которого пил каждый...

— Ангелика!

Нильсон помог ей подняться. Они молча пошли за Президентом. Эрнесто и Тони открыли дверь на площадь, и в вестибюль вошли министр иностранных дел, министр внутренних дел (Рыцарь печального образа) и Флорес, министр промышленности.

— Здравствуйте тем, кто пришел, и до свидания тем, кто уходит, — Президент старался избежать трагической ноты. Подал по-мужски руку Ангелике. Она припала к его плечу. —

До свидания, друзья, — говорил Президент. — Спасибо вам за поддержку. Нам необходимо проститься быстро и без сантиментов. Тем радостнее будет встреча... Но разве здесь все?

— Моралес... умер, — сказала Ангелика.

Известие о смерти друга заслонило от Президента факт, что среди уходящих не было Юлии.

Президент открыл дверь и стал обозрим для всех, кто был на площади.

— Чичо, что ты делаешь?!

— Время не терпит. Идите, — схватил ее руку и ласково пожал пальцы. — Увидишь ФИДЕЛЯ, скажи, что ты оставила меня солдатом.

— Чичо-о!

— До свидания, Марнам, до свидания, Изабелла, до свидания, Фрида, Херке... Хуан... Томас, не забудьте!.. («Нет, нет...») Двери закрылись, и Президент подошел к министрам.

— Какими судьбами, компаньерос?

— Генерал Пин дал нам пятнадцать минут для разговора, — сказал Боа.

— Генерал Пин всегда отличался щедростью и благородством...

— Не глумись над нами, Чичо, — сказал министр внутренних дел. Он считался другом семьи. — Мы можем запереться наедине на эти пятнадцать минут?

— Пять минут мы уже потратили на женщин, — раздраженно сказал Президент. Может быть, настал час, когда все, оставшиеся по ту сторону дворцовых стен, стали казаться неприятелями?

— Хотите чаю? Ангелика только что приготовила... Приготовила и ушла. — Пошел медленно, уводя за собой тех, которые еще вчера были министрами и опорой его власти. Думал, что после ухода Ангелики стал свободным. Даст бог, женщины дойдут благополучно.

Помешивая ложечкой чай, он глядел на тех, что три года — нет, больше, пожалуй, лет пять! — были его соратниками. Они вместе стояли на трибунах — не так ли? — перед стотысячной аудиторией и пели «Интернационал». Дети преподносили им цветы. Женщины улыбались и приветственно махали руками. Больше чем три года, почти пять. Вопросительно глядел на тех, что пять лет — нет, больше, больше, лет восемь — были его соратниками.

— Президент, — начал министр иностранных дел, — мы прослушали ваши обращения к народу с гордостью и восхищением... Наше поражение временное, и настоящая борьба еще впереди...

Но реальность очевидна, и мы должны выйти из нынешней ситуации с наименьшими потерями...

Президент размешал сахар и нагнулся над чашкой.

— ...Наибольшей потерей для рабочего класса, для революционного движения была бы потеря... — запнулся неожиданно.

— Потеря меня, — подсказал Президент. — Потеря такого известного и опытного политика... Правильно я говорю?

Трое согласились:

— Да. Да. Да.

Затрещала автоматная очередь. За окном посыпалась штукатурка.

— Генерал Пин и генерал Бради...

— ...предоставляет самолет ВВС мне, моей семье и моим близким, в том числе и вам, — подсказал он еще раз. — Я уже сказал — нет. Вы знаете это.

— Чичо, — сказал министр внутренних дел. — Мы думаем, что борьба ваша благородна, но бесполезна. Вы должны жить — это главное.

Снова затрещали выстрелы, пули застучали по стене ниже окна.

— Это уже второй сигнал, — сказал Президент. — Вам пора. Вы не пьете чай? Нет?

— Чичо!

— Что? Что? — Президент овладел собою. — Идя сюда, вы знали, что я не сойду с этого места. Вы пришли узнать почему? Я скажу: хочу подумать... Это не такое бесполезное занятие, как вы тут выразились... — Встал. — Хотя «полезность» — это вообще пустое слово. — Протянул руку. — Простимся друзьями?

Разрешил себя обнять на прощание.

— Народу грозит горькая участь, и каждый из нас в той или иной мере разделит ее. Поверьте, что в моем поступке нет ни капли ложной романтики. Это единственное, что я прошу вас засвидетельствовать тем, кто по ту сторону... этих стен.

Президент сказал Рамону:

— Пока пауза, собери свободных людей.

Защитники собрались вокруг него в галерее президентов.

— Друзья, помощи нам ждать неоткуда. Это все должны осознать. — Вдруг вспомнил. — Моралес погиб? Был всемирно известный экономист, любящий и верный друг. Полуслепой. Я очень хотел его выручить. Больше нет потерь? — увидел пере-

вязанную ладонь у одного молодого охранника. Не мог почему-то вспомнить его имя. — Что с твоей рукой?

— Порезал, — парень покраснел. — Открывал банку с консервами, сорвался нож.

Все закачались от смеха, и Отец смеялся вместе со всеми. Потом сказал:

— Мы с вами сегодня переворачиваем одну недописанную страницу революции и начинаем следующую. Наш народ и Америка допишут остальное... Рамон и Эрнесто, на вашу ответственность первый этаж и въезд во внутренний двор. Мы с Орландо занимаем второй этаж и боковой вход с улицы Морандо. Все, друзья. Встретимся.

«Джил» отъехал от подъезда, но тишина не нарушалась. Там ожидали результатов переговоров. Хорккера печатал что-то на машинке. Аугусто и заместитель министра внутренних дел Вергара разговаривали по телефону. Вергара даже рассмеялся и захолопал ладонью по столу. Кто-то завтракал.

Бойцы охраны у балконных дверей сооружали баррикаду из шкафа с книгами. В белом халате прошел доктор Бартулин, тот маленький доктор Карлос, который сожалел, что он не священник.

— У нас нет документов, которые нужно было бы сжечь? — спросил Орландо.

Президент удивился и даже испугался.

— Нет, а что?

— Так не бывает, — сказал Орландо. — Всегда есть НЕ-НУЖНЫЕ БУМАГИ, которые только тебе одному принадлежат.

Президент нашел Аугусто.

— Прозерь мой стол, стол Юлии, сожги ненужные бумаги, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Аугусто и встревожился. — А где их сжигать? Не на полу же?

Президент тоже не знал.

— Посмотри, может быть, в кухне?

— В кухне Бартулин сооружает хирургический кабинет.

— А почему, Тони, вы все время у меня за спиной? — вдруг спросил Президент. — Вы как настоящая тень.

— Да, Президент.

— Это все выдумки Орландо?

— Да, Президент.

Орландо заглянул на кухню. Она и впрямь стала похожа на операционную. Вдруг он увидел женщину. Конечно, это была женщина под этим белым халатом и зеленой каской.

— Юлия!

Та вздрогнула. Повернулась лицом.

— Где ОН? — спросила она.

По-прежнему она в первую очередь думала о Президенте, и мысль, что ОН увидит ее здесь, внушала ей больше страха, нежели рвущиеся вокруг снаряды.

— Ты не ушла? («Нет».) Лучше не показывайся ему на глаза.

По коридору с кипой бумаг в двух корзинах плелся Аугусто. Остановил Симона, генеральского секретаря канцелярии.

— Тс, где это сжечь? В конце концов, это ваша обязанность!

Послышался гул реактивных моторов. На бреющем полете над дворцом пролетал самолет. Орlando ожидал этого давно и даже удивлялся, что так долго не возникал этот звук. В окно увидел, что солдаты и танки стали отходить от дворца.

— Отец! — крикнул он. — Солдаты отходят. Начинается нападение с воздуха.

Президент собрался было возразить, но тут снова послышался гул моторов.

— Всем на первый этаж! Воздух!.. Всем на первый этаж!..

Уже на лестнице он буркнул Орlando:

— Этот дворец — национальная гордость... Они не осмелятся...

Эвакуация второго этажа прошла быстро и без лишних тревожений. Природный человеческий оптимизм брал верх и подсознательно внушал ощущение временности всего происходящего, что придавало действиям защитников дворца окраску какой-то полутигры.

Ударил волна взрыва, и наконец все услышали, как в самом центре здания, в зимнем саду, взорвались две ракеты.

Когда утих звон падающих стекол, Президент спросил:

— Есть жертвы? Тони, обойди этаж.

Тони виновато взглянул на Президента, однако с места не сдвинулся и передал приказ по цепочке:

— Хосе, есть ли жертвы, обойди этаж!

Гул снова надвигался. Шло второе звено самолетов. Ракеты снова угодили в зимний сад и в бывшее помещение карабинеров. На сей раз взорвалось ракеты четыре. Первый этаж был застлан дымом. Орlando услышал стон раненого. Или это слылись в один несколько стонов?

— Рамон, где ты?

— Я слышу вас, — где-то совсем рядом прозвучал голос Рамона.

— Черт возьми, мы забыли о противобазах. Они должны быть в складе карабинеров... Не унесли же они их с собой... Погоди!..

Снова рывкнули моторы, на сей раз где-то совсем над крышей. Никто не слышал их приближения, и считать взрывы уже никто не успевал. Шесть? Восемь? Нечем было дышать. Пламя охватило флигель министерства внутренних дел. Оттуда зыбнулся в зимний сад охранник Роберто. Он горел, облитый напалмом. К нему кинулись сразу трое, но сбить пламя было нечем.

— Убейте меня! — кричал горящий.

Ему оторвало кисть правой руки, а левой он не мог достать до пистолета.

С галереи послышался голос Фигероа:

— Бойцы второго этажа, наверх!

Президент поднимался по лестнице — он считался бойцом второго этажа, — вдруг захромал, почувствовав боль в колене. Первой мыслью было, что он ранен, потом вспомнил — это он ударился коленом, когда упал от первой взрывной волны.

— Вы хромаете? — услышал чей-то голос рядом с собой.

— Я ушиб колено, — ответил он и тут же спохватился: — Женщина, кто ты?

Это была Юлия. Она держала его под руку, и сквозь немного рассеявшийся дым он увидел ее озабоченные преданные глаза.

— Почему ты здесь? — заорал он.

Сверху послышалась пальба. На дворец пошла пехота.

— Извините меня. Я хотела...

— Нет! Не извиню!

Он освободился от ее руки и крикнул вниз:

— Рамон! («Да.») Откройте все водопроводные краны на всех этажах! («Да!»)

Теперь все происходило одновременно: поднялась из-за ограды пехота, танки прямой наводкой стреляли по горящему дворцу, бронемашинны выехали на площадь и били из пулеметов по окнам первого этажа.

Президент попросил у Хосе базуку.

— Я никогда не стрелял из этой дуры. Но принцип, назерное, одинаков, как у винтовки?

Танк Е-28 подошел к воротам дворца, готовясь к тарану. Президент медлил. Выжидал. Целился. Орlando хотел крикнуть ему: «Стреляй!», но что-то удержало его. Президент изменил положение тела. Снова начал целиться. Помедлил. Выстрелил. Танк загорелся в пяти метрах от ворот. Ура!

Аугусто обливался кровью, получив пулю в горло. Фигероа погиб. Хоркерра погиб. («Хоркерра не сдается!») Педро погиб. Рихардо погиб. Энрике погиб. Дым стал застилать и второй этаж. Послышался гул самолетов.

— Воздух! — закричал Орландо. — Все на первый этаж! Остаются только пулеметчики.

Те, кто мог подняться, поднялись и ощупью, в дыму побежали вниз. Президент уселся у стены. Естественно, и Тони рядом с ним.

— Отец, — сказал Орландо, — самолеты.

— Это не для меня команда, — ответил он. — Орландо, мне как-никак шестьдесят лет, и бегать туда-обратно мне не по силам.

Услышав воздух, пехота отхлынула назад, боясь попасть под огонь истребительных ракет. Когда рассеялся дым новых взрывов, все слышали тишину.

Удивительной показалась эта тишина. Без выстрелов и криков. Снова стали слышны не умолкавшие с утра звонки телефонов в разных комнатах посреди развалин, загудел зуммер пультевой связи.

— Ответь, Орландо, — попросил Президент.

Орландо подошел к пульта.

— Говорит генерал Бради.

— Давно не виделись, — ответил Орландо. — Вы хотите зайти в гости? Нет? Мне показалось, кто-то стучит в двери!

— Говорит генерал Бради, — повторил невозмутимый голос. — Вышлите парламентариев с вашими условиями. Огонь прекращен на десять минут.

— Тони, — сказал Орландо. — Сообща вниз, что перерыв на десять минут. Пусть займутся пожаром и ранеными. Скажи, нет патронов для «Калашниковых».

— И попроси сюда Миранду и Вергару, — добавил Президент.

Он встал, и Орландо увидел на его джемпере пятна крови.

— Вы ранены, Отец?

— Это еще осколками стекла при первых взрывах.

— Я лезу к врачу.

— Не дурачьтесь, Орландо. Там, внизу, настоящие раненые. Вошли Миранда и за ним Вергара.

— Генералы просят выслать парламентариев, — несколько торжественно заявил Президент.

Все молчали, так как никто не понимал сути этого маневра.

— Вы согласны выйти к «гориллам» на переговоры? — спросил Президент.

— Чего они хотят и чего хотим мы? — спросил Миранда.

— Неизвестно... Мы хотим, скажем, чтобы они прекратили мятеж и вернулись в казармы, — Президент был в ударе, —

им, наверное, хотелось бы, чтоб мы никогда не родились на этой земле, не так ли?

— А на чем мы должны сойтись? — спросил Миранда. Он был деловым человеком, и ему почему-то казалось, что для шуток сейчас неподходящее время.

— Ни на чем, — сказал Президент. — Есть десять минут передышки. Если пойдем на переговоры, еще полчаса. Кстати, что они хотят, мы даже не знаем.

— Они предложат вам уехать, — сказал Миранда.

— Меня здесь нет, — отрезал Президент, — и моя личная судьба не играет никакой роли. Попроси эвакуации раненых. Скажи, должен проконсультироваться. Послушай, что они тебе скажут.

Миранда переглянулся с Вергарой. Хорошо.

За окнами завывали сирены. На подступах к площади стояли пожарные машины.

— Они собираются нас тушить, — сказал Отец. — Погасить пламя — это еще не значит уничтожить следы преступления.

Тони обходил телефоны. «Нету», «Погиб», «Нет его здесь. Не знаю», «Не знаю».

— Орlando, — крикнул он. — Вас просят к телефону.

Это был голос Нильсона.

— Орlando? Это Нильсен. Как вы?

— Ничего.

— Я нахожусь на пятнадцатом этаже отеля. На вас со стороны страшно смотреть.

— Со стороны всегда страшно.

— Передай Президенту, жену и трех женщин я отвез в мексиканское посольство. Кубинцы в осаде. Там идет настоящий бой.

— Отец, — сказал Орlando. — Ангелика и еще три женщины уже в мексиканском посольстве.

Президент улыбнулся. Да, Ангелика. Где-то в мире есть Ангелика. Есть дочери.

— Спасибо ему.

— Спасибо тебе, — сказал Орlando в трубку.

— Что будет дальше?

— Ты увидишь сам, раз ты на пятнадцатом этаже.

— Старик! Чертовски рад слышать тебя. Я улетаю в ближайшие дни. Лечу через Рим. Если встретится вдруг Анна-Мария, что ей сказать?

— Спроси, какая в Риме погода.

— Я ведь сам буду знать, какая там погода.

Орландо смотрел, как Миранда и Вергара приближаются к «джипу», стоящему на проезжей части площади.

— Ты жестокий парень, — снова сказал швед.

— Хорошо. Скажи ей, что я по-прежнему в той же комнате и жду в надежде, что когда-нибудь она появится. Скажи, что, кроме нее, у меня никого больше нет на свете. Скажи, я помирился с Президентом... Скажи, хочу ее... Только ее. Вызывает так... Никого другого...

— Я скажу. Что еще могу сделать для тебя?

— У меня кончились сигареты, Нильсон.

— Я БЫЛ рад познакомиться с тобой, — швед сказал «был».

В «джипе» стоял капитан Гарридо. Его лицо с низким лбом, оттопыренными ушами и шрамом на скуластой щеке выражало презрение, только презрение, одно презрение.

— Вы мне не морочьте голову. Самолет бывшему Президенту, — сказал он. — И больше никаких условий с вашей стороны.

— В таком случае, — сказал Миранда, — мы должны еще раз проконсультироваться.

Сверху было видно, как Миранда и Вергара покинули «джип» и повернули в сторону дворца. Они уже прошли полпути. Капитан Гарридо был снайпером. Он выстрелил из карабина, и Миранду метнуло в сторону. Вергара замешкался на мгновение, потом побежал ко дворцу. Второй выстрел застал его на ступеньках главного входа.

Президент в отчаянии нажал на курок автомата и не останавливался, пока не опорожнил весь диск. Стрельбу начали из окон обоих этажей. Один за другим двинулись два танка, прикрытые дымом горящего дворца, смяли главные ворота и вкатились во внутренний двор. За ними последовали солдаты. Бой завязался у парадной лестницы. Солдаты ворвались в кухню.

...Последний, кого видела Юлия, был солдат, который пнул ботинком ей в пах, а когда она упала, он ткнул туда же, в пах, стволом карабина.

— Баррикаду! — крикнул Президент. — Прикройте коридор.

На галерее президентов с прежней гордостью стояли мраморные бюсты. Эрнесто и Густаво стали валить постаменты и бюсты и строить из них заграждение. Потом Эрнесто выпустил последний снаряд из базуки и бросил ее вниз на головы солдат.

— Джакарта! — послышались выкрики внизу. — Джакарта!

Кто был где, нельзя было уже понять. Президент, Тони и

Симон стреляли в кого-то вдоль коридора второго этажа. Стреляли из зала в зал.

Капитан Гарридо искал Президента. Остальные его не интересовали. Он увидел вождя марксистов через два дверных проема, в глубине Красного салона. Сперва он видел только Тони, но, когда тот сделал полшага влево, глазу Гарридо открылся вождь, который заряжал автомат. Гарридо успел выстрелить раньше, чем Тони снова стал тенью того, кого охранял. Президент уронил автомат и схватился рукой за грудь. Тут же дверь захлопнулась, а когда Гарридо сунулся в коридор, его встретили огнем с двух сторон.

Симон и Тони подвняли Отца и усадили в его президентское кресло.

Президент произнес с трудом:

— Простите мне... Вместе... Измена... Орландо... Ангелина...

Тони заплакал. У него не было больше сил.

— Доктора! Тони, найди доктора, — молил Симон.

Тони пошел по длинным коридорам здания, не разбирая, где свои, а где противники. Шел без ружья, которое уронил, когда с Симоном переносил Президента. Его пошатывало, и иногда он опирался руками о стены. Увидел Адольфо, прислонившегося к шкафу.

— Адольфо, где доктор?

Адольфо был мертв.

В нескольких шагах от него, распластавшийся, с обнаженной грудью, лежал Эрнесто. Тони заблудился в дыму.

— Тони, почему ты здесь?

Он еле узнал Орландо, измазанного в крови и копоти.

— Где доктор Бартулин? — застонал Тони. — Отца ранили.

— Нет Бартулина. Я доктор.

Когда они бежали в кабинет, доктор уже не был нужен.

Президент восседал в своем кресле, перепоясанный трехцветной президентской лентой, глядя перед собой. Даже одна рука его была положена на стол и несколько выброшена вперед. Плечи его были покрыты нацистским флагом, сивозь который ореступала кровь.

Орландо, Тони и Симон оставили Отца и ушли в дым, где догорал бой. Потом и они легли рядом со своими друзьями на измёной отполированном полу президентского дворца.

Капитан Гарридо вошел в кабинет Президента и от страха и ненависти еще раз выстрелил в сидящего за столом человека.